

**ИЗВЕСТИЯ
ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ**

**Северо-Кавказский
регион**

**ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ
2020**

4

Редакционная коллегия:

В.С. Золотарёв – председатель редколлегии, доктор экономических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия
И.М. Узародов – заместитель председателя, доктор исторических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия
В.Х. Акаев – доктор философских наук, профессор, Академия наук Чеченской Республики, Россия
О.А. Алимуратов – доктор филологических наук, профессор, Пятигорский государственный университет, Россия
А.У. Альбеков – доктор экономических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия
В.Ю. Апрыщенко – доктор исторических наук, доцент, Южный федеральный университет, Россия
С.Н. Астапов – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
В.Д. Бакулов – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
В.М. Белоусов – доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
М.А. Боровская – доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Б.Б. Булатов – доктор исторических наук, профессор, Дагестанский государственный университет, Россия
Ю.Г. Волков – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Г.В. Драч – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Н.Н. Евченко – доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
А.Г. Иванов – доктор исторических наук, Кубанский государственный университет, Россия
Н.В. Изотова – доктор филологических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Г.Ф. Карпова – доктор педагогических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Ю.С. Колесников – доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
С.И. Лукьяшко – доктор исторических наук, профессор, Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН, Россия
А.А. Магомедов – доктор исторических наук, профессор, Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, Россия
А.В. Матецкая – доктор философских наук, доцент, Южный федеральный университет, Россия
Н.А. Мининков – доктор исторических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Е.М. Ниворожкин – доктор экономических наук, PhD (доктор экономики), UCL School of Slavonic and East European Studies, Лондон, Англия
Л.И. Ниворожкина – доктор экономических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия
В.Н. Овчинников – доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Е.А. Паламарчук – доктор исторических наук, профессор, Ростовский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции, Россия
И.А. Полякова – доктор экономических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия
В.И. Пржиленский – доктор философских наук, профессор, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина, Россия
М.Д. Розин – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Д.В. Сень – доктор исторических наук, Южный федеральный университет, Россия
Р.Д. Хунагов – доктор социологических наук, профессор, Адыгейский государственный университет, Россия
И.К. Шевченко – доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Э.А. Шеуджен – доктор исторических наук, профессор, Адыгейский государственный университет, Россия
Е.А. Шинкаренко – ответственный секретарь журнала, Южный федеральный университет, Россия
О.М. Штомпель – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия

Учредители:

Дагестанский государственный технический университет,
Дагестанский государственный университет,
Донской государственный технический университет,
Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова,
Кубанский государственный технологический университет,
Ростовский государственный университет путей сообщения,
Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),
Южно-Российский государственный политехнический университет им. М.И. Платова,
Южный федеральный университет

Над номером работали: В.В. Дашевская, Т.М. Климчук, В.И. Литвиненко, М.С. Шипитко.

Подписано в печать 21.12.2020. Выход в свет 23.12.2020.

Формат 60×84 1/8. Бумага офсетная. Шрифт Times.

Усл. печ. л. 15,11. Уч.-изд. л. 14,46. Тираж 250 экз. Заказ № 7859

Адрес редакции и издателя (для переписки):

344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42, Южный федеральный университет.

E-mail: izvestiya@sfedu.ru. Адрес в Интернете: www.izvestiya.sfedu.ru

Адрес редколлегии: 344090, г. Ростов-на-Дону, пр. Стачки, 200/1, корп. 2, к. 110,

тел.: (863) 218-40-00, доб. 11-093, доб. 11-094

Отпечатано в отделе полиграфической, корпоративной и сувенирной продукции
Издательско-полиграфического комплекса КИБИ МЕДИА ЦЕНТРА ЮФУ,
344090, г. Ростов-на-Дону, пр. Стачки, 200/1, корп. 1, к. 104, тел. (863) 247-80-51

Journal was founded in 1972 by Yu.A. Zhdanov

Editorial Committee:

V.S. Zolotarev - Chairman of the Editorial Board, Doctor of Economics, Professor, Rostov State University of Economics, Russia
I.M. Uznarodov - Deputy Chairman, Doctor of History, Professor, Rostov State University of Economics, Russia
V.H. Akayev - Doctor of Philosophy, Professor, Academy of Sciences of the Chechen Republic, Russia
O.A. Alimuradov - Doctor of Philology, Professor, Pyatigorsk State University, Russia
A.U. Albekov - Doctor of Economics, Professor, Rostov State University of Economics, Russia
V.Yu. Apryschenko - Doctor of History, Associate Professor, Southern Federal University, Russia
S.N. Astapov - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia
V.D. Bakulov - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia
V.M. Belousov - Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
M.A. Borovskaya - Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
B.B. Bulatov - Doctor of History, Professor, Dagestan State University, Russia
Yu.G. Volkov - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia
G.V. Drach - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia
N.N. Evchenko - Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
A.G. Ivanov - Doctor of History, Kuban State University, Russia
N.V. Izotova - Doctor of Philology, Professor, Southern Federal University, Russia
G.F. Karpova - Doctor of Pedagogy, Professor, Southern Federal University, Russia
Yu.S. Kolesnikov - Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
S.I. Lukyashko - Doctor of History, Professor, Federal Research Centre The Southern Scientific Center, Russian Academy of Sciences, Russia
A.A. Magometov - Doctor of History, Professor, Khetagurov North Ossetian State University, Russia
A.V. Matetskaya - Doctor of Philosophy, Associate Professor, Southern Federal University, Russia
N.A. Mininkov - Doctor of History, Professor, Southern Federal University, Russia
E.M. Nivorozhkin - Doctor of Economics, PhD, UCL School of Slavonic and East European Studies, London, England
L.I. Nivorozhkina - Doctor of Economics, Professor, Rostov State University of Economics, Russia
V.N. Ovchinnikov - Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
E.A. Palamarchuk - Doctor of History, Professor, Rostov Institute (Branch), All-Russian State University of Justice, Russia
I.A. Polyakova - Doctor of Economics, Professor, Rostov State University of Economics, Russia
V.I. Przhilensky - Doctor of Philosophy, Professor, Kutafin Moscow State University of Law, Russia
M.D. Rosin - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia
D.V. Sen' - Doctor of History, Southern Federal University, Russia
R.D. Hunagov - Doctor of Social Sciences, Professor, Adyghe State University, Russia
I.K. Shevchenko - Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
E.A. Sheudzen - Doctor of History, Professor, Adyghe State University, Russia
E.A. Shinkarenko - Executive Secretary of the Journal, Southern Federal University, Russia
O.M. Shtompel - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia

The Founders:

Dagestan State Technical University,
Dagestan State University,
Don State Technical University,
Berbekov Kabardino-Balkarian State University,
Kuban State Technological University,
Rostov State Transport University,
Rostov State University of Economics,
Platov South Russian State Technical University,
Southern Federal University

Magazine released V.V. Dashevskaya, T.M. Klimchuk, V.I. Litvinenko, M.S. Shipitko

Signed print December 21, 2020. Publication December 23, 2020.

Format 60×84 1/8. Offset paper.

Conv. print. sheets 15.11. Publ. sign. 14.46. Edition 250 copies. Order number 7859

Address of Editorial Board and the publisher (for correspondence):

344006, Rostov-on-Don, Bolshaya Sadovaya St., 105/42, Southern Federal University.

E-mail: izvestiya@sfedu.ru. Web Address: www.izvestiya.sfedu.ru

Address of Editorial Board: 344090, Rostov-on-Don, Stachki Ave, 200/1, Bildg. 2, room 110,
phone: (863) 218-40-00, ext. 11-093, ext. 11-094

Printed in the printing department, and corporate souvenirs,
Publishing and printing complex KIBI MEDIA CENTER, SFU,
344090, Rostov-on-Don, Stachki Ave, 200/1, build. 1, of. 104, phone (863) 247-80-51

ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ. СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ РЕГИОН

BULLETIN OF HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS. NORTH CAUCASUS REGION

doi 10.18522/2687-0770-2020-4

*Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77 – 76978 от 28.10.2019,
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций
Научный журнал
Издается с 1973 г.
Периодичность серии 4 номера в год
№ 4 (208) 2020 г.*

*Registration certificate
PI No. FS 77 - 76978 dated 10/28/2019,
issued Federal Service for Supervision
of Communications, Information Technology,
and Mass Media
Science magazine
Published since 1973.
4 issues per a year
No. 4 (208) 2020*

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

SOCIAL SCIENCE

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

PHILOSOPHICAL SCIENCES

Алавердян А.Л., Мальцев К.Г. Социолого-исторический дискурс нации: метод и структура	4
Буданов В.Г. О творчестве в физике и перспективах коллективной научной работы	15
Матвейчев О.А. Русский Серебряный век: дионисийство против principium individuationis	21
Сорокин Г.В. Наука как осознанная деятельность	29
Хоконов М.А., Соблирова З.Х. Концепт «Гу» («сердце») в традиционном социокультурном пространстве черкесов (культурологический аспект).....	33
Щедрина И.О. Автобиографическая память как когнитивный феномен	38

Alaverdyan A.L., Maltsev K.G. Sociological and Historical Discourse of the Nation: Method and Structure.....	4
Budanov V.G. About Creativity in Physics and Prospects for Collective Scientific Work	15
Matveychev O.A. The Russian Silver Age: Dionysianism Versus Principium Individuationis	21
Sorokin G. V. Science as a Conscious Activity	29
Khokonov M.A., Soblirova Z.Kh. The Concept of “Gu” (“Heart”) in the Traditional Socio-Cultural Space of Circassians (Cultural Aspect)	33
Shchedrina I.O. Autobiographical Memory as a Cognitive Phenomenon	38

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

HISTORICAL SCIENCES

Антоненко П.С. Демократизация католической церкви в Испании в 1976–1978 годах	43
Баранова И.В. Благотворительность в профессиональной среде немцев Санкт-Петербурга в конце XVIII – начале XX века ...	48
Васильцов К.М. Формирование донских добровольческих кавалерийских дивизий в 1941–1942 годах по воспоминаниям С.И. Горшкова	54
Габарашвили Г.Д. Панэллинская программа императора Адриана	59
Егорова В.П. Политика Российской империи 70-х годов XIX – начала XX века в отношении использования дагестанских лесов и лесной продукции	64

Antonenko P.S. Democratization of the Catholic Church in Spain in 1976-1978	43
Baranova I.V. Charity within Professional Environment of Saint Petersburg Germans in the Late 18th - Early 20th Century	48
Vasiltsov K.M. The Formation of the Don Volunteer Cavalry Divisions in 1941-1942 According to the Memoirs of S.I. Gorshkov	54
Gabarashvili G.D. Panhellenic Program of Hadrian	59
Egorova V.P. Policy of the Russian Empire in the 70s of the 19th - Early 20th Century Regarding the Use of Dagestani Forests and Forest Products	64

Жевалов С.А. Продовольственный вклад Ростовской области в Великую Победу	70	Zhevalov S.A. Food Contribution of the Rostov Region to the Great Victory	70
Кротов О.С. Атаман М.И. Платов и донское старообрядчество в начале XIX века	75	Krotov O.S. Ataman M.I. Platov and Don Old Believers at the Beginning of the 19th Century ...	75
Магомедов Р.М. Социально-политические просчеты правительства и трансформация стратегии «Сендеро Луминосо» как основные факторы эскалации напряженности в Перу в начале 2000-х годов	79	Magomedov R.M. Socio-Political Miscalculations of the Government and the Transformation of the “Sendero Luminoso” Strategy as the Main Factors of the Escalation of Tension in Peru in the Early 2000s	79
Маркова Д.К. Фактор насилия в политической и социокультурной коммуникации на Северо-Восточном Кавказе в конце XVIII – начале XIX века	85	Markova D.K. Factor of Violence in Political and Socio-Cultural Communication in the North-Eastern Caucasus in the Late 18th - Early 19th Century	85
Пуховская Н.Е. Веймарская республика и Франция: проблемы взаимоотношений двух непримиримых соперников в постверсальский период	91	Pukhovskaya N.E. The Weimar Republic and France: Relationship Problems Between Two Bitter Rivals in the Post-Versailles Period	91
Ратушняк В.Н., Касьянов В.В., Ратушняк О.В. Роль культурного волонтерства в формировании исторической памяти современной российской молодежи	102	Ratushnyak V.N., Kasyanov V.V., Ratushnyak O.V. The Role of Cultural Volunteerism in Shaping the Historical Memory of Modern Russian Youth	102
Сахранов В.Р. Первый съезд Советов Донской советской республики 1918 года в контексте общероссийской внутри- и внешнеполитической повестки	107	Sakhranov V.R. First Congress of Soviets of the Don Soviet Republic in the Context of the All-Russian Domestic and Foreign Policy Program	107
Шереужев А.Ж. Горская АССР и проблемы национального самоопределения Кабардинского и Балкарского округов (1921–1922 годы)	114	Shereuzhev A.Zh. Gorsk ASSR and Problems of National Self-Determination of Kabardin and Balkar Districts (1921-1922)	114
НАШИ ЮБИЛЯРЫ		OUR PERSONS	
Шинкаренко Е.А., Ватulyян Т.А. К 80-летию Виктора Исидоровича Литвиненко	122	Shinkarenko E.A., Vatulyan T.A. To the 80th Anniversary of Victor Isidorovich Litvinenko	122
Полякова И.А. К юбилею Людмилы Ивановны Ниворожкиной	124	Polyakova I.A. To the Anniversary of Lyudmila Ivanovna Nivorozhkina.....	124
Указатель материалов, опубликованных в журнале «Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки» в 2020 г.	127	Index of Materials, published in the Journal “Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science” in 2020	127
Рекомендации по оформлению транслитерации (References)	130	Recommendations for the Design of Transliteration (References)	130

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ PHILOSOPHICAL SCIENCES

УДК 101.1:316
doi 10.18522/2687-0770-2020-4-4-14

СОЦИОЛОГО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ДИСКУРС НАЦИИ: МЕТОД И СТРУКТУРА

© 2020 г. А.Л. Алавердян ^а, К.Г. Мальцев ^а

^а Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова,
Белгород, Россия

SOCIOLOGICAL AND HISTORICAL DISCOURSE OF THE NATION: METHOD AND STRUCTURE

A.L. Alaverdyan ^а, K.G. Maltsev ^а

^а Shukhov Belgorod State Technological University, Belgorod, Russia

Алавердян Артем Левушович –
кандидат философских наук, доцент,
кафедра теории и методологии науки,
Белгородский государственный
технологический университет им. В.Г. Шухова,
ул. Костюкова, 46, г. Белгород, 308012, Россия.
E-mail: arti-medwed@mail.ru

Artem L. Alaverdyan -
Candidate of Philosophy, Associate Professor,
Department of Theory
and Methodology of Science,
Shukhov Belgorod State Technological University,
Kostyukova Str., 46, Belgorod, 308012, Russia.
E-mail: arti-medwed@mail.ru

Мальцев Константин Геннадьевич –
доктор философских наук, профессор,
кафедра теории и методологии науки,
Белгородский государственный
технологический университет им. В.Г. Шухова,
ул. Костюкова, 46, г. Белгород, 308012, Россия.
E-mail: pavic69@mail.ru

Konstantin G. Maltsev -
Doctor of Philosophy, Professor,
Department of Theory
and Methodology of Science,
Shukhov Belgorod State Technological University,
Kostyukova Str., 46, Belgorod, 308012, Russia.
E-mail: pavic69@mail.ru

Социолого-исторический дискурс нации трансформирует привычные представления о необходимости нации как исключительной формы политического единства суверенного народа: выявляется историческая и социологическая обусловленность нации и случайность исторически неповторимой констелляции обстоятельств появления новоевропейской нации-государства. Предпосылки и основоположения социолого-исторического дискурса нации обычно не эксплицируются: «либеральная метафизика» (К. Шмитт), суть которой определяется как бесконечная дискуссия автономных индивидов-субъектов, постулирует в качестве основы нации как гражданского сообщества политическую лояльность государству, гражданином которого является индивид, и выбор национальной идентичности на основе свободного решения автономного гражданина-субъекта; «этнические группы» и «исторические национальные общности» расцениваются как материал, форма и смысл которого определяются политической нацией, становление которой обусловлено необходимостью массовой мобилизации милитаристского территориального новоевропейского государства, демократической формой и расширяющимся политическим и социальным гражданством. Изменение конфигурации названных условий отменяет постепенно, но необходимо, действительность нации, которая теперь рассматривается как остаток (В. Парето), представляющий социальную опасность (национализм, этнический терроризм). Социолого-исторический дискурс нации посредством каузального сведения (М. Вебер) претендует редуцировать действительность нации к социально-историческим условиям ее становления и существования, т. е. без остатка снять нацию и национальное как «неактуальную» (и маргинальную) для современности форму идентификации.

Ключевые слова: нация, сообщество, идентификация, суверенный народ, государство-нация, дискурс, идеальный тип, каузальное сведение, «радикальное понятие».

The sociological and historical discourse of a nation transforms the usual ideas about the need for a nation as an exclusive form of political unity of a sovereign people: the historical and sociological conditionality of the nation and the randomness of the historically unique constellation of the circumstances of the emergence of the new European nation-state are revealed. The preconditions and foundations of the sociological-historical discourse of the nation are usually not explicated: "liberal metaphysics" (K. Schmitt), the essence of which is defined as an endless discussion of autonomous individuals-subjects, postulates political loyalty to the state, the citizen of which is the individual, as the basis of the nation as a civil society and the choice of national identity based on the free decision of the autonomous citizen-subject; "ethnic groups" and "historical national communities" are regarded as material, the form and meaning of which is determined by the political nation, the formation of which is due to the need for mass mobilization of the militaristic territorial new European state, the democratic form and expanding political and social citizenship. Changing the configuration of these conditions cancels, gradually, but necessary, the reality of the nation, which is now viewed as a remnant (V. Pareto), representing a social danger (nationalism, ethnic terrorism). Sociological and historical discourse of a nation through causal information (M. Weber) claims to reduce the reality of a nation to the socio-historical conditions of its formation and existence, that is, to completely remove the nation and the national as an "irrelevant" (and marginal) form of identification for modern times.

Keywords: nation, community, identification, sovereign people, nation-state, discourse, ideal type, causal reduction, "radical concept".

Новоевропейское государство конституировалось как нация-государство. Нация стала формой политического единства суверенного народа. Возможность национального территориального государства открылась в революции. По утверждению Х. Арендт [1], Американская революция, впервые установившая политический порядок вне горизонта суверена как «абсолютного центра» политического порядка, тем самым стала началом современности как революции. С исторической и социологической точек зрения, действительность нации как формы политического единства представляется процессом, обусловленным неповторимой констелляцией причин разного рода. Нация как «категориальное единство» [2–4] имеет историю и социологически релевантные причины своего становления. Процесс является не линейным, а конкурентным, его необходимость – особого рода: не «категориальная», но исторически и социологически обусловленная (в неокантианской терминологии, например, не столько «генерализацией», но «индивидуализацией», предполагающей объяснение посредством идиографического описания). Репрезентативный для научного социального знания опыт подобного объяснения/описания становления нации и нации-государства мы находим у М. Манна [5–7], историческую оценку значимости нации как «несущей субстанции государства» [8] – у Э. Хобсбаума [9]. Критический анализ социолого-исторического дискурса нации как формы политического единства суверенного народа в новейший период истории европейских государств-наций является предметом данной статьи.

Методы. Научное исследование обнаруживает объект своего познавательного интереса как данный: «проведение границ» (это – дело исключительно философии; вообще: «Любой науке как таковой, то есть науке, каковой она является, остаются недоступными ее основные понятия и то, что они в себя вбирают; это связано с тем, что никакая наука с помощью своих собственных средств ничего не может сказать о себе» [10, с. 321]) и феноменологически имеющееся «предзнание» «о чем будет вестись речь» [11] предполагаются в наличии, средствами науки тематизируется данный объект в перспективе определенного познавательного интереса и на основе принятых основоположений, которые надлежит выявить в первую очередь. Социолого-исторический дискурс нации в современных социальных науках определен в горизонте специфической современной формы «экономической парадигмы политического» [12], каковой является «либеральная метафизика» [13]: нация здесь полагается сообществом как результатом свободного выбора автономного индивида-субъекта.

Форма такого сообщества может быть определена различно. Во-первых, как это представляет К. Хюбнер, понятие нации определяется им подобным структурированному в историческом горизонте общей судьбы «множеству регулятивных систем», идентичность нации предполагает ее представленность как «определяемую множественностью исторических регулятивных систем, которыми в своих обычных действиях, речи, мышлении, чувствах и желаниях – отчасти осознанно, отчасти неосознанно – в определенные моменты времени руководствуются субъекты, принадле-

жащие к этой нации» [8, с. 293]; такие системы правил вступают в многослойные, отчасти иерархические отношения к другим системам [8, с. 293]. Идентичность нации в определенный момент времени характеризуется структурированным множеством систем. В этом состоит ее синхронная идентичность» [8, с. 293]; нация понимается «как целостность, на это указывает и регулятивная идея ее системного множества» [8, с. 347]. Соответственно при национальной идентификации происходит отождествление с ней как с целостностью.

Обыденный процесс идентификации, естественно, реализуется только с видимой частью нации или с теми чертами, которые человеку в ней импонируют, регулируют его язык, мышление, поведение, а также с тем, с чем связан близкими и доверительными отношениями [8, с. 347]. Во-вторых, Б. Як [3] определяет нацию как «воображаемое сообщество» (Б. Андерсон [14]). Сутью его является то, что «сообщество складывается в результате некоего морального отношения между индивидами, называемого мной социальной дружбой. Сообщества связывают нас не с помощью нашего подчинения группе или же слияния с ней, а посредством того, что мы расположены проявлять особое попечение и лояльность к людям, с которыми одинаково разделяем нечто общее» [3, с. 19]. Но в любом случае безусловно исключается возможность представлять нацию как «естественную общность»: все, что еще остается «естественным» в процессе исторического складывания нации, должно быть снято в свободном решении индивида-субъекта о принадлежности к национальной идентичности.

Наконец, следует иметь в виду, что пределом научного социолого-исторического познания может быть только идеально-типическое понятие (М. Вебер [15]), но никогда – «радикальное понятие» (т. е. метафизическое и мифическое: К. Шмитт [16]). Таким образом, нам следует показать: во-первых, как социолого-исторический дискурс нации завершается идеально-типическим ее понятием; во-вторых, решить вопрос о применимости этого идеально-типического понятия к познанию современности.

Социолого-исторический дискурс становления новоевропейской нации-государства. М. Манн выделяет в качестве двух главных акторов Нового времени классы и нации-государства, которые нельзя рассматривать «совершенно отдельно друг от друга» [5, с. 4], и которые «не являются противоположностями, ослабляющими

друг друга» [5, с. 4], но которые «переплетались друг с другом», воздействовали друг на друга, «не подрывая развитие друг друга» [5, с. 4]. Становление наций в общем связано с «ростом государства», который начался после 1850 г. Развитие промышленного капитализма предполагало существенное расширение гражданских прав, что вело («непреднамеренные последствия») к «сплочению наций-государств, росту национальных классов» [5, с. 22]. Механизмы контроля в растущем государстве, представительство и бюрократия актуализировали «представительские конфликты»: «Какие классы, религиозные или языковые сообщества должны быть представлены и где они должны быть представлены, то есть насколько централизованным и национальным должно быть» [5, с. 22].

Модернизация в самом широком значении осуществлялась в контексте революционизированной современности, а революционную программу «можно модифицировать: режим и возникающие акторы власти могут выбирать или дрейфовать между различными путями модернизации, в разной степени опираясь на монархическое управление, верховенство закона, экономический либерализм, демократию и национализм» [5, с. 39]. Здесь многие страны действительно «двигались в сторону национализма и демократии» [5, с. 273], причем революция, считает Манн, оказалась «незавершенной» и власти удалось «избежать революции – путем компромисса с восходящими классами и нациями» [5, с. 273]. Кристаллизация современного государства происходила в «различных точках вдоль двух осей: на оси «представительства»... и на «национальной» оси – от централизованной нации-государства на одном конце и до нежестко связанного конфедеративного режима – на другом» [5, с. 69].

Государство в процессе роста и модернизации все больше становится милитаристским, и «милитаристские государства начали формировать идеологию вокруг классов и наций» [5, с. 320], т. е. нация по своему происхождению есть инструмент мобилизации, а национализм – «идеология мобилизации; в нации происходит «натурализация социальной жизни» [6, с. 130]. Мобилизация предполагает расширение социального гражданства и политизацию: «Социальное гражданство медленно расширялось, по мере того как законы эффективно реализовывались государствами на их территориях в ответ на социальную борьбу, которая была обращена внутрь этих тер-

риторий» [7, с. 440]. Манн отмечает универсальность этой тенденции в индустриальном процессе, получающую, однако, национальную окраску в одной стране за другой: «Нации появляются в начале XIX в. и фокусируются на союзах между модернизирующимися “старыми порядками” и мелкой буржуазией. Основными модернизаторами были либеральные гражданские служащие и специалисты. Многие национальные организации прошли через сети дискурсивной грамотности от идеологического гражданства. Теперь новые классы требовали политического гражданства, а также идеологического гражданства, осуществляемого главным образом через финансируемое государством или регулируемое государством образование, что помогло объединить нацию и государство в нацию-государство» [6, с. 213–214], – в социальном смысле наводоропейская нация есть нация среднего класса.

Таким образом, социологически картина генезиса нации представляется обратной той, которая «привычна»: рост и модернизация государства обуславливают появление нации как следствие территориального характера власти государства; нация «выращивается» «в клетке» территориальной организации вследствие необходимости мобилизации ресурсов (сказанное вполне соответствует «модернистским теориям» нации, например в том варианте, который разработан Э. Геллнером [17] или, частично, Б. Андерсоном [14]. Гражданская, или политическая, нация включает в свой состав «этнические нации», преобразуя их. Этот процесс социологически описывается так.

Манн дает следующее определение нации: «Нация – это экстенсивное межклассовое сообщество, подтверждающее свою четко выраженную этническую идентичность и историю и утверждающее свое собственное государство» [5, с. 275]. Нации приписывают себе «особенные добродетели» и, как правило, «вступают в конфликт с другими, “неполноценными” нациями» [5, с. 275]. Нации «возникли в XVIII в. в Европе и Америке и позже на других континентах» [5, с. 275]. Нация представляет собой «экстенсивное» и политическое сообщество, для возникновения которого до этого времени не было ни исторических, ни социологических условий: «До образования наций господствующие классы и лишь в редких случаях угнетенные могли организоваться экстенсивно и политически. Поскольку культура господствующего класса была в значительной степени изолирована от культуры крестьянских масс, лишь не-

многие политические блоки отличались принадлежностью к общей культуре, как это происходило внутри наций» [5, с. 275].

«Протонации» (или «этнические сообщества») существовали до наций: «В “этническом сознании”, чувстве, что все население разделяет общую идентичность и историю (как правило, мифическую), не было ничего необычного в предшествующей истории, особенно учитывая наличие общего языка, религии или политического единства» [5, с. 275]. Тем не менее «это была лишь одна из немногих “специализированных” идентичностей, значительно ослабленных локальными, региональными, корпоративными и классовыми идентичностями» [5, с. 275–276]. До Французской революции «термин “нация” в целом означал родовую группу, обладающую общими кровными узлами. Такой термин, как “политическая нация”, существовал в Великобритании XVIII в., и он употреблялся в отношении тех, кто обладал правом голоса и правом занимать должность (и то и другое обеспечивалось соединением правильной родословной и имущества). Нации тогда были в основном, по терминологии Э. Смита [4], горизонтальными и ограничивались господствующими классами. Смит также определяет вертикальные, то есть межклассовые, этнические сообщества, которые, по его словам, были широко распространены в аграрных обществах, тем самым продвигая перенниалистскую теорию компромисса (как она развита в Armstrong 1982)» [5, с. 276].

Но Манн «в целом оспаривает такой перенниализм»: «Я признаю некоторую “домодерновую” историю нации. Я выделяю два “протонациональных” этапа в развитии наций, начавшиеся еще до обсуждаемого периода. Я называю их религиозно- и коммерческо-эстатистскими этапами. Я также утверждаю, что “долгий девятнадцатый век” превратил протонации в полноценные нации в течение двух других этапов – милитаристского и промышленно-капиталистического» [5, с. 276]. На первом, который Манн называет религиозным, этапе «начиная с XVI в. протестантизм и католическая контрреформация создали потенциальные протонации двух типов. Во-первых, христианские церкви распространили сети дискурсивной грамотности буквально через область каждого крупного языка и (с большими вариациями) к людям среднего класса... Во-вторых, там, где различные церкви организовывали различные государства или регионы, их конфликты тоже могли достичь

более общенационального, протонационального уровня, как это случилось во время религиозных войн» [5, с. 276–277].

Однако на этом этапе собственно нации не образовались: «Обе “натурализирующие” тенденции сильно варьировались, так как большинство церквей (и вся католическая церковь) носило в основном транснациональный характер, в то время как границы государства лишь иногда совпадали с языковыми и церковными границами. Если мы посмотрим на историю Запада телеологически, от настоящего к прошлому, то тогда этот религиозный этап строительства нации покажется массовым навязыванием миру идеологической власти. Тем не менее безотносительно ко всякой теологии он производил только рудиментарные протонации» [5, с. 277]: «государство еще не было достаточно релевантно всей общественной жизни, чтобы слиться с такой протонациональной идентичностью и укрепить ее» [5, с. 277].

На втором этапе, «начавшемся около 1700 г., это ограниченное чувство единого сообщества испытало дальнейшую секуляризацию, поскольку коммерческий капитализм и милитаристско-государственная модернизация (в разных странах преобладало что-то одно) взяли на себя большую часть работ по расширению грамотности. Контракты, правительственные отчеты, учебники по армейской муштре, деловые переговоры в кофейнях, академии при знатных чиновниках – все эти институты секуляризовали и немного распространили вниз общую культуру грамотности господствующих классов» [5, с. 277], но «нация по-прежнему не мобилизовывала общество» [5, с. 278].

Собственно нации как «кросс-классовые, связанные между собой через государство и, наконец, агрессивные сообщества» появляются в конце XVIII в.: «К 1840 г. все ведущие державы были квазинациями, но трех различных типов. Нации британской и французской метрополий усиливали существующие государства, они являются примерами наций как “усилителей” государства (state-reinforcing). В Пруссии-Германии нация была больше любого из существующих государств и переходила от аполитичной роли к роли “создателя” государства (или пангосударственной роли). В австрийских землях нации были меньше государственных границ, и они стали “подрывателями” государства (state-subverting)» [5, с. 278]. Причиной этого Манн называет «проникновение растущего милитаризма третьего этапа в различные экономические, идеологические и политические отношения власти» [5, с. 278].

Первоначально кросс-классовое единство нации создавалось и создавалось как противостояние растущим поборам становящегося все более милитаристским территориального государства: «Единственными, кто был способен противостоять государственным поборам, были собственники, но теперь их число стало превышать возможности традиционной политики партикуляристского сегментаризма, которые в любом случае никогда оперативно не реагировали на их требования. Они обратились к универсальным сплывающим призывам, таким как “народ” или “нация»» [5, с. 287]. «Финансовые кризисы политизировали “народ” и “нацию»» [5, с. 287] и «слово “нация” расширило свое значение от кровных уз до гражданства. Тем не менее оно сохранило семейные метафоры – нация стала “родиной” или “отечеством” для всех, кто присоединился к единой национальной семье наряду с другими национальными семьями» [5, с. 287–288]. Нации, «обладающие самосознанием, таким образом, по сути были рождены из борьбы за представительное управление. Какими бы ни были зверства, впоследствии совершенные во имя нации, мы не должны забывать, что ее возникновение опирается на те демократические идеалы этого периода, которым сегодня мы придаем наибольшую ценность» [5, с. 288].

«Оборотной стороной» (Манн называет ее «темной стороной») нации, объясняемой ее происхождением, стало то, что «демократические идеалы были рождены войной. Без давления призыва на военную службу, военных налогов и регрессивных военных займов “народ” остался бы аполитичным и по большей степени игнорирующим государство. Теперь ограниченный “народ” отчасти контролировал государство, хотя все же главной функцией государства было ведение войн. Таким образом, нация стала чуть более агрессивной» [5, с. 288], но агрессивный национализм «расцвел» лишь в специфических условиях конца XIX – начала XX в.: «Когда мелкая буржуазия и народ уже были разъярены последствиями милитаризма в области фискальных поборов и рекрутского набора, они по-прежнему нуждались в дополнительных организационных ресурсах. Для того чтобы успешно бороться как класс или нация, им необходимы были смыслообразующие системы, воплощавшие высшие ценности, нормы, ритуалы и эстетические практики. Это требует идеологии в двояком смысле: как имманентной коллективной морали и как трансцендентного сообщения, которое придает

моральный характер чьей-то коллективной идентичности и отрицает его у противника, тотализирует борьбу и представляет альтернативное сообщество, за которое стоит бороться» [5, с. 290].

Нация выстраивалась как «расширенная семья», члены которой были «эмоционально сплоченными», а значит – лучше мобилизуемыми на борьбу за «свое и своих»: «Семья была основной моральной и эмоциональной действующей силой, потому что она была местом большей социализации, в том числе и для переживания и социального выражения любви и ненависти. Национализм также породил повсюду фиктивную семью: нация должна была, по ошибочному мнению, быть сообществом по происхождению; она также должна быть нашей символической матерью или отцом. Я убежден, что моральный пафос национализма возник благодаря его способности связывать воедино семью, местное сообщество и обширные (экстенсивные) национальные территории. Интенсивная организация семьи и общины может создавать сильные эмоции, возможно, желание жечь хлеб или бунтовать, но не широкую солидарность в рамках всего класса и нации. Эта интенсивность должна быть мобилизована более экстенсивными организациями власти. Именно здесь первые две протонациональные фазы складывания нации оказались весьма значимыми» [5, с. 291].

С усилением и милитаризацией территориального государства «усиливались» и нации: «В течение второй половины XIX и начала XX в. стадия промышленного капитализма, его классовые сражения и его влияние на государства привели к усилению возникших наций. Государства впервые взяли на себя основные гражданские функции, обеспечивая функционирование систем коммуникации, каналов, дорог, почтовых служб, железных дорог, телеграфных систем и, что еще важнее, школ. Государства в основном реагировали на нужды индустриализации, прямо выражаемые как капиталистами, так и другими классами, военными и государственными элитами. Оценив возросшие коллективные силы индустриального общества, они подталкивали государство в направлении большей социальной координации. В свою очередь, государственные инфраструктуры усиливали плотность социальных взаимодействий, но ограничивали их территорией конкретного государства» [6, с. 407–408].

Социальное поведение «натурализовывалось» и становилось «более национально-гомогенным»: «Довольно непреднамеренно большинство дей-

ствий государства приводило к развитию нации как единого сообщества, связывая интенсивные и эмоциональные организации семьи и соседских сообществ с более экстенсивными и инструментальными организациями власти» [6, с. 408]. При этом нации не были и не стали «тотальными сообществами» (как правило, иногда «приближаться» к этому, в Германии, например). «Внутри нации сохранился локализм, так же как и региональные, религиозные, языковые и классовые барьеры» [6, с. 208]. Нация также не была сообществом, «свободным от конкуренции», «народная межклассовая нация естественным образом включала концепции гражданства, хотя и разных типов. Но они, в свою очередь, обостряли две доминирующие политические кристаллизации XIX в., поднимая вопрос о представительстве – кто должен быть полноценными гражданами и “национальный” вопрос – где именно должно находиться гражданство, то есть насколько централизованными должны быть государство и нация» [6, с. 408]. Большинство государств не стало национально-гомогенными, но промышленный капитализм «усилил давление в сторону как более представительских, так и более национальных обществ. Натурализация была особенно эффективной, так как она была неосознанной, непреднамеренной, интерстициальной и тем самым не вызывавшей противодействия. Она вовлекала эмоции, как и рассудок, скрыто изменяя концепции вовлеченных сообществ» [6, с. 408], и «в зависимости от контекста индустриально-капиталистическая стадия развития нации способствовала развитию трех типов наций: усиливающих государство, создающих государство и подрывающих государство» [6, с. 409].

Манн определяет «социальный состав» новоевропейских наций: «К концу XIX в. народные нации – во всех трех вариантах – мобилизовывали средний класс и многих крестьян и рабочих во всех европейских странах. На этом этапе нации также стали более пассионарными и агрессивными» [6, с. 409]. Кристаллизация нации осуществлялась в перспективе концепта «национального интереса» и тем самым вызывала «агрессивный национализм». Манн утверждает, что «социальным ядром» нации стал «средний класс», и именно его он называет носителем «агрессивного национализма» [6, с. 411], но лишь в меру «вовлеченности среднего класса в политику», которая никогда не была высокой, – поэтому «государственная дипломатия и милитаризм оставались во многом скрытыми от народных групп вне

зависимости от того, обладали эти группы правом голоса или нет. Тем самым агрессивный национализм (или любое резкое действие во внешней политике) в действительности широко не распространялся среди большинства групп среднего класса, особенно среди мелкой буржуазии. Тем не менее агрессивный национализм становился все более привлекательным. Когда индустриализация увеличила функции государства, два клубка щупалец охватили национальное общество – гражданская и военная администрации. Сотни тысяч чиновников теперь зависели от государства, миллионы молодых людей воспитывались военными наставниками в рамках особой морали, принудительной и при этом эмоционально привязывавшей, являвшейся опознавательным знаком современной массовой армии. Эти две группы людей, их семьи, а не более широкие классы или сообщества составили ядро крайнего национализма. Они были, как я их называю, «сверхлоялистами» с завышенной лояльностью к тому, что они считали идеалами своего государства» [6, с. 411–412].

Колониальная политика, активно проводившаяся западными государствами с середины XIX в., также вела к росту национализма (мобилизующий потенциал наций в сочетании с концепцией «территориальных интересов» усугублял борьбу между отдельными нациями), а значит, к интенсификации национальной идентичности. В последующем антиколониальное освобождение также осмысливалось преимущественно как национально-освободительная борьба, хотя, по мнению большинства исследователей, нации еще только нужно было создать, и в большинстве случаев сделать это не получилось.

«Средний класс» является «ядром нации» и в другом, тоже социологически релевантном отношении, – через понятие и социальный институт социального гражданства. Средний класс в целом лоялен к существующей власти и к капитализму; «нация-государство среднего класса, созданная в конце XIX века, оказалась в решающем смысле вполне нашей современной нацией-государством» [6, с. 180]. «Нации-государства и нации оказались таким же решающим фактором, как капитализм и классы, в формировании цивилизации XX в. Средний класс был основным представителем, обеспечившим ее появление в XX в., и его более этатистские фракции определили работу его наиболее интенсивных и порой разрушительных форм» [6, с. 236]. Манн вводит такое понятие, как «членство в нации», и полага-

ет его (вплоть до настоящего времени) «высоко-стратифицированным» [7, с. 386]. Он описывает процессы постепенного включения в нацию социальных групп и связывает это с процессом получения социального гражданства и ростом социального сочувствия к «исключенным»: «Размах социального обеспечения шире там, где средний класс может с состраданием относиться к судьбе бедных и рассматривать их по сути как таких же людей, как они сами. Это было конкретизировано как нация – мы имеем огромное сходство с нашими согражданами. События, увеличивающие народную солидарность и значимость нации, положительно сказываются на социальном гражданстве, а события, которые их уменьшают, – отрицательно. В свою очередь достижение социального гражданства укрепляет сплоченность национального государства. Национальная “клетка” все более закрывает нас внутри себя благодаря развитию социальных прав» [7, с. 399]. Вообще же «классы с более устойчивыми гражданскими правами также были национально организованными, но существующее государство было их государством. Так как оно символизировало их воображаемое сообщество, они могли легче идентифицировать себя с его величием, честью и геополитическими интересами. Поскольку государство стало нацией-государством, священные государственные интересы становились национальными» [6, с. 476].

Что касается оценки современного «состояния нации», то она зависит, так же как и при возникновении нации, от роли, которая отводится территориальному государству в глобализационных процессах и в мировом имперском порядке, – это предмет специального исследования.

Нация-государство и современность. Отрефлексированная культурная общность и общность языка представляются как условие возможности становления нации как политического процесса в границах территориального устройства государства; следует удерживать это принципиальное утверждение, когда нация традиционно определяется как «исторически сложившаяся, устойчивая общность языка, территории, экономической жизни и духовного склада, проявившиеся в общности культуры» [9, с. 13]. Хобсбаум, например, утверждает, что в любом случае «в основе языкового национализма лежат отнюдь не проблемы культуры или средств общения, но вопросы власти и статуса, политики и идеологии» [9, с. 175]. Вообще же он, «подобно большинству серьезных исследователей», не рас-

считывает нацию «ни как первичное, изначально, ни как неизменное социальное образование: она всецело принадлежит к конкретному, по меркам истории недавнему периоду. Нация есть социальное образование лишь постольку, поскольку она связана с определенным типом современного территориального государства, с “нацией-государством”, и рассуждать о нациях и национальностях вне этого контекста не имеет, на мой взгляд, никакого смысла. Кроме того, я, вслед за Геллнером, склонен подчеркивать ту роль, которую играют в процессе формирования наций искусственное конструирование, целенаправленное изобретение и социальная инженерия» [9, с. 18–19].

«Нации» находятся «в точке пересечения политики, техники и социальных процессов. Нации существуют не только в качестве функции территориального государства особого типа (в самом общем смысле – гражданского государства Французской революции) или стремления к образованию такого; они обусловлены и вполне определенным этапом экономического и технического развития» [9, с. 20]. Таким образом, социолого-исторический анализ проводится в двух направлениях: «сверху», от государства (что наглядно показано М. Манном), и «снизу», «с точки зрения убеждений, предрассудков, надежд, потребностей, чаяний и интересов простого человека, которые вовсе не обязательно являются национальными» [9, с. 20]. Националистической политика становится тогда, когда, во-первых, легитимным полагается принцип, что «политические и национальные образования должны совпадать» и, во-вторых, что политический долг «титупной нации» в отношении «своего государства» стоит выше «прочих общественных обязанностей», а в экстремальных случаях (война) «должен подчинять себе любого рода обязанности» [9, с. 18]. Существует множество социальных связей, над-локального и, с другой стороны, «узкого», «личного» уровня, которые значимы для индивидов, но поддерживают национальную идентичность только посредством политики в государстве.

Хобсбаум указывает, что в становлении нации можно выделить три критерия, позволяющие причислить «народ к нации» (т. е., как он пишет, «преодолеть порог»): во-первых, «историческая связь народа с современным государством или с государством, имевшим довольно продолжительное и недавнее существование в прошлом» [9, с. 61]; во-вторых, «существование давно и

прочно утвердившейся культурной элиты, обладающей письменным национальным языком – литературным и административным» [9, с. 62]; в-третьих, «доказанная на практике способность к завоеваниям. Фридрих Лист прекрасно понимал: быть имперским народом – вот что лучше всего остального заставляет население осознать свое коллективное единство как таковое. Кроме того, завоевание представляло собой для XIX века доказательство успешной эволюции данного социального вида» [9, с. 62]. Этот «порог» впервые преодолевается только в конце нового времени, и именно в связи с демократизацией, когда народ-суверен «выходит на арену истории»: исторические и культурные сообщества «в самих себе теперь видят силу, которая имеет особое историческое призвание. Они требуют контроля над государством как самым мощным инструментом власти и начинают борьбу за политическое самоопределение. Политическое понятие нации, новое самосознание в целом, родились в 1789 году – в год Французской революции» [9, с. 161]. «Важнейшими политическими переменами, превратившими потенциальную восприимчивость к национальным лозунгам в их реальное восприятие, стали общая демократизация политики во все большем числе государств, а также создание современного типа бюрократического государства, способного активно влиять на своих граждан и мобилизовывать их для собственных целей» [9, с. 174].

Однако после того, как «порог» преодолен несколькими, первыми и успешными, путь к «становлению нацией» открывается и остальным. Национализм 1880–1914 гг. отличается тем, что «принцип порога» упраздняется: «С этого времени любая народность, которая считала себя “нацией”, могла добиваться права на самоопределение, означавшего в конечном счете право образовать на своей территории отдельное независимое государство» [9, с. 162–163]. Теперь, «и именно вследствие увеличения числа этих потенциальных “неисторических” наций» – «все более важными, решающими (и даже единственными) критериями национальной государственности становились этнос и язык» [9, с. 162–163]. Еще одним, третьим симптомом перемен стал резкий «сдвиг вправо»: родившаяся в революционном и демократическом процессе, нация становится реакционной (или по меньшей мере консервативной): «Национализм из понятия, связанного с левыми и либеральными идеями, превратился в среде мелкой буржуазии в шовинистиче-

ское, имперское, агрессивно-ксенофобское движение, точнее – в правый радикализм» [9, с. 193].

Отчасти менялся и «социальный ландшафт» действительности нации: если сначала, как мы писали, становление нации происходило в контексте «национальной экономики» и нация была нацией «среднего класса», то, как утверждает Хобсбаум, уже в начале XX в. ситуация стала меняться. Во-первых, произошел заметный идеологический сдвиг: широкое признание получило понятие расы, причем «давно и прочно утвердившееся деление человечества на “расы”, отличающиеся по цвету кожи, превратилось теперь в более сложную систему “расовых” признаков, по которым различались народы, имевшие примерно одинаковую светлую кожу, например, “семиты” и “арийцы”, а среди последних – нордическая, альпийская и средиземноморская группы» [9, с. 171–172].

При этом расовое деление получило политическую интерпретацию: «Дарвинистский эволюционизм, дополненный впоследствии тем, что стало известно под именем генетики, представил расизму чрезвычайно убедительную, на первый взгляд, систему “научных” аргументов, оправдавших дискриминацию и даже, как выяснилось затем, изгнание и массовое уничтожение “иностранцев”» [9, с. 171–172]. Во-вторых, средний класс, может быть, оставаясь «большинством нации», тем не менее как идеологически и политически недостаточно ангажированный, националистически радикализировался: «Три социальных процесса существенно расширили ту сферу, где складывались новые способы превращения “воображаемых” и даже реальных общностей в национальности: сопротивление традиционалистов, напуганных натиском современности; быстрый рост в урбанизирующихся обществах развитых стран новых и вполне “нетрадиционных” классов и слоев и, наконец, беспрецедентные миграции, разбросавшие по всему свету диаспоры представителей разных народов, каждая из которых оставалась чуждой как местным жителям, так и прочим группам переселенцев, ибо не успела еще выработать навыков сосуществования» [9, с. 173].

«Неуверенность в своем статусе, трудность самоидентификации, непрочность социального положения многочисленных слоев, находившихся между бесспорными работниками физического труда и столь же бесспорными представителями высших классов; сверхкомпенсация через претензии на исключительность и превосходство, ко-

торым кто-то вечно угрожает, – все это сближало мелкую буржуазию с идеологией воинствующего национализма, которую можно фактически определить как ответ на подобные угрозы» [9, с. 192].

Провозглашение «права наций на самоопределение» вплоть до создания национального государства, с одной стороны, политизировало и радикализировало национальные лозунги и программы, с другой – национальные меньшинства стали претендовать на свою, иногда монополярную, «нишу» в национальном (в границах государства-нации) разделении труда, т. е. принадлежность к меньшинству может рассматриваться как стратегия «приобретения выгод», или хотя бы «устойчивости». В тех же государствах, которые «не сложились», а таковыми все больше считаются все государства вне Европы и Юго-Восточной Азии, национальная самоидентификация часто служит групповой (иногда племенной) борьбе за власть над государством: «Если учесть, что “традиционные полиэтнические системы очень часто имеют ярко выраженный экономический характер” (Барт), то может показаться удивительным, что движения, отстаивающие свою этническую идентичность в многонациональных государствах, гораздо чаще бывают озабочены не этим видом социального разделения, но позицией их групп в свободном межобщинном соперничестве за контроль над государством. Многие из того, что принято считать проявлениями постколониального национализма, отражает обусловленную подобным соперничеством нестабильность межгрупповых отношений, которые зависят не от реального этно-экономического разделения труда и функций, но от политического равновесия (или его нарушения)» [9, с. 252].

В большинстве случаев, утверждает Хобсбаум относительно этих «новых недо-государств», «межэтнические отношения стабилизировались через постепенное развитие социально-этнического разделения труда, при котором “чужак” имеет общепризнанную функцию, и – какими бы ни были “наши” трения с его общиной, – служит для “нас” скорее дополнением, нежели выступает в роли конкурента. При отсутствии внешних препятствий подобный этнически сегментированный рынок труда формируется естественным образом, даже в эпоху западной индустриализации и урбанизации, отчасти потому, что на этих рынках обнаруживаются вакантные ниши, но главным образом по той причине, что неформальный механизм взаимопомощи, существующий у иммигрантов из определенных реги-

онов, заполняет эти ниши друзьями, родственниками и клиентами из числа земляков» [9, с. 251–252]. Это уже не «политическая» или «гражданская» нация, но своего рода «сетевое сообщество» (Б. Як утверждает, что такие сообщества основаны на поиске выгоды), но в точном смысле, по Парето [18], ее «остаток».

Что же касается национальных/этнических конфликтов, возобновившихся в Европе после крушения Восточного блока, то Хобсбаум считает, что «очевидный взрыв сепаратизма в 1988–1992 гг. проще всего определить как “завершение дела, не оконченного в 1918–1921 гг.”» [9, с. 262], и решаться проблема будет «в имперской перспективе».

В целом социальные и исторические условия изменились таким образом, что национальная идентификация больше не может считаться «основной»: «Кризис национального сознания мы можем обнаружить в нациях давно сложившихся. Это сознание – в том виде, в каком оно возникло в Европе прошлого века, – располагалось где-то внутри четырехугольника, вершинами которого были Народ, Государство, Нация и Правительство. В теории все четыре элемента совпадали. Как выразился Гитлер, Германия – это «ein Volk, ein Reich, ein Fuehrer», т. е. один народ/нация, одно государство, одно правительство (Volk означает здесь и народ, и нацию). В реальности же понятия “государства” и “правительства” определялись, как правило, политическими критериями, характерными для той эпохи, у истоков которой стояли великие революции XVIII века, тогда как понятия “народа” и “нации” определялись главным образом прежними, дополитическими критериями, служившими формированию воображаемых общностей. Политика же постоянно стремилась присвоить эти дополитические элементы и преобразовать их ради собственных целей. Органическая связь всех четырех элементов принималась без доказательств, – теперь, однако, в крупных исторических или давно сформировавшихся нациях-государствах это уже стало невозможным» [9, с. 298–299]. Национальная идентификация «с закатом нации-государства пойдет на убыль; и тогда с ясностью обнаружится, что быть “англичанином”, “ирландцем”, “евреем” или совмещать в себе все эти характеристики – это лишь один из многих способов самоидентификации, к которым прибегают люди в зависимости от конкретных обстоятельств» [9, с. 304], а национализм «исторически стал менее важным»: «Он уже не является, так сказать, глобальной перспективой развития или все-

общей политической программой, – чем он, вероятно, действительно был в XIX – начале XX в. Теперь он, самое большее, лишь дополнительный усложняющий фактор или катализатор для иного рода процессов» [9, с. 303].

Выводы. Нация, таким образом, представляется как историческая, т. е. преходящая общность, появление которой объясняется исторически сложившимися социальными и политическими обстоятельствами: нация есть продукт модернизации территориального государства. Протонации или «этнические сообщества» ассимилируются в политической/гражданской нации, являясь в лучшем случае материалом нациестроительства. Нация как культурное сообщество – рефлексивно; в современных условиях зрелая нация-государство вырождается в «сетевую нацию», в основе которой уже не солидарность, но в большей степени – поиск выгоды. Реальность данного представления и так описанная действительность нации может быть поставлена под вопрос в нескольких взаимосвязанных перспективах. Во-первых, последовательное уклонение от того, что называется «радикальным понятием» и, следовательно, от философского истолкования «сущности нации» (вообще признание такого вопроса неправомерным), принятие нации как наличной данности и ее идеально-типическое познание посредством каузального сведения может закончиться полным исчезновением объекта исследования. Кажется, это и есть «сверхзадача» либерального «мейнстрима» – избавление от всех видов идентичности, в которых сохраняется хотя бы «тень» естественности. В социолого-историческом дискурсе нация редуцируется без остатка. Но в противоположность сказанному, во-вторых, по утверждению К. Хюбнера, то, что в основу нации как действительного сообщества может быть положена «гражданская лояльность», является «абсурдной» и «чуждой действительности» идеей. В своей книге он показывает, что действительность нации – мифична. Конечно, можно с этим не соглашаться. В-третьих, мобилизационный потенциал нации едва ли можно полагать «исчерпанным» (что, кстати, показали события 90-х гг. в Восточной Европе, да и нынешнее состояние «европейских дел» также не может быть однозначно истолковано как «преодоление национализма»), равно как идеологический и даже «утопический» (как общественно значимая цель).

В любом случае философское истолкование смысла и границ социолого-исторического дискурса нации в современном общественном сознании, выявляющее его основоположения, предпосылки

и возможности, позволяет лучше уяснить цель, которая преследуется тем политическим актором, в интересах которого дискурс выстраивается, – глобальным космополитическим классом.

Литература

1. *Арендт Х.* О революции. М. : Европа, 2011. 464 с.
2. *Калхун К.* Национализм. М. : Территория будущего, 2006. 288 с.
3. *Як В.* Национализм и моральная психология сообщества. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2017. 520 с.
4. *Смит Э.* Национализм и модернизм: критический обзор современных теорий наций и национализма. М. : Праксис, 2004. 270 с.
5. *Манн М.* Источники социальной власти : в 4 т. Т. 2 : Становление классов и наций-государств, 1760–1914 годы. Ч. 1. М. : Дело, 2018. 503 с.
6. *Манн М.* Источники социальной власти : в 4 т. Т. 2 : Становление классов и наций-государств, 1760–1914 годы. Ч. 2. М. : Дело, 2018. 507 с.
7. *Манн М.* Источники социальной власти : в 4 т. Т. 3 : Глобальные империи и революция, 1890–1945 годы. М. : Дело, 2018. 682 с.
8. *Хюбнер К.* Нация: от забвения к возрождению. М. : Канон +, 2001. 400 с.
9. *Хобсбаум Э.* Нации и национализм после 1780 года. СПб. : Алетейя, 1998. 308 с.
10. *Хайдеггер М.* Ницше : в 2 т. СПб. : Владимир Даль, 2006. Т. 1. 608 с.
11. *Хайдеггер М.* Основные проблемы феноменологии. СПб. : Высшая религиозно-философская школа, 2001. 456 с.
12. *Агамбен Дж.* Царство и слава. К теологической генеалогии экономики и управления. М.; СПб. : Изд-во Ин-та Гайдара; Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2018. 552 с.
13. *Шмитт К.* Духовно-историческое состояние современного парламентаризма // Политическая теология. М. : Канон-Пресс-Ц, 2000. С. 155–258.
14. *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма. М. : Канон-Пресс-Ц; Кучково поле, 2001. 288 с.
15. *Вебер М.* Основные социологические понятия // Избр. произведения. М. : Прогресс, 1990. С. 602–643.
16. *Шмитт К.* Политическая теология // Политическая теология. М. : Канон-Пресс-Ц, 2000. С. 7–98.
17. *Геллнер Э.* Нации и национализм. М. : Прогресс, 1991. 320 с.
18. *Парето В.* Компендиум по общей социологии. М. : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008. 511 с.

References

1. *Arendt H.* (2011). *About the revolution*. Moscow, Evropa Publ., 464 p. (in Russian).
2. *Calhoun K.* (2006). *Nationalism*. Moscow, Territoriya budushchego Publ., 288 p. (in Russian).
3. *Yak V.* (2017). *Nationalism and moral psychology of the community*. Moscow, Gaidar Institute Press, 520 p. (in Russian).
4. *Smith E.* (2004). *Nationalism and modernism: A critical review of contemporary theories of nations and nationalism*. Moscow, Praxis Publ., 270 p. (in Russian).
5. *Mann M.* (2018). *Sources of social power: in 4 vol. Vol. 2: The rise of classes and nation-states, 1760-1914*. Moscow, Delo Publ., part 1, 503 p. (in Russian).
6. *Mann M.* (2018). *Sources of social power: in 4 vol. Vol. 2: The rise of classes and nation-states, 1760-1914*. Moscow, Delo Publ., part 2, 507 p. (in Russian).
7. *Mann M.* (2018). *Sources of social power: in 4 vol. Vol. 3: Global empires and revolution, 1890-1945*. Moscow, Delo Publ., 682 p. (in Russian).
8. *Hübner K.* (2001). *Nation: From oblivion to rebirth*. Moscow, Canon + Publ., 400 p. (in Russian).
9. *Hobsbawm E.* (1998). *Nations and nationalism after 1780*. Saint Petersburg, Aleteya Publ., 308 p. (in Russian).
10. *Heidegger M.* (2006). *Nietzsche: in 2 vol. Saint Petersburg, Vladimir Dal Publ., vol. 1, 608 p.* (in Russian).
11. *Heidegger M.* (2001). *The main problems of phenomenology*. Saint Petersburg, Higher Religious-Philosophical School Press, 456 p. (in Russian).
12. *Agamben J.* (2018). *Kingdom and Glory. Towards a theological genealogy of economics and management*. Moscow; Saint Petersburg, Gaidar Institute Press; Faculty of Liberal Arts and Sciences Press, St. Petersburg State University, 552 p. (in Russian).
13. *Schmitt K.* (2000). *Spiritual and historical state of modern parliamentarism. Political Theology*. Moscow, Kanon-Press-Ts Publ., pp. 155-258. (in Russian).
14. *Anderson B.* *Imagined communities: Reflections on the origins and spread of nationalism*. Moscow, Kanon-Press-Ts; Kuchkovo pole Publ., 288 p. (in Russian).
15. *Weber M.* (1990). *Basic sociological concepts. Selected works*. Moscow, Progress Publ., pp. 602-643. (in Russian).
16. *Schmitt K.* (2000). *Political theology. Political Theology*. Moscow, Kanon-Press-Ts, pp. 7-98. (in Russian).
17. *Gellner E.* (1991). *Nations and nationalism*. Moscow, Progress Publ., 320 p. (in Russian).
18. *Pareto V.* (2008). *Compendium on general sociology*. Moscow, Higher School of Economics Press, 511 p. (in Russian).

УДК 167.7

doi 10.18522/2687-0770-2020-4-15-20

О ТВОРЧЕСТВЕ В ФИЗИКЕ И ПЕРСПЕКТИВАХ КОЛЛЕКТИВНОЙ НАУЧНОЙ РАБОТЫ

© 2020 г. В.Г. Буданов ^а

^а Институт философии РАН, Москва, Россия

ABOUT CREATIVITY IN PHYSICS AND PROSPECTS FOR COLLECTIVE SCIENTIFIC WORK

V.G. Budanov ^а

^а Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Буданов Владимир Григорьевич – кандидат физико-математических наук, доктор философских наук, главный научный сотрудник, руководитель сектора междисциплинарных проблем научно-технического развития, Институт философии РАН, ул. Гончарная, 12, стр. 1, г. Москва, 109240, Россия. E-mail: budsyn@yandex.ru

Vladimir G. Budanov - Candidate of Physics and Mathematics, Doctor of Philosophy, Main Researcher, Head of the Department of Interdisciplinary Problems in the Advance of Science and Technology, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Goncharnaya Str., 12, build. 1, Moscow, 109240, Russia. E-mail: budsyn@yandex.ru

Решение многих задач в работе над сложными проблемами требует коллективных усилий, в том числе и в междисциплинарных проектах. Здесь возникают два типа проблем, одна из которых связана с выработкой особой методологии и общего междисциплинарного понятийного и функционального языка общения разных дисциплин, чему способствует использование языков математики, системного подхода и синергетики, но не только; второй же проблемой коллективного творчества является выработка единого совместного стиля генерации новой информации, который в большой степени связан с неявным знанием, рождающимся в научных школах. Поэтому мы рассматриваем научные школы теоретической физики и большие сообщества мегапроектов и интеллектуальных мегамашин в физике высоких энергий, в первую очередь на примере «золотого века» истории российской науки 80-х гг. прошлого века в Протвино. Их связь с социальным климатом, политическими ожиданиями, мировоззрением ученых, формированием физика в процессе образования и жизни в научном коллективе. Международные тренды коллективного творчества и национальные особенности существования научных школ обсуждаются в контексте международного мегапроекта по созданию Стандартной модели физики элементарных частиц. Рассмотрены три типа теоретизирования, которые восходят еще к творцам науки нового времени, но воспроизводятся в каждой эпохе, в каждом очередном международном мегапроекте. Они базируются на различных формах и сочетаниях доминирования формально-логического и эмпирического мышления. Ставится вопрос о перспективах теоретических исследований в цифровую эпоху искусственного интеллекта.

Ключевые слова: теоретическая физика, научная школа, мегапроект, стандартная модель, физика высоких энергий, математизация, интеллектуальная мегамашина.

Solving many challenges in dealing with complexity requires a collective effort, including in interdisciplinary projects. Two types of problems arise here, one of which is associated with the development of a special methodology and a general interdisciplinary conceptual and functional language of communication between different disciplines, which is facilitated by the use of the languages of mathematics, the systems approach and synergetics, but not only; the second problem of collective creativity is the development of a unified joint style of generating new information, which is largely associated with the implicit knowledge that is born in scientific schools. In this regard, we consider the scientific schools of theoretical physics and large communities of mega-projects and intelligent mega-machines in high-energy physics, primarily using the example of the “Golden Age” of the history of Russian science in the 80s of the last century in Protvino. Their connection with the social climate, political expectations, the worldview of scientists, the formation of a physicist in the process of education and life in a research team is considered. International trends in collective creativity and national features of the existence of scientific schools are discussed in the context of an international mega-project to create a standard model of elementary particle physics. Three types of theorizing are considered, which date back to the creators of modern science, but are reproduced in each era, in each successive international mega-project. They are

based on various forms and combinations of the dominance of formal-logical and empirical thinking. The question about the prospects for theoretical research in the digital era of artificial intelligence is raised.

Keywords: *theoretical physics, scientific school, mega-project, standard model, high energy physics, mathematization, intelligent mega-machine.*

Коллективный разум, коллективный субъект, коллективное творчество становятся мейнстримом современной методологии и эпистемологии, который возник в ответ на вызовы глобального сетевого общества, фантастических достижений искусственного интеллекта и необходимости понять и освоить когнитивную нишу человечества в эпоху цифровизации. Для этих целей, на наш взгляд, совершенно необходимо изучить опыт интеллектуальной работы в области теоретической физики, ее научных школ и проектных сообществ.

Физику совершенно не случайно считают самой теоретизированной наукой, ее предметом является природа, поначалу в наиболее доступных нашим органам чувств формах своего проявления. Ее наблюдения и эксперименты наиболее наглядны и легко воспроизводимы, что позволяет нашему воображению ставить мысленные эксперименты и строго анализировать научные факты. Неудивительно, что физика со времен Аристотеля служила образцом для построения технических инженерных знаний, но после триумфа ньютоновой механики и теории тяготения она становится почти до конца XIX в. идеалом и для молодых социальных и гуманитарных наук. Подчеркнем, что механическая картина мира по сей день остается самой наглядной из всех форм представления реальности для обыденного сознания. Именно физика стала основой программы первых двух волн позитивизма, а рождение неклассической физики начала XX в. позволило Т. Куну убедительно выстроить концепцию парадигмальных революций [1]. Концепции постнеклассической науки и методологии В.С. Степина также родились на поприще изучения истории и методологии физики, в том числе современной. Будучи сам хорошим физиком, Степин сумел перенести (совместно с В.Г. Гороховым) эти концепции на науки технические, а затем и науки об обществе [2].

Любовь к физике просыпается последней лишь в старших классах, и это не случайно, если не говорить о гуманитарных предпочтениях. Изначальный интерес к первой природе возникает еще в дошкольном возрасте, когда удивление перед жизнью порождает магическую, ре-

цептурную форму сознания ребенка и желание материального творчества: все пробовать, все мастерить, во все играть – так рождается росток будущего технического творчества малыша и его художественного восприятия мира. Примерно с пятого класса когнитивные карты школьника созрели для усвоения категориального мышления и серьезного изучения математики, это новые миры абстрактных понятий и образов, красота чистых эйдесов математики не оставит вас равнодушным, если вам повезло с учителем. Наконец, физика может очаровать вас к восьмому классу лишь если вы полюбили математику и не утратили интерес к окружающей природе и технике. По словам Г. Галилея, книга природы пишется языком математики. Именно тогда и рождается впервые в этом сплаве природно-образного и формально-абстрактного теоретическая картина мира в головах тех ребят, кто не отдал себя беззаветно искусству, технике или математике на более ранних этапах обучения, и кому, опять же, повезло с хорошим физиком в школе. Таким образом, физиков, особенно физиков-теоретиков много не бывает, это штучный товар, и их подготовка требует особых условий научных школ и традиций, которые складываются не одно поколение. Например, Германия и Япония так и не смогли восстановить свой теоретический потенциал в полной мере после поражения во Второй мировой войне. Американцы не стремятся создавать культ физики в школе, известных ученых предпочитают переманивать на хорошие позиции и присуждать им нобелевские премии уже как американцам в первом поколении. Еще в 90-х гг. нобелевский лауреат по физике Ч. Ли рассказывал нам, что в американских университетах физику учат китайцы, а преподают русские профессора. Сегодня это могут быть и другие нации, но американцы предпочитают идти в финансовые сферы и юриспруденцию, но не в науку.

Наука как социальный институт сопряжена со многими формами других социально-экономических практик и процессов, таких как фундаментальные и прикладные исследования, образование, техника и технологии, производство, инженерия, эксплуатация, проектирование, торговля, бизнес, военные разработки, иннова-

тика, космос и т.д. Тем самым этос научной работы, стили коммуникации и организации науки существенно зависят от места ее социальной и исторической прописки, зачастую сильно искажая классические идеалы и нормы научной деятельности, создавая конфликтные зоны в поле научных исследований и разработок.

Казарменная форма работы с жестким планированием, высокой степенью секретности и мобилизованности времен бериевских «шарашек» по созданию атомной бомбы совершенно не похожа на жизнь сообщества ученых ЦЕРНа или Силиконовой долины, где созданы максимально свободные и комфортные условия быта, творчества и коммуникации. Эти два полюса жесткого планирования исследований, гонки за результатом любой ценой, с одной стороны, и свободной самоорганизации самозаказа в научном творчестве личности и коллектива – с другой, задают края спектра возможных стилей реализации научных исследований и разработок. Корпоративная и грантовая система ближе к жесткому планированию, в то время как свободный поиск характерен для многих академических подходов.

Мне конечно знакомы перечисленные формы коллективного взаимодействия, поскольку я с отличием окончил физический факультет МГУ, аспирантуру теоретического отдела Института физики высоких энергий (Протвино), защитил первую диссертацию по основаниям квантовой теории, многие годы преподавал физику и естествознание инженерам и гуманитариям, после сорока лет занялся философией науки и защитил докторскую диссертацию по методологии постнеклассической науки и синергетики, работал в научных проектах физиков-теоретиков и технарей, философов и междисциплинарных сообществ. Но в этой работе я хотел бы остановиться на трех формах – стилях научных школ в теоретической физике, мегапроектах и мегамашинах в физике высоких энергий.

Напомню знаменитое выражение П.Л. Капицы о том, что основное в руководстве учеными – это не мешать им работать [3]. Тем самым роль самоорганизации и творческая свобода очень ценились преемником Э. Резерфорда, основателем нашего Физтеха и Нобелевским лауреатом как главное условие создания эффективного труда ученых. Дух свободы до сих пор царит во многих отделах и лабораториях теоретической физики по всему миру уже на протяжении более века, создавая креативную среду, ту самую рес-

публику ученых, о которой не сможешь забыть, если был к ней причастен со студенческих лет, в которой ты становился на крыло первых научных взлетов и разочарований, откровений о методе и предмете, который оказывается совсем не так прост и понятен, как пишут в учебниках. Здесь ты приобретаешь к неявным знаниям мэтров, получая инициацию красоты и парадоксальности их стилей мышления, соперничаешь со сверстниками в скорости и выносливости в решении задач, учишься доносить свои мысли коллегам и выдерживать натиск критики и непонимания, но главное взаимно обогащаться в бесконечных разговорах о главном, о научной истине, которая стоит выше амбиций и личных отношений.

Мне посчастливилось работать в этой среде более десяти лет во времена «бури и натиска» 70–80-х гг., когда исследования в физике элементарных частиц и квантовой теории поля шли столь широким фронтом, что абдукция была непрерывной игрой по построению возможных миров самой различной природы, размерности и свойств, когда никому не дано было знать, что может пригодиться для построения полной стандартной модели, и любые фантазии и химеры обсуждались со вниманием, а вдруг! Здесь были аксиоматическая теория поля, S-матричный подход и феноменология реджистики, кварк-глюонная плазма и теория струн в самых разных размерностях, квантование солитонов и инстантонов вакуума, проблемы калибровочных полей, квантовой гравитации, инфляционной Вселенной и т.д.

Тогда был предложен общий абрис кварк-лептонной структуры Стандартной модели, скрепленной калибровочными полями всех типов взаимодействий (кроме гравитации). Эта модель Салама – Вайнберга – Глэшоу именно тогда стала получать свое активное подтверждение, были обнаружены С и В кварки, промежуточный W-бозон электрослабых взаимодействий, завершение марафона связано с открытием последней компоненты модели – H-бозона Хиггса лишь в 2012 г. в ЦЕРНе. Международным центром общения теоретиков со всего мира на короткое время стало Протвино, ведь там уже существовал авторитетный научный институт и современный мощный ускоритель, но было начато строительство нового, самого мощного в мире ускорителя. Это был «золотой век» нашей физики высоких энергий, подаривший науке многие глубокие идеи и классиков

квантовой теории мирового уровня, таких как Л.Д. Фадеев, А.А. Славнов, А.М. Поляков, В.Н. Грибов, Л.Б. Окунь, А.Д. Линде, Д.В. Ширков, А.Н. Тавхелидзе, А.Б. Замолотчиков и других [4, 5]. Именно этот оптимистичный образ научного парадиза я и застал в Протвино. Финансирование было почти неограниченным, в моде было наведение мостов с учеными США по проблемам ядерного разоружения и фундаментальной науки, а позднее моделям «Ядерной зимы» Н.Н.Моисеева и К.Сагана [6]. Директор Института физики высоких энергий академик А.А. Логунов был крупным физиком-теоретиком, авторитетным членом ЦК КПСС и неустанно напоминал руководству страны о возможностях прорыва в физике микромира соизмеримых с созданием ядерной бомбы. Он умело блефовал, намекая на перспективы кварковой бомбы на страницах газеты «Правда», опирался на авторитетных творцов нашего ядерного щита, и деньги давали. Закончилось все стремительно, как и многое для России, с безвременьем 90-х, утратой научного финансирования и исходом многих теоретиков за границу, а экспериментаторов – в международные коллаборации [6].

В работе масштабных конференций и дискуссий того времени бросались в глаза различия трех школ, трех стилей теоретизирования. Первая школа может быть соотнесена с традициями научной школы Л.Д. Ландау и В.Л. Гинзбурга, в которой можно было заметить высокий уровень почитания мнения авторитетов школы и довольно жесткое подавление альтернативных их мейнстриму точек зрения, высокий уровень эвристики и соотносимость своих моделей с реальными экспериментами. Второй полюс составляла школа учеников и последователей Н.Н. Боголюбова, классика аксиоматических методов и строгих мат-физических подходов в описании реальности [4]. Здесь доминировала красота и лаконичность построений, иногда вне всякой связи с реальными экспериментами, авторитет был не так важен, важен был строго доказанный результат, объяснение эксперимента не являлось для них самоцелью. Эти школы хорошо дополняли друг друга, хотя их представители и недолюбливали стиль оппонентов, часто ревнуя к успехам друг друга.

Третий полюс составляли многие выдающиеся математики, которые со времен создания теории относительности и квантовой теории вдохновлялись образами физики, например, в

первой половине века – это великие А. Пуанкаре, Г. Вейль, Е. Вигнер, Дж. фон Нейман, позже Ч. Янг и Р. Миллс, далее М.Гелман – основатель теории кварков, в обсуждаемое мною время, Ю.И. Манин, С.П. Новиков, Л.Д. Фадеев; сегодня идеи Э. Калаби и Ш. Яу, как идеология теории суперструн [7]. Их неожиданные открытия и результаты у физиков всегда вызывали большой интерес и пробуждали надежду на появление прорывных методов и концепций для решения своих проблем. Именно так было с полной классификацией вакуумных решений – инстантонов В.Г. Дринфельдом и Ю.И. Маниным в начале 80-х, а Дж. фон Нейман фактически завершил формализм квантовой механики на рубеже 30-х гг., разрешив непримиримый спор В. Гайзенберга и Э. Шредингера о реалистичности авторских формулировок квантовой механики [8]. Сразу разобраться в новой теории физики не могли, и это вызывало ощущения дара свыше от посланцев вселенского разума, отсюда особый пиетет к братьям-мастерам абстрактного искусства математики.

Впрочем, в скором времени физики-теоретики осваивали новый подход, а математики шли искать другое поприще своих приложений в совершенно иных областях науки. Математики, приходящие в физику со стороны, обычно были уже известными профессионалами и, как правило, не создавали своих школ, исключением, пожалуй, станет Е. Вигнер, создавший целое направление приложений теории групп в квантовой физике [9]. Огрубляя положение вещей, можно сказать, что среди теоретиков существуют три страты: теоретики-экспериментаторы, по духу близкие Г. Галилею; теоретики-теоретики, наследующие метод Ньютона; и теоретики-консультанты по вызову от математики или миссионеры, наверное, здесь по стилю ближе всех образ Р. Декарта и А. Пуанкаре. Сегодня стили школ совершенно перемешались и в каждой из них можно встретить представителей всех трех стилей теоретизирования.

В заключение отметим, что создание Стандартной модели физики элементарных частиц является Мегапроектом длиной более полувека, от создания теории калибровочных полей Янга – Милса и идеи спонтанного нарушения вакуума до его триумфального завершения в начале 2010-х гг. с открытием бозона Хиггса. Стандартная модель за многие десятилетия создала Суперсубъект-Мегамашину человеческого ин-

теллекта, международного сообщества тысяч теоретиков и экспериментаторов, которые двигались к целостной картине микромира часто на ощупь, как говорил С. Вайнберг, это напоминало восхождение на Эверест в тумане, хотя все верили, что вершина существует, и иногда ее очертания приоткрывались в прозрениях теоретиков и успехах экспериментаторов [10]. Этот мегапроект всегда был открытым и международным, пока не начали разваливать международные коллаборации через санкции против России.

Он всегда был сетевым, задействовал мощности систем ГРИД и распределенных вычислений, он не подвластен эпидемическим барьерам, так как физики давно в коллаборациях работают в аутсорсинге. Крайне важно, что этот Мегапроект дает человечеству новые формы работы коллективного интеллекта будущего, как в технологическом, так и в этическом аспектах. Сейчас мы понимаем, что человечество близко к ресурсной границе познаваемости мира в силу конечности наших энергетических возможностей, о чем почти сто лет назад писал Е. Вигнер [11], и важно не утратить этот интеллектуальный и организационный потенциал человеческой Мегамашины физики, перенаправив его на решение новых сверхзадач цивилизации. Отдельными вопросами для исследования, к которым мы надеемся вернуться, являются: насколько искусственный интеллект способен решать задачи, требующие коллективного сознания; в чем перспективы гибридных систем в продвижении коллективного интеллекта; что принесет квантовый компьютер в эту область?

Литература

1. Степин В.С. Теоретическое знание (структура, историческая эволюция). М.: Прогресс-Традиция, 2003. 743 с.
2. О великих революциях в науке, критериях постнеклассики, истине и нравственности и сохранении жизни на Земле / Беседа В.Г. Буданова и В.С. Степина. URL: <http://oralhistory.ru/talks/orh-1434> (дата обращения: 30.10.2020).
3. Каница П.Л. Эксперимент. Теория. Практика. М.: Наука, 1981. 495 с.
4. О школе Боголюбова, золотом веке Института физики высоких энергий, несбывшихся надеждах и будущем российской физики / Беседа В.Г. Буданова с

В.И. Савриным. URL: <http://oralhistory.ru/talks/orh-1471> (дата обращения: 30.10.2020).

5. Моисеев Н.Н. Изучение биосферы с помощью машинных экспериментов. Оценка последствий ядерной войны // Экология человечества глазами математика (Человек, природа и будущее цивилизации). М.: Молодая гвардия, 1988. 254 с.

6. О границах познаваемости природы, революции в физике и «утечке мозгов» / Беседа В.Г. Буданова с В.А. Рубаковым. URL: <http://oralhistory.ru/talks/orh-1513> (дата обращения: 30.10.2020).

7. Грин Б. Элегантная Вселенная. Суперструны, скрытые размерности и поиски окончательной теории / пер. с англ., общ. ред. В. О. Малышенко. М.: Едиториал УРСС, 2004. 288 с.

8. Нейман Дж. Математические основы квантовой механики. М.: Наука, 1964. 367 с.

9. Вигнер Е. Теория групп и её приложения к квантово-механической теории атомных спектров. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1961. 444 с.

10. Вайнберг С. Объясняя мир. Истоки современной науки. М.: Альпина нон-фикшн, 2016. 474 с.

11. Вигнер Е. Этюды о симметрии. М.: Мир, 1971. 319 с.

References

1. Stepin V.S. (2003). *Theoretical knowledge (structure, historical evolution)*. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 743 p. (in Russian).
2. *About the great revolutions in science, the criteria of post-nonclassics, truth and morality and the preservation of life on Earth*. Conversation of V.G. Budanov with V.S. Stepin. Available at: <http://oralhistory.ru/talks/orh-1434> (accessed October 30, 2020). (in Russian).
3. Kapitsa P.L. (1981). *Experiment. Theory. Practice*. Moscow, Nauka Publ., 495 p. (in Russian).
4. *About the Bogolyubov's school, the Golden Age of the Institute of High Energy Physics, unfulfilled hopes and the future of Russian physics*. Conversation of V.G. Budanov with V.I. Savrin. Available at: <http://oralhistory.ru/talks/orh-1471> (accessed October 30, 2020). (in Russian).
5. Moiseev N.N. (1988). Study of the biosphere using machine experiments. Assessment of the consequences of nuclear war. *Ecology of mankind through the eyes of a mathematician (Man, nature and the future of civilization)*. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 254 p. (in Russian).
6. *About the limits of cognizability of nature, revolutions in physics and "brain drain"*. Conversation of V.G. Budanov with V.A. Rubakov. Available at: <http://oralhistory.ru/talks/orh-1513> (accessed October 30, 2020). (in Russian).

7. Green B. (2004). *Elegant Universe. Superstrings, hidden dimensions and the quest for the ultimate theory*. Tr. from English, V.O. Malysenko (Ed.). Moscow, Editorial URSS Publ., 288 p. (in Russian).

8. Neiman J. (1964). *Mathematical foundations of quantum mechanics*. Moscow, Nauka Publ., 367 p. (in Russian).

9. Wigner E. (1961). *Group theory and its applications to the quantum mechanical theory of atomic spectra*. Moscow, Foreign Literature Publishing House, 444 p. (in Russian).

10. Weinberg S. (2016). *Explaining the world. The origins of modern science*. Moscow, Alpina non-fiction Publ., 474 p. (in Russian).

11. Wigner E. (1971). *Symmetry studies*. Moscow, Mir Publ., 319 p. (in Russian).

Поступила в редакцию / Received

30 октября 2020 г. / October 30, 2020

УДК 130.2
doi 10.18522/2687-0770-2020-4-21-28

РУССКИЙ СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК: ДИОНИСИЙСТВО ПРОТИВ PRINCIPIMUM INDIVIDUATIONIS

© 2020 г. О.А. Матвейчев ^а

^а Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия

THE RUSSIAN SILVER AGE: DIONYSIANISM VERSUS PRINCIPIMUM INDIVIDUATIONIS

O.A. Matveychev ^а

^а Financial University under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russia

Матвейчев Олег Анатольевич –
кандидат философских наук, профессор,
Финансовый университет
при Правительстве РФ,
пр. Ленинградский, 49, г. Москва, 125993, Россия.
E-mail: matveyol@yandex.ru

Oleg A. Matveychev -
Candidate of Philosophy, Professor,
Financial University under the Government
of the Russian Federation,
Leningradskii Ave, 49, Moscow, 125993, Russia.
E-mail: matveyol@yandex.ru

Исследуется бытование, развитие и исторические судьбы знаменитой ницшевской антитезы «аполлоническое и дионисийское» в русской культуре конца XIX – начала XX в. Рассматриваются причины подлинного триумфа Ницше в России эпохи Серебряного века, особенности рецепции его идей российской интеллигенцией. Акцент в работе делается на творчестве Вяч. И. Иванова – главного проводника, глашатая и живого воплощения идеи дионисийства в России (работы практически всех других авторов, обращавшихся к этой теме, написаны под его влиянием). Анализируются основные этапы формирования его оригинальной концепции культа Диониса, воспринимаемого Ивановым как феномен прежде всего религиозный (мыслитель отказывается использовать понятия «аполлоническое» и «дионисийское» в качестве метафор для описания той или иной культурной реальности). Важнейшей идеей Иванова было представление культа Диониса, «религии страдающего бога» как «предуготовления» к христианству. В «реставрации» дионисийского культа Иванов видит путь к преодолению кризиса современного мира, основанном на principium individuationis.

Ключевые слова: история философии, история идей, древнегреческая религия, мифология, Древняя Греция, Серебряный век, Дионис, Ницше, Вячеслав Иванов.

The article examines the existence, development and historical fate of the famous Nietzschean antithesis “Apollonian and Dionysian” in Russian culture of the late 19th - early 20th century. The author considers reasons for the true triumph of Nietzsche in Russia during the Silver Age and the peculiarities of the reception of his ideas by the Russian intelligentsia. The emphasis in the work is on the ideas of V. Ivanov - the main guide, herald and living embodiment of the idea of Dionysianism in Russia (the works of almost all other authors who addressed this topic were written under his influence). The main stages of the formation of his original concept of the cult of Dionysus, perceived by Ivanov as a primarily a religious phenomenon, are analyzed (the thinker refuses to use the concepts “Apollonian” and “Dionysian” as metaphors to describe a particular cultural reality). Ivanov's most important idea was the presentation of the cult of Dionysus and the “religion of the suffering god” as a “preparation” for Christianity. In the “restoration” of the Dionysian cult, Ivanov sees the way to overcome the crisis of the modern world, based on the principium individuationis.

Keywords: history of philosophy, history of ideas, Ancient Greek religion, mythology, Ancient Greece, Silver Age, Dionysus, Nietzsche, Vyacheslav Ivanov.

Не будет преувеличением сказать, что весь Серебряный век русской культуры прошел под знаком знаменитой ницшевской метафоры «аполлонического и дионисийского».

Первые сведения о Ницше появляются в русских изданиях в 1892 г. В том же году выходит первое изложение философии Ницше [1]. Творчество философа с трудом пробивало себе дорогу к

русской читающей публике. Несмотря на то, что подавляющее большинство русских интеллектуалов знали европейские языки, читать на них Ницше они почти не имели возможности из-за жесткой цензуры. «Человеческое, слишком человеческое» и «Антихрист», например, в России были попросту запрещены из-за их резко антихристианской направленности. Выпуск «Антихриста» в 1908 г. издательством М. В. Пирожкова вылился в двухнедельное тюремное заключение для издателя.

Надо сказать, что Ницше не сразу был принят русской интеллигенцией. Его философия поначалу характеризовалась преимущественно как упадническая и нигилистическая [2–4]. Резко отрицательно отзывались о ней Е.Н. Трубецкой, Л.М. Лопатин, Н. К. Михайловский, Ф. И. Булгаков, Н. Ф. Федоров, Л. Н. Толстой. Заочной полемикой с Ницше пронизаны поздние работы В.С. Соловьева, в целом принимавшего идею сверхчеловека, но трактовавшего ее как объединение людей во вселенской церкви для возвышения над неполносущим бытием и воссоединения человечества с Богом во имя окончательной победы любви над смертью. *Übermensch*'а же Ницше Соловьев считал прообразом антихриста, противопоставляя ему богочеловека Христа, победившего смерть телесным воскресением.

В конце XIX в. с большим запозданием выходят первые работы Ницше в русском переводе – «Так говорил Заратустра» (1898 г., нем. изд. 1884 г.) и «Рождение трагедии из духа музыки» (1899 г., нем. изд. 1872 г.). В 1900 г. увидело свет первое собрание сочинений немецкого мыслителя на русском языке под редакцией А. И. Введенского. Последующие десять лет станут временем подлинного триумфа Ницше в России.

«Ницше – настоящий бог молодежи того десятилетия», – вспоминал А. Н. Бенуа [5, с. 630]; «обаяние Дионисово сделало его властителем наших дум и ковачем грядущего», – восклицал Вяч. И. Иванов [6, с. 27]. «Фридрих Ницше, испровергатель кумиров, стоит в дверях нового века. ... Недавние тоскливые декаденты превращаются в ницшеанцев, анархистов, революционеров духа», – писал еще один свидетель эпохи, литературовед К. В. Мочульский [7, с. 263].

Популярность мыслителя, воспевавшего языческую древность, полную ярости, отваги и воли к мощи, превосходила в России той поры все пределы. Один только список представителей Серебряного века, вдохновлявшихся в своем творчестве ницшеанскими идеями, превысил бы допустимый

объем статьи в научном журнале. Это и А. Белый, и Ф. К. Сологуб, и И. Ф. Анненский, и К. Д. Бальмонт, и Л. Н. Андреев, и А. И. Куприн, и М.П. Арцыбашев, и С. М. Городецкий, и М.М. Пришвин, и М. М. Зощенко, и В. В. Маяковский – «крикогубый Заратустра», как он назвал себя в «Облаке в штанах», и, конечно, М. Горький с его босяками и Данко. Ницшеанство лежало в основе такого влиятельного течения в русском марксизме, как «богостроительство», представленного А.А. Луначарским, В. А. Базаровым, А.А. Богдановым и тем же Горьким.

Н.А. Бердяев характеризовал творчество Ницше как «самое сильное западное влияние на русский ренессанс» [8, с. 273]. Однако нужно иметь в виду, что из Ницше в России «вычитывалось» совсем не то, что в Германии или, скажем, во Франции. В той же «Русской идее» (1948) Бердяев отмечает, что русским Серебряным веком «в Ницше воспринято было не то, о чем больше всего писали о нем на Западе, не близость его к биологической философии, не борьба за аристократическую расу и культуру, не воля к могуществу, а религиозная тема. Ницше воспринимался, как мистик и пророк» [8, с. 273], что объяснялось особой социокультурной ситуацией, сложившейся на рубеже XIX – XX вв. Это время в России отмечено экзистенциальным пессимизмом, связанным с кризисом основ русской жизни, в том числе православия, на котором веками зиждилось здание российской государственности. Массовый характер приобрело обращение фрондирующей интеллигенции к мистическим учениям (таким как теософия, антропософия и т.д.), к «языческому прошлому», к новым религиям. Одной из таких «новых религий» и выступило ницшеанство или, точнее, ницшеанский дионисизм.

По этой причине ницшевское учение о противоположении аполлонического и дионисийского начал в культуре было воспринято значительной частью русской интеллигенции «за чистую монету», т.е. не в качестве удобной методологической схемы или пусть спорной, но красивой метафоры – как это было на Западе, но как реальное положение дел в греческой культуре или даже как некое мистическое откровение.

Дионис, бог чрезмерности, абсолютной свободы, оргастичности, телесности, мученичества, воли, неумного роста и вечного обновления, бог революции, становится героем – явным или неявным – многочисленных художественных произведений. Д. С. Мережковский неоднократно обращается к теме дионисийства в трилогии «Христос

и Антихрист» (1896–1905), главные герои которой – Юлиан Отступник, Леонардо да Винчи, Петр Великий – выступали в роли сверхчеловеков, объединяющих язычество и христианство.

Проводником, глашатаем и живым воплощением идеи дионисийства в России был Вяч.И. Иванов, самобытный поэт, утонченный интеллигент, теоретик символизма, центральная фигура русского Серебряного века. С «Рождением трагедии» Ницше он познакомился в 1891 г., во времена своего студенчества в Германии, работая над диссертацией по системе откупов в римском Египте под руководством великого Т. Моммзена. «Автор “Рождения трагедии” открыл ему Диониса как вневременное начало духа, как стихию музыки и священного безумия, как силу, “разрешающую от уз индивидуации”» [9, с. 16–17]. Свои римские штудии Иванов дополняет усердным изучением греческой религии и мифологии, эзотерических культов. Некоторое время он живет в Афинах, где собирает материалы о Дионисовых культах, слушает лекции Т. Гомоля и А. Эванса, учится у В. Дёрпфельда, знаменитого исследователя Трои [10] и автора идеи об интерактивности античного театра, которую Иванов возьмет на вооружение и творчески разовьет.

Различные аспекты дионисийского культа изучались учеными России и раньше – взять хотя бы исследование Д. Н. Овсяннико-Куликовского [11]. Однако никто прежде не брался за это дело с такой основательностью, как Иванов.

Он быстро избавляется от соблазна использовать понятия «аполлоническое» и «дионисийское» в качестве метафор для описания той или иной культурной реальности. Ставит перед собой более грандиозную задачу – возрождение дионисийства как живого культа. По его словам, «трагическая вина Ницше» состоит в том, что «он не уверовал в бога, которого сам открыл миру. Он понял дионисийское начало как эстетическое и жизнь – как “эстетический феномен”. Но то начало, прежде всего, – начало религиозное, и радуги жизненного водопада, к которым обращено лицо Ницше, суть преломления божественного Солнца» [6, с. 34]. В противовес немецкому мыслителю, Иванов «настаивает на буквальном и религиозном, а не историческом, поэтическом, метафорическом или каком-либо еще условном понимании разрабатываемого им культа. ... В отличие от поэзии жизнь буквальна, и дионисийство Иванова есть феномен жизненный – религиозный, а не эстетический» [12, с. 204].

Вся дальнейшая жизнь проходит у Иванова под знаком Диониса. Сильнейшие чувства по отношению к своей будущей второй жене Л. Д. Зиновьевой-Аннибал он испытал, увидев ее преобразование в менаду во время его рассказа о Дионисе. В 1895 г. Иванов соединит с ней судьбу, без сожаления оставив прежнюю (горячо любимую) супругу с ребенком. «Дионисийством» будут отмечены и дальнейшие события в его личной жизни – попытки создания «тройственных союзов», вызывавшая множество пересудов связь с молодым поэтом С. М. Городецким, женитьба после смерти жены на ее дочери (якобы по ее посмертной просьбе)...

Еще в Европе Иванов начинает работу над монументальным трудом о Дионисе. В 1903 г. он читает курс лекций под названием «Греческая религия страдающего бога (религия Диониса)» в парижской Высшей школе общественных наук, созданной М. М. Ковалевским для обучения представителей русской политической оппозиции (ее посещали, например, Л. Д. Троцкий, А. В. Луначарский, Д. Петровский; среди лекторов значились В. И. Ленин и лидер эсеров В. М. Чернов). Реакция на выступления Иванова была неоднозначной. В. Я. Брюсов нашел их «томительными»; Д. С. Мережковский и З. Н. Гиппиус, напротив, увидели в них новое слово, которое они решили донести широкой аудитории. Тексты лекций под заглавием «Эллинская религия страдающего бога» начинает печатать журнал Мережковского «Новый путь» (1904. № 1–3, 5, 8–9), после его закрытия публикацию цикла – уже под заглавием «Религия Диониса: Ее происхождение и влияние» – продолжают «Вопросы жизни» (1904. № 6–7). Статьи Иванова о дионисийстве публикуют также: журнал «Весь» («Ницше и Дионис». 1904. № 5, «Вагнер и дионисово действо». 1905. № 2); «Золотое руно» («Предчувствия и предвестия». 1906. № 5–6, «О веселом ремесле и умном веселии». 1907. № 5); и др. Выпуск труда о культе Диониса анонсируют в 1906–1910 гг. издательства «Орь» и «Мусагет». В 1917 г. очередной, доработанный вариант книги макетирует издательство Сабашниковых, однако готовый уже набор гибнет при пожаре.

Главная задача Иванова состояла в том, чтобы продемонстрировать родственность культа Диониса, который «был изначально и преимущественно богом страдания, богом “страстей”» [13, с. 12], христианству. Идея эта резко контрастировала с мыслями самого Ницше, противопоставлявшего эти две религии: «Дионис супротив “распятого”: вот вам и полярность. ... “Бог на кресте” –

это проклятие жизни, указание на избавление от нее. Растерзанный на части Дионис есть обетование жизни: она будет вечно возрождаться, возвращаться из тлена» [14, с. 642]. По мнению Иванова, антитеза «Дионис против Христа» надуманна и несостоятельна. Слепленный антихристианством, Ницше не разглядел в героическом боге Трагедии бога, претерпевающего страдание, и в качестве такового – предтечу и ипостась Христа. «Страшно видеть, – пишет Иванов, – что только в пору своего уже наступившего душевного омрачения Ницше прозревает в Дионисе бога страдающего, – как бы бессознательно и вместе пророчески, – во всяком случае, вне и вопреки всей связи своего законченного и проповеданного учения. В одном письме он называет себя “распятым Дионисом”. Это запоздалое и нечаянное признание родства между дионисийством и так жестоко отвергаемым дотоле христианством потрясает душу подобно звонкому голосу тютчевского жаворонка, неожиданному и ужасному, как смех безумия, – в ненастный и темный, поздний час [6, с. 30].

На богатом фактическом материале Иванов демонстрирует механизмы преемственности христианства по отношению к греческим мистериям. В евангельских притчах обнаруживается целый комплекс образов и символов, принадлежащих кругу дионисийских представлений – от винограда, рыбы и детей, играющих на флейтах, до причащения хлебом и вином на жертвенной вечере. Из эллинской религии в христианство перешло само понятие «страстей». В дионисийстве же, религии страдающего бога, коренится и христианская соборность: «Мир – обличье божества страдающего. Зрелище мирового страдания выносимо для зрителя и соучастника действия вселенского (а каждый из нас вместе зритель и соучастник его, и, как соучастник, – вместе жертва и жрец) только при условии живого сознания абсолютной солидарности сущего, только в глубоком экстазе мистического единства, который во всех ликах бытия прозревает единый лик жертвоприносимого, жертвоприносящегося Бога. Дионисова религия – религия такого Божества: это – аспект ее; и ее иступление – ее *virus*» [13, с. 202]. В «реставрации» дионисийского культа Иванов видит путь к преодолению кризиса современного мира: его «мистический сверхиндивидуализм перебрасывает мост от индивидуализма к принципу вселенской соборности» [15, с. 40].

В 1905 г. Иванов со своей новой женой вернулись в Россию и поселились в Петербурге в доме

на Таврической улице. Их квартира на последнем этаже, получившая название «Башня», стала главным интеллектуальным центром России второй половины 1900-х гг. Здесь устраивались диспуты, читались доклады, обсуждались события культурной жизни. В круг посетителей Башни входили Н.А. Бердяев, М.А. Волошин, Д.С. Мережковский, В.Ф. Эрн, М.И. Ростовцев, Д.В. Философов, Ф.Ф. Зелинский, М.О. Гершензон, В.Э. Мейерхольд, К.Д. Бальмонт, М. Горький, А.В. Луначарский, М.П. Арцыбашев, К.А. Сомов, М.В. Добужинский, С.М. Городецкий, М.А. Кузмин, А.А. Блок, Н.С. Гумилев, А.Н. Толстой, В. Хлебников и многие другие.

На знаменитых «средах» Иванов пропагандирует свои идеи и заражает гостей духом дионисийства. Вполне буквально понимался здесь и ницшевский тезис о раскрытии художественной мощи всей природы в трепете опьянения. В творческой атмосфере Башни литераторы-символисты, многие из которых были и профессиональными эллинистами, развивали собственные концепции дионисийства, впрочем, неизменно отмеченные влиянием Иванова.

Такое влияние явственно ощущается, в частности, в трудах ученого с мировым именем, декана историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета Ф. Ф. Зелинского [16, с. 118–122]. Впрочем, надо признать, что это один из немногих случаев обращения «цеховой филологии» к творчеству не считавшегося ей «своим» поэта-символиста.

Творческий импульс от идей Иванова получили выдающиеся религиозные философы В. Ф. Эрн и его одноклассник по Тифлисской гимназии П.А. Флоренский (осенью 1904 г. Эрн напишет Флоренскому: «Так радостно узнавать Христа под чужою маскою, под чужим именем»). Уже в ранней работе «Догматизм и догматика» (1906) «онтологизирует» миф о титанах точно по образцу работы Иванова 1904–1905 гг. [17, с. 78].

А. А. Блок, пытаясь совместить в одном сюжете две излюбленные ницшевские темы – дионисийство и Гиперборею [18], еще в 1906 г. начал работу над пьесой «Дионис Гиперборейский» о трудном походе людей в дальние гиперборейские горы для встречи с богом Дионисом и Мировой Красотой [19]. Замысел, увы, так и остался невоплощенным.

В пропаганде «эллинской религии страдающего бога» Иванов не ограничивался лишь лекциями и беседами, но и устраивал разного рода коллективные действия во имя разрушения пресловутого

principium individuationis и создания мистической общности. Предпринимались и попытки своеобразной реконструкции дионисийских мистерий. В мае 1905 г. Иванов организовал на квартире у Н.М. Минского совместное «моление». В действе участвовал цвет Серебряного века: сам Иванов, Бердяев, Ремизов, Венгеров, Минский (все – с женами), Мария Добролюбова, Сологуб, Розанов с падчерицей, из свидетельств которой и стало известно о мероприятии. Доведя себя до иступления безумным кружением в странном «дионисийском» танце, они выбрали «жертву» (некоего музыканта С.), надрезали ему вену, смешали свеженную из нее кровь с вином и пили, обнося чашу по кругу. Закончилось все «братским целованием» [12, с. 10–11].

Целью подобных обрядов было достижение оргастического иступления, мистического единения и творческого раскрепощения. В статье «Предчувствия и предвестья» (1906) Иванов напоминает, что, по Ницше, вакханалии породили величайшие формы искусства; так, трагедия родилась «из духа музыки», а точнее, из хорового дифирамба – экстатического дионисийского гимна. «В этом дифирамбе все динамично: каждый участник литургического кругового хора – действительная молекула оргийной жизни Дионисова тела, его религиозной общины. ... Превенная реальная жертва, впоследствии жертва фиктивная, это – протагонист, ипостась самого бога оргий, изображающий внутри круга страдальную участь обреченного на гибель героя. Хоровод – первоначально община жертвоприносителей и причастников жертвенного таинства» [15, с. 43].

Иванов представляет себе театр будущего, которому будет возвращена изначальная мистерияльность и который будет основан на хоральном действии, объединившем актеров и публику. Но задачи хорового действия Иванов видит гораздо шире: ему предназначено объединить людей во вселенскую общину; оно «увлечет толпы в мир самой причудливой и разнузданной фантазии и вместе послужит органом самоопределения общественного» [15, с. 43]. Так дионисийство Иванова демонстрирует черты политического проекта, сочетающего неонародничество с неоязычеством и мистическим утопизмом.

Критика «неорганичной», «обособленной» и «паразитной» современности, изжившей в себе дионисийское начало, переключается у Иванова (как и у многих других русских религиозных мыслителей) с рассуждениями об антагонизме Востока и Запада и месте России в мировом процессе. В

отличие от формализованного Запада, в первую очередь Германии, Россия предстает у Иванова средоточием дионисийства: именно русские «тайно обречены необоримым чарам своеобразного Диониса. ... Другие народы мертвенно-скупы, мы же, народ самосожигателей, представляем в истории то живое, что, по слову Гете, как бабочка – Психея, тоскует по огненной смерти» [20, с. 368].

На фоне патриотического подъема во время Первой мировой войны Иванов придает этому тезису новую остроту. В речи «Духовный лик славянства» (15 октября 1917 г.) он произносит: «Германо-романские братья славян воздвигли свое духовное и чувственное бытие преимущественно на идее Аполлоновой, и потому царит у них строй, связующий мятежные силы жизнеобильного хаоса, лад и порядок, купленный принуждением внешним и внутренним самоограничением. Славяне же с незапамятных времен были верными служителями Диониса. То безрассудно и опрометчиво разнуздывали они, то вдохновенно высвобождали все живые силы и не умели потом собрать их и укротить. ... И потому столь похожих их страстной удел на жертвенную долю самого, извечно отдающегося на растерзание и пожранье, бога священных безумий, страдающего бога эллинов. ... Недаром и Фридрих Ницше ... приписывал это открывшееся ему постижение – постижение “хаоса, рождающего звезду”, – своей природе славянина» [21, с. 668–669].

Впрочем, дионисийский характер русских – это, по Иванову, совсем не обязательно для них благо. Еще в 1909 г., в относительно стабильный межреволюционный период, он предупреждает: «Дионис в России опасен: ему легко явиться у нас гибельною силою, неистовством только разрушительным» [22, с. 83]. В не самом далеком будущем, всего через восемь лет, история докажет справедливость этих слов.

Иванов не примет революции, хотя и будет вынужден сотрудничать с новой властью, поступит на службу в возглавляемый Луначарским Наркомпрос, в 1920 г., оказавшись на Кавказе, станет профессором, а затем и ректором вновь открытого Бакинского университета, а в 1921-м, наконец, защитит докторскую диссертацию по культуре Диониса, что станет итогом его тридцатилетних изысканий. Дополненная четырьмя главами, она будет опубликована в 1923 г. в виде книги «Дионис и прадионисийство» крошечным тиражом.

В отличие от очерка «Эллинская религия страдающего бога» и других произведений дионисий-

ского цикла, предназначавшихся для широкой публики, «Дионис и прадионисийство» представляет собой исследование, написанное по всем правилам науки и достаточно сухим и сдержанным слогом. Публицистичность и злободневность прежних работ, утверждения в духе «Дионис – славянский бог» и пр. сознательно выносятся за скобки. Различается и содержание трудов, на что указывает и сам автор: «Очерк сосредоточен на проблеме дионисийской психологии и, в частности, на мистике дионисийской жертвы; настоящее исследование – на вопросе о прадионисийских корнях Дионисовой религии» [23, с. 12]. Термин «прадионисийство» Иванов вводит, чтобы не ограничиваться в своей работе лишь нарративными свидетельствами о Дионисе. В предметный круг исследования он включает пестрое множество не объединенных общим именем бога древних оргиастических культов, развивавших порознь отдельные элементы позднейшего культа Диониса. Эти элементы, «все дионисийское до Диониса», Иванов относит к «древнейшему индоевропейскому наследию» [23, с. 274].

По словам Н. В. Брагинской, «Дионис у него синкретичен по своей природе, приемлет все, со всем совмещается, откуда и куда бы ни явился, везде попадает на родную почву. ... Дионис вбирает в себя все (включая Аполлона), и когда ничего, кажется, уже не осталось, кроме безымянных или поименованных его ипостасей, нам становится ясно, что “Дионис” у Иванова – это модель архаического божества вообще, божества мифотворческой эпохи [24, с. 296–297]. Таким образом Иванов добирается до самых истоков религиозной идеи в человеческом духе.

Свою работу Иванов писал задолго до важнейших открытий в исторической науке, отодвинувших времена возникновения культа Диониса в глубь веков. Если в конце XIX – начале XX в. общим местом являлось утверждение о восточном, негреческом и достаточно позднем происхождении культа Диониса (этой точки зрения придерживались, например, Э. Роде и У. фон Виламовиц-Мёллендорф, во всех прочих вопросах между собой никогда не солидаризировавшиеся, а также упомянутый выше Ф. Ф. Зелинский), то обнаружение в начале 1950-х гг. имени Диониса (di-won-i-so-jo) на пиловских табличках, датированных серединой XIII в. до н.э., стало доказательством, что этот бог почитался греками еще в крито-микенскую эпоху. Концепция Иванова о прадионисийских культах позволяла непротиворечиво инкорпорировать в себя позднейшие открытия, и,

таким образом, можно утверждать, что работа Иванова сохраняет научную ценность и в наши дни.

Однако влияние ее на позднейшую историческую науку оказалось незначительным; она прошла мимо мирового научного сообщества. В 1924 г. Иванов с семьей уедет в Италию по командировке Наркомпроса. В СССР он уже не вернется. Не возвратится он с тех пор – по крайней мере, печатно, – и к теме дионисийства. В 1937 г. Иванов получит крупный аванс за немецкое издание «Диониса и прадионисийства» и более десяти лет будет править перевод, выверяя каждую букву. В результате книга так и не увидит свет [25].

К этому времени практически сойдет на нет и былая всеобщая увлеченность Ницше. «Свято место» было занято новомодными учениями Штейнера и Фрейда; книги о Ницше и его произведения печатать прекратят, а его имя практически уйдет из повседневного философского дискурса. Упоенный Ницше русский Серебряный век, в салонах которого ковалась грядущая революция, сделает свое дело и уступит свое место совсем другим формам культуры, искусства, философии.

Литература

1. *Преображенский В.* Фридрих Ницше. Критика морали альтруизма // Вопросы философии и психологии. 1892. № 15. С. 115–160.
2. *Грот Н. Я.* Нравственные идеалы нашего времени. М.: Типолитограф. т-ва И.Н. Кушнерев и Ко, 1893. 30 с.
3. *Чуйко В. В.* Общественные идеалы Ф. Ницше // Наблюдатель. 1893. № 2.
4. *Цертелев Д. Н.* Критика вырождения и вырождение критики // Русский вестн. 1897. № 1–2, 11–12.
5. *Бенуа А. Н.* Мои воспоминания: в 5 кн. М.: Наука, 1990. Т. 1. 630 с.
6. *Иванов В. И.* Ницше и Дионис // Родное и вселенское. М.: Республика, 1994. С. 26–34.
7. *Мочульский К. В.* Андрей Белый // А. Блок. А. Белый. В. Брюсов. М.: Республика, 1997. С. 257–372.
8. *Бердяев Н. А.* Русская идея. СПб.: Азбука-классика, 2008. 318 с.
9. *Дешарт О.* Введение // Иванов В. И. Собр. соч.: в 4 т. Брюссель: Foyer Oriental Chrétien, 1971. Т. 1. 872 с.
10. *Беляков А. В., Матвейчев О. А.* Троянский конь западной истории. СПб.: Питер, 2014. 224 с.
11. *Овсянко-Куликовский Д. Н.* Опыт изучения вакхических культов индоевропейской древности в

связи с ролью экстаза на ранних ступенях развития общности. Одесса, 1883.

12. Эткинд А. Хлыст. Секты, литература и революция. М. : Новое литературное обозрение, 2013. 644 с.

13. Иванов В. И. Эллинская религия страдающего бога // Символ. Журнал христианской культуры. 2014. Т. 64. С. 7–220.

14. Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей (черновики и наброски из наследия Фридриха Ницше 1883–1888 годов в редакции Элизабет Фёрстер-Ницше и Петера Гаста). М. : Культурная революция, 2016. 824 с.

15. Иванов В. И. Предчувствия и предвестья // Родное и вселенское. М. : Республика, 1994. С. 37–50.

16. Зелинский Ф. Ф. История античных религий. Т. 1–3. СПб. : Квадриум; Алетейя, 2014. 864 с.

17. Павлюченков Н. Н. «Эллинская религия страдающего бога» в «Философии культа» П. Флоренского // Вестн. ПСТГУ. Серия I : Богословие. Философия. Религиоведение. 2018. Вып. 78. С. 75–91.

18. Беляков А. В., Матвейчев О. А. Гиперборея: приключения идеи. М. : Книжный мир, 2019. 416 с.

19. Блок А. А. К «Дионису Гиперборейскому». 29 декабря 1906 г. // Блок А. А. Записные книжки. М. : Художественная литература, 1965. С. 87–91.

20. Иванов В. И. О русской идее // Родное и вселенское. М. : Республика, 1994. С. 360–372.

21. Иванов В. И. Духовный лик славянства // Собр. соч. : в 4 т. Брюссель : Foyer Oriental Chrétien, 1987. Т. 4. С. 666–672.

22. Иванов В. И. Спорады // Родное и вселенское. М. : Республика, 1994. С. 73–90.

23. Иванов В. И. Дионис и прадионисийство. СПб. : Алетейя, 1994. 344 с.

24. Брагинская Н. В. Трагедия и ритуал у Вячеслава Иванова // Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. М. : Наука, Главная редакция восточной литературы, 1988. С. 294–329.

25. Вахтель М. Научный проект: в поисках подлинного «Диониса» (о неосуществленной немецкой книге Вячеслава Иванова) // Вестник истории, литературы, искусства. 2008. Т. V. С. 551–560.

References

1. Preobrazhensky V. (1892). Friedrich Nietzsche. Criticism of the morality of altruism. *Voprosy filosofii i psikhologii*, No. 15, pp. 115-160. (in Russian).

2. Groth N. Ya. (1893). *Moral ideals of our time*. Moscow, Typolithography of the partnership I.N. Kushnerev and Co, 30 p. (in Russian).

3. Chuiko V.V. (1893). Social ideals of F. Nietzsche. *Nabludatel'*, No. 2. (in Russian).

4. Tsertelev D.N. (1897). Criticism of degeneration and degeneration of criticism. *Russkii vestn.*, No. 1-2, 11-12. (in Russian).

5. Benois A. N. (1990). *My memoirs*: in 5 books. Moscow, Nauka Publ., vol. 1, 630 p. (in Russian).

6. Ivanov V.I. (1994). Nietzsche and Dionysus. *Native and universal*. Moscow, Respublika Publ., pp. 26-34. (in Russian).

7. Mochulsky K. V. (1997). Andrey Belyi. A. Blok. A. Belyi. V. Bryusov. Moscow, Respublika Publ., pp. 257-372. (in Russian).

8. Berdyaev N. A. (2008). *Russian idea*. Saint Petersburg, Azbuka-klassika Publ., 318 p. (in Russian).

9. Deshart O. (1971). Introduction. Ivanov V.I. *Col.*: in 4 vol. Brussels, Foyer Oriental Chrétien, vol. 1, 872 p. (in Russian).

10. Belyakov A. V., Matveychev O. A. (2014). *The Trojan horse of Western history*. Saint Petersburg, Piter Publ., 224 p. (in Russian).

11. Ovsyaniko-Kulikovsky D.N. (1883). *Experience of studying bacchic cults of Indo-European antiquity in connection with the role of ecstasy in the early stages of social development*. Odessa. (in Russian).

12. Etkind A. (2013). *Khlyst. Sects, Literature and Revolution*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 644 p. (in Russian).

13. Ivanov V.I. (2014). Hellenic religion of the suffering god. *Simvol. Zhurnal khristianskoi kul'tury*, vol. 64, pp. 7-220. (in Russian).

14. Nietzsche F. (2016). *The Will to Power. An experience of re-evaluating all values (drafts and sketches from the legacy of Friedrich Nietzsche 1883-1888, edited by Elisabeth Förster-Nietzsche and Peter Gast)*. Moscow, Kul'turnaya revolyutsia Publ., 824 p. (in Russian).

15. Ivanov V. I. (1994). Premonitions and foretokens. *Native and universal*. Moscow, Respublika Publ., pp. 37-50. (in Russian).

16. Zelinsky Ф. Ф. (2014). *History of ancient religions*, vol. 1-3. Saint Petersburg, Kvadrivium, Aletheia Publ., 864 p. (in Russian).

17. Pavlyuchenkov N.N. (2018). "Hellenic religion of suffering God" in "Philosophy of cult" by P. Florensky. *Vestn. PSTGU. Series I: Theology. Philosophy. Religious studies*, iss. 78, pp. 75-91. (in Russian).

18. Belyakov A.V., Matveychev O.A. (2019). *Hyperborea: Adventures of an Idea*. Moscow, Knizhnyi mir Publ., 416 p. (in Russian).

19. Blok A. A. (1965). To "Dionysus of Hyperborean". December 29, 1906. Blok A.A. *Notebooks*. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., pp. 87-91. (in Russian).

20. Ivanov V.I. (1994). On the Russian idea. *Native and universal*. Moscow, Respublika Publ., pp. 360-372. (in Russian).

21. Ivanov V.I. (1987). Spiritual face of the Slavs. *Col. works*: in 4 vol. Brussels, Foyer Oriental Chrétien, vol. 4, pp. 666-672. (in Russian).

22. Ivanov V.I. (1994). Sporades. *Native and universal*. Moscow, Respublika Publ., pp. 73-90. (in Russian).

23. Ivanov V.I. (1994). *Dionysus and Pradionism*. Saint Petersburg, Aleteya Publ., 344 p. (in Russian).

24. Braginskaya N.V. (1988). Tragedy and ritual in Vyacheslav Ivanov's works. *Archaic ritual in folklore and early literary monuments*. Moscow Nauka, Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury Publ., pp. 294-329. (in Russian).

25. Vachtel M. (2008). Scientific project: in search of the true "Dionysus" (about the unrealized German book by Vyacheslav Ivanov). *Vestnik istorii, literatury, iskusstva*, vol. 5, pp. 551-560. (in Russian).

Поступила в редакцию / Received

2 ноября 2020 г. / November 2, 2020

УДК 165
doi 10.18522/2687-0770-2020-4-29-32

НАУКА КАК ОСОЗНАННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

© 2020 г. Г.В. Сорокин ^а

^а Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия

SCIENCE AS A CONSCIOUS ACTIVITY

G. V. Sorokin ^а

^а Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia

Сорокин Геннадий Вениаминович –
кандидат философских наук, доцент,
кафедра философии и мировых религий,
Донской государственный
технический университет,
пл. Гагарина, 1, г. Ростов-на-Дону, 344000, Россия.
E-mail: gennadi-sorokin@yandex.ru

Gennady V. Sorokin -
Candidate of Philosophy, Associate Professor,
Department of Philosophy and World Religions,
Don State
Technical University,
Gagarina Sq., 1, Rostov-on-Don, 344000, Russia.
E-mail: gennadi-sorokin@yandex.ru

Главным генератором инноваций предстаёт наука, а их концентратором, инструментом и источником общественных благ – техника. В то же время каждый житель планеты Земля понимает, что научно-технический прогресс (НТП) приносит не только положительные плоды. Дисциплинарность научного знания имеет положительные и отрицательные стороны. К положительным обычно относят эффективность деятельности вследствие специализации. Отрицательные стороны – это отсутствие понимания общего смысла деятельности. В средние века любая деятельность была направлена к Богу, служила задачам спасения. Разум представлял как главную преобразующая сила в эпоху нового времени. Марксизм рассматривал науку как силу, ведущую к построению идеального общества. Современная наука без смысла своей деятельности превращается в один из обслуживающих институтов. А как часть надстройки общества оглушает и дезорганизует общество. Надстройка, по мнению Маркса, «вырастает» из конкретных материальных отношений и влияет на них, оправдывая и поддерживая. Возможен ли некий целостный объективный взгляд на развитие человечества сейчас? Каким образом можно оценивать и направлять социальный прогресс и науку? Предлагается доктрина целостного подхода к природе, обществу вместо развития «приоритетных отраслей». Так как наука как социальный институт – часть общества, то направленность на формирование лучшего социума приведёт к увеличению эффективности науки.

Ключевые слова: познание, культура, философия, социальный прогресс, смысл деятельности, научная деятельность, специализация.

Science appears to be the main generator of innovations, and technology is their concentrator, tool and source of public goods. At the same time, every inhabitant of the planet Earth understands that scientific and technological progress (STC) brings not only positive results. The disciplinarity of scientific knowledge has positive and negative sides. The positive is usually the performance efficiency due to specialization. The negative side is the lack of understanding of the general meaning of the activity. In the Middle Ages, any activity was directed towards God, served the tasks of salvation. Reason appeared as the main transforming force in the era of modern times. Marxism viewed science as a force leading to the construction of an ideal society. Modern science, without the meaning of its activity, turns into one of the service institutions. And as part of the superstructure of society, it dulls and disorganizes society. The superstructure, according to Marx, “grows” out of concrete material relations and influences them, justifying and supporting. Is it possible to have a holistic objective view of human development now? How can social progress and science be measured and guided? The author proposes the doctrine of a holistic approach to nature and society instead of the development of “priority sectors”. Since science as a social institution is a part of society, the focus on the formation of a better society will lead to an increase in the effectiveness of science.

Keywords: cognition, culture, philosophy, social progress, meaning of activity, scientific activity, specialization.

Наука – один из эффективных социальных институтов. Дисциплинарность научного знания имеет положительные и отрицательные стороны.

К положительным обычно относят эффективность деятельности вследствие специализации, к отрицательным – отсутствие понимания общего смыс-

ла деятельности. Маркс ставил духовную культуру в зависимость от способа материального производства (базис и надстройка). Надстройка включает отношения, учреждения и идеи. К ней относятся право, идеология, мораль и наука. Надстройка, по мнению Маркса, «вырастает» из конкретных материальных отношений и влияет на них, оправдывая и поддерживая.

Устарел ли этот взгляд? Ведь наука – это регламентируемая обществом деятельность по достижению истины, которая предстает как объективное отражение действительности.

Нынешнее общество немыслимо без научно-технического прогресса (НТР). Мир настоящего не только устремлён в будущее, но определённым образом «присутствует» в нём. Практически все стороны общественной жизни постоянно «прорастают» в грядущее, новое приветствуется, планируется и ожидается. Экономика, политика, техника, фантазии Голливуда стирают грань предстоящего и данного. Завтрашний день представляется правильной, интересней, счастливее сегодняшнего.

Но НТР приносит не только положительные плоды. Недавно появилось понятие «глобальная проблема». Практически все глобальные проблемы порождены НТР (новая опасная военная техника, экология, демографический кризис и т.п.) – так говорят антисциентисты, однако корни можно обнаружить в современном общественном сознании, потребительском и бездумном отношении к природе и грядущим поколениям.

Наука может быть сколь угодно развитой, как и техника, наподобие техники третьего рейха, но такое общество представляется в высшей степени антигуманным. А без гуманизма из любой науки и техники исчезает главный смысл для человечества, сменяясь полной противоположностью. Гуманизм, свободу и прогресс наука и техника могут принести только тогда, когда они согласованы и направлены к самым высоким идеалам человечества, что может обеспечить только философский подход к возникающим проблемам.

Каким же образом должны строиться отношения между человеком и созданными им искусственными феноменами? Что такое гуманизм, сциентизм и техницизм? Как нам не поставить одно вместо другого и как не отказаться при этом от масштабных перспектив НТР?

Надо признать, что спектр оценок отношения к НТР весьма широк. С одной стороны, отвергается положительная ценность любого техниче-

ского воздействия на природу, вплоть до признания необходимости «возвращения природы к состоянию начала до антропогенного воздействия» [1]. То есть мы восстанавливаем природный доисторический мир, отказавшись от культурной преобразованной среды. Надо только представлять, что столь грандиозный план опять же немыслим без науки и техники.

На другом «полюсе» мнений можно видеть признания техники как мессианского аспекта (Н.Ф. Федоров, основатель русского космизма; трансгуманизм; институт Экстропии; и т.п.) [2]. Роль техники здесь оценивается не просто высоко, а как центральная часть культуры, инструмент достижения человечеством почти божественного положения.

Необходимо понимать, что наука и техника не обладают собственным, независимым от человеческой культуры бытием. Будет ошибкой выделение этих областей как развивающихся автономно от человеческих желаний. Поэтому суждения о невозможности повлиять на отрицательные последствия НТР, демонизация робототехники, нанотехнологий, микробиологии и т.п. не являются научными, а предстают современными мифами и частями идеологических систем.

«Шанс заключается в преодолении натуралистического понимания техники и формировании иной научно-инженерной картины мира, включающей понимание того, что в технике человек встречается с самим собой, со своими замыслами и идеями, выступающими в форме отчужденной технической реальности» [3].

Узкий специалист, эффективный в области своей деятельности, остается человеком. Наука играет особую роль, поэтому ученый как публичный человек и носитель высокой культуры не может замыкаться только в своей деятельности.

Категория «культура» применяется как обозначение специфически человеческого способа жизнедеятельности, в отличие от биологических форм жизни в самом общем смысле. Также определяют более узкое значение термина для характеристики специфичной культуры, выделенной в результате классификации [4].

Термин «культура» – *cultūra* – восходит к римской античности, обозначает возделывание, обрабатывание, уход, образование, развитие, почитание [5]. Это и возделывание поля, обработка сада и уход за растениями и животными, но существуют и более глубокие смыслы. Там же, где есть преобразование природы, наличествует и *cultor* – возделыватель, земледелец; обитатель, житель;

почитатель [5]. А также какой-то инструмент, при помощи которого формируется культура. *Культуру определяют как вторую природу, созданную человеком в своих интересах.*

И. Кант в «Критике способности суждения» писал: «Развитие способности разумного существа ставить перед собой любые цели вообще (следовательно, в его свободе) есть культура. Только культура может быть последней целью...» [6].

Часто культуру определяют как совокупность материальных и духовных артефактов или совокупность социальных институтов (экономика, образование и т.д.), а человека – как носителя и творца этой культуры [7]. К трактовке понятия «культура» примыкает и понятие «культурогенез» как момент становления и рождения культуры, а также её постоянного возобновления, регенезиса, образования новых поколений, «прививки» им «ставшей» культуры. А.Я. Флиер выделяет два типа исторической динамики культуры: «...эволюционное (или трансформационное) развитие в рамках уже сложившихся культурных систем и по преимуществу не эволюционное, а новационное, когда речь идет о формировании новых культурных систем или отдельных культурных феноменов. Именно второй из названных процессов – неэволюционный тип культурной динамики – определяется... понятием “культурогенез”» [8].

Возможна трансляция культуры, «прививка» другой цивилизации (а последнее возможно рассматривать как её генезис в новом контексте). Кроме того, для каждого индивида подобная «прививка» уже «ставшей» культуры выступает как её генезис на индивидуальном уровне и регенезис на общественном уровне. Процесс становления индивидуальности, личности имеет социальную природу: «...индивиды как физически, так и духовно творят друг друга...» [9, с. 36], «...развитие индивида обусловлено развитием всех других индивидов, с которыми он находится в прямом или косвенном общении...» [9, с. 440].

Греческий термин *paideia* – «пайдейя» – обозначает как непосредственно воспитание, обучение, так и в более широком смысле «очеловечивание человека».

Любой человек является продуктом грандиозного исторического процесса, результатом напряженного восхождения биологических организмов и драматической борьбы социальных отношений, битвы идей и концепций. Через любого

индивида проходят невидимые исторические закономерности, пути становления Будущего. И каждый человек играет свою роль – активно преобразовательную, реакционную, осознанную или бессознательную. Человек, который сводит собственную деятельность и своё мышление только к узкопрофессиональной сфере и свободное время употребляет на круг низкопробных развлечений и мещанских интересов, добровольно отказывается от высокого звания «человек». Он подвержен манипуляции других – моде, рекламе, карбанию по «социальной лестнице» и неизбежно теряет собственную свободу. В истории есть примеры истинно свободных людей, осуществивших подлинную интеллектуальную свободу благодаря беспримерному мужеству. Размышления о смысле жизни предполагают обращение к мыслям и идеям других людей всемирной истории, анализ идеологий, морали и правовых принципов государств и социумов.

Эйнштейн писал, что наука вне ценностей, а человеческая деятельность без них невозможна. Поэтому философия и другие стороны культуры имеют важное значение.

Современная культура включает в себя специфический и относительно новый институт науки, являющийся как порождением, потребностью общества, так и двигателем, источником прогрессивных трансформаций. Связь «кодов культуры» с зарождением рациональных практик в античную эпоху отмечал М.К. Петров [10]. С ним согласен известный историк науки В.С. Степин [11].

Ввиду бурного развития и недавней истории наука предстает иногда как недостаточно органичная часть социума. Противоречивы (или диалектичны?) как основные принципы науки, так и идеи её взаимодействия с прочими социальными институтами. Отметим только некоторые, наиболее важные проблемные области. В области функционирования науки: бритва Оккама, научный скептицизм и установка на бесконечный прирост научного знания; попытки элиминировать человеческие установки в научной деятельности и факт изучения универсума именно человеком; нерешенность проблемы соотношения материи и духа. В области взаимодействия науки и общества – универсализм и строгость полученных результатов, и практическое применение, вытекающее не из научных, а иных культурных целей и ценностей; научный скептицизм как оправдание нигилистических (непрогрессивных) культурных течений; признание как высокой роли науки и НТП, так и

частично оправданная самой наукой установка на ограниченность её возможностей. О том, что развитие науки не происходит изолированно от развития социума и мировоззрения, коллективного идеального, писали такие ученые и философы, как К. Маркс, М. Фуко, Ж. Бодрийяр и др. Так, классическая познавательная схема науки – факт, гипотеза, теория – неоднократно подвергалась сомнению в связи с элиминированием парадигмальных мировоззренческих установок.

Как считал Маркс, всё, что мы можем подумать, может осуществиться, ибо сознание принадлежит к нашему миру. В этой связи человеческая культура предстает как определенная космическая сила, противостоящая энтропии и преобразующая Вселенную, раскрывающая потенции в её основе. Осуществление гуманизации окружающего мира в этой интерпретации не имеет пределов. А научная деятельность должна включать в себя парадигмальные установки культуры как условие смысла своей деятельности.

Литература

1. Hourdequin M. Restoration and history in a changing world // *Ethics & the Environment*. Fall. 2013. Vol. 18, iss. 2. P. 115–134.
2. Сорокин Г.В. Техника. Месснианский аспект // *Философия техники и вызовы современной цивилизации (памяти Ивана Андреевича Негодаева)*: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Ростов-на-Дону, 17 апреля 2015 г.). Ростов н/Д.: ДГТУ, 2015. 321 с.
3. Розин В.М. Философия техники и культурно-исторические реконструкции развития техники // *Вопросы философии*. 1996. № 3. С. 19–28.
4. Драч Г.В., Эфендиев Ф.С. Типология культуры как основа социокультурного познания: принципы и критерии // *Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия*: сб. науч. ст. по итогам Междунар. науч. форума / отв. ред. И.И. Горлова. 2017. С. 81–91.
5. Фомицкий Д.И. *Латино-русский словарь*. Ростов н/Д.: Феникс, 2000. 704 с.
6. Кант И. Соч.: в 8 т. М.: ЧОРО, 1994. Т. 5. 414 с.
7. *Культурология* / под ред. Г.В. Драча. М.: Альфа-М, 2003. 432 с.
8. Флиер А.Я. *Культурогенез*. М.: Российский ин-т культурологии, 1995. 128 с.

9. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Гос. изд-во политической лит-ры, 1955. Т. 3. 630 с.

10. Петров М.К. *Искусство и наука*. Пираты Эгейского моря. М.: РОССПЭН, 1995. 239 с.

11. Степин В.С. У истоков новой методологии историко-философских исследований (методологические идеи М.К. Петрова) // Петров М.К. *Проблемы детерминизма в древнегреческой философии классического периода*. Ростов н/Д.: Изд-во ЮФУ, 2015. С. 363–393.

References

1. Hourdequin M. (2013). Restoration and history in a changing world. *Ethics & the Environment*. Fall, vol. 18, iss. 2, pp. 115-134.
2. Sorokin G.V. (2015). Technics. Messianic aspect. *Philosophy of technology and challenges of modern civilization (in memory of Ivan Andreevich Negodaev)*. Proceedings of the All-Russian scientific-practical conference (Rostov-on-Don, April 17, 2015). Rostov-on-Don, DGTU Press, 321 p. (in Russian).
3. Rozin V.M. (1996). Philosophy of technology and cultural and historical reconstruction of the development of technology. *Problemy filosofii*, No. 3, pp. 19-28. (in Russian).
4. Drach G.V., Efendiev F.S. (2017). Typology of culture as the basis of socio-cultural knowledge: principles and criteria. *Cultural heritage of the North Caucasus as a resource of interethnic harmony*. Collection of scientific articles for the results of Intern scientific forum. I.I. Gorlov (Ed.), pp. 81-91. (in Russian).
5. Fomitsky D.I. (2000). *Latin-Russian dictionary*. Rostov-on-Don, Feniks Publ., 704 p. (in Russian).
6. Kant I. (1994). *Works*: in 8 vol. Moscow, CHORO Publ., vol. 5, 414 p. (in Russian).
7. *Culturology*. (2003). G.V. Drach (Ed.). Moscow, Alfa-M Publ., 432 p. (in Russian).
8. Flier A.Ya. (1995). *Cultural genesis*. Moscow, Russian Institute of Culturology Press, 128 p. (in Russian).
9. Marks K., Engels F. (1955). *Works*. 2nd ed. Moscow, State Publishing House of Political Literature, vol. 3, 630 p. (in Russian).
10. Petrov M.K. (1995). *Art and Science. Pirates of the Aegean*. Moscow, ROSSPEN Publ., 239 p. (in Russian).
11. Stepin V.S. (2015). At the origins of the new methodology of historical and philosophical research (methodological ideas of M.K. Petrov). Petrov M.K. *Problems of determinism in the ancient Greek philosophy of the classical period*. Rostov-on-Don, Southern Federal University Press, pp. 363-393. (in Russian).

УДК 008
doi 10.18522/2687-0770-2020-4-33-37

КОНЦЕПТ «ГУ» («СЕРДЦЕ») В ТРАДИЦИОННОМ СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЧЕРКЕСОВ (КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

© 2020 г. М.А. Хоконов ^а, З.Х. Соблирова ^а

^а Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова,
Нальчик, Россия

THE CONCEPT OF “GU” (“HEART”) IN THE TRADITIONAL SOCIO-CULTURAL SPACE OF CIRCASSIANS (CULTURAL ASPECT)

М.А. Khokonov ^а, Z.Kh. Soblirova ^а

^а Berbekov Kabardino-Balkarian State University, Nalchik, Russia

Хоконов Мурат Анатольевич –
кандидат философских наук, доцент, кафедра
этнологии, истории народов КБР и журналистики,
Кабардино-Балкарский государственный
университет им. Х.М. Бербекова,
ул. Чернышевского, 173, г. Нальчик,
Кабардино-Балкарская Республика, 360004, Россия.
E-mail: mhokonov@gmail.com

Murat A. Khokonov -
Candidate of Philosophy, Associate Professor,
Department of Ethnology, History of the KBR Peoples
and Journalism,
Berkbekov Kabardino-Balkarian State University,
Chernyshevskogo St., 173, Nalchik,
Kabardino-Balkar Republic, 360004, Russia.
E-mail: mhokonov@gmail.com

Соблирова Зарета Хасанбиевна –
кандидат исторических наук, доцент, кафедра
этнологии, истории народов КБР и журналистики,
Кабардино-Балкарский государственный
университет им. Х.М. Бербекова,
ул. Чернышевского, 173, г. Нальчик,
Кабардино-Балкарская Республика, 360004, Россия.
E-mail: zaret.soblirova@inbox.ru

Zareta Kh. Soblirova -
Candidate of History, Associate Professor,
Department of Ethnology, History of the KBR Peoples
and Journalism,
Berkbekov Kabardino-Balkarian State University,
Chernyshevskogo St., 173, Nalchik,
Kabardino-Balkar Republic, 360004, Russia.
E-mail: zareta.soblirova@inbox.ru

Исследуются различные репрезентации концепта «Гу» («сердце») в черкесской культуре. Предлагается авторская дефиниция концепта как одного из самых значимых компонентов специфического освоения мира в традиционных обществах. С целью более обстоятельного рассмотрения вопроса проведен историографический обзор теорий, оказавших существенное влияние на культурологическое осмысление аксиологических, нравственных, психологических аспектов различных концептосфер. Представлены результаты этнографического изучения проблемы, позволяющие сделать вывод об универсализме концепта «Гу» в этнокультурной картине мира.

Ключевые слова: культура, концепт, символ, ценность, аксиология, сердце, Нартский эпос, этнос, архетип, онтология, бытие, социум.

The article studies various representations of the concept “Gu” (“Heart”) in Circassian culture. The authors offer a definition of the concept as one of the most significant components of the specific development of the world in traditional societies. For a more detailed consideration of the issue, a historiographical review of those theories that have had a significant impact on the cultural understanding of axiological, moral, and psychological aspects of various conceptual spheres is carried out. This work presents the results of an ethnographic study of the problem, which allows us to make a conclusion that the concept of “Gu” is universal in the ethno-cultural picture of the world.

Keywords: culture, concept, symbol, value, axiology, heart, Nart epic, ethnos, archetype, ontology, existence, society.

В статье на основе философско-культурологического и фольклористского анализа показано, какое место занимает в этнофилософских, мировоззренческих традициях черкесов концепт «Гу» («сердце»), а также его связь с народной психологией и с сенсуалистско-интуитивистской картиной мира. Уделяется особое внимание анализу и рецепции теоретических изысканий ученых и мыслителей, рефлексии и идеи которых непосредственно касались исследуемой проблемы. Во второй половине работы ставится вопрос о целесообразности углубленного комплексного исследования общечеркесских языковых концептов с применением современных научно-философских методов. Актуальность затрагиваемой темы в том, что комплексное изучение этого многообразия культурных универсалий через междисциплинарный подход может пролить свет на многие глубинные закономерности этнического менталитета и эстетического мировосприятия народа, его донаучных представлений о физических, биологических явлениях и процессах.

Концепт определяется нами как символическое отражение в языке ментальных проекций, представлений этноса об объективной действительности. Это некое абстрагированное понятие с полисемантической нагрузкой, этнокультурно маркированное по своей сути, содержащее эмоционально-оценочные ассоциации, психологизмы мировосприятия. Подавляющее большинство ученых сходятся в понимании концепта в том, что данное явление социокультурного бытия человека – это одно из самых фундаментальных составляющих структур мышления и познания, вбирающий в себя результаты специфического этнокультурного освоения мира. Концепт практически всегда есть слово – но слово, выражающее понимание внутренней целостности проблемы, где теоретическое понятие (которое есть уже понятие культурологии и часть ее концептосферы) станет ее решением [1]. Как справедливо отмечает отечественный исследователь лингвокультурологической специфики концептов М.М. Ангелова, «концепт как ментальный компонент высокой степени абстрагирования связан преимущественно именно со словом. Из этого следует, что он включает в себя помимо предметной отнесенности всю коммуникативно значимую информацию» [2, с. 2–3]. Концепты могут нести в себе предельную концентрацию культурно значимой информации, начиная от протофилософских умозре-

ний о жизни и смерти, об основных этических категориях вплоть до сложных этнокультурных дистинкций бытия и небытия, пространства и времени, числа, прекрасного и безобразного, субстанции и многих других основополагающих компонентов миропонимания.

Некоторые исследователи предлагают рассматривать концепты типологически, обращая особое внимание на структурно-семантические, дискурсные и социологические критерии. Академик Д.С. Лихачев использует термин «концептосфера», определяя ее как совокупность концептов нации, она образуется через все потенции и комплексы концептов носителей языка [3]. Концептуальные единицы объективно анализировать, согласно ученому, как автономную иерархию, где концептами наиболее универсального порядка являются, к примеру, «смерть, жизнь», а затем этнические («Родина», «Отчизна», «патриотизм», «мужество» и т. п), групповые, формирующиеся в различных эстетических подпространствах («сцена», «голос», «стиль»). Будучи солидарными с воззрением академика Д.С. Лихачева, сформулируем рабочую гипотезу, утверждающую, что концепт «сердце» принадлежит именно к универсальным, в котором детализируются, образно-символически отображаются формы и способы восприятия в этнокультурном сознании ментальные процессы и состояния.

Наиболее выразительно и ясно вопрос о сердце как сердцевине духовности в метафизике и антропологии поставил Б. Паскаль. Находясь под сильным влиянием христианского мистицизма, французский философ утверждал, что разум, рассудок, лишенный интуитивного прозрения, чувственного порыва, никогда не сможет открыть истину ни в ее относительном, ни в абсолютном измерениях. Человек, согласно ему, открывает законы мироздания не только разумом, но и сердцем. Б. Паскаль предполагал, что в сердце есть необъяснимые на языке сухой научной категориальной рефлексии свои разумные законы, так как именно через него человеческое существо способно еще и верить [4].

Можно с полной уверенностью говорить о том, что эстафету в постулировании сердца как основы человеческого интуитивно-метафизического мышления перенимает известный украинский философ, пилигрим XVIII в. Г.С. Сковорода. Будучи глубоко религиозным человеком, мыслитель обосновывает ту мысль, что сердце – это центральное место психического существова-

ния, это стержень души. Его нельзя найти, пощупать, увидеть биение как на органическом сердце, но оно везде в человеке. Человек, по выражению философа, – сердечное существо [5]. Подход Г.С. Сковороды к проблеме носит аксиологическую окраску, так как концепт «сердце» у него анализируется как ценностная система.

Существенным вкладом в кардиоцентрическую философию является философская антропология и аксиологическая концепция М. Шеллера. Немецкий антрополог, критикуя идею рационалистической философии об онтологическом статусе человека как интеллигибельного центра мироздания, заявляет, что человек может постигать тайны бытия лично, исходя из присущего каждому из нас центра, оси духовности личности – сердца. Все то, что мы привыкли называть душой, психическим измерением человека, есть периферия сердечности человека [6, с. 358]. Так, интерес к проблеме сердца и его метафизическое постулирование как места предельной концентрации духовности не угасал на протяжении веков, наоборот – она еще больше обростала все новыми аспектами, открываемыми исследовательскими перспективами.

В черкесском языке слово, которое прямо указывает на акты мышления, на когнитивную деятельность – Гупсысэ. «Гу» в языке, если его перевести на русский, это «сердце». Гу-псысэ – это мыслить сердцем, высказываться посредством сердца. Рационально-когнитивный пласт ментальности репрезентируется через семантический универсализм сердца: метафорически выражаясь, сердечность ментальности черкеса, всего его духовного мира высвечивается в большом количестве семантических групп, в каждой из которых наличествует концепт «сердце». Всё, что связано с мыслительной деятельностью, эвристикой, он выражает в своей речи при помощи слов с константным компонентом «Гу» («сердце») – гупсысэ, губзыгэ, гурыхуэ, гукэк1 – мысль, умный, способный, догадка. На этот кардиоцентризм языковых феноменов в адыгской этнокультурной картине мира в свое время внимание обратила З.Х. Бижева, которая отмечала концепт «Гу» («сердце») как важнейший наряду с другими языковыми универсалиями [7]. З.Р. Цримова посвятила этой теме диссертационный проект [8]. Опираясь на некоторые теоретические выкладки исследователей, можно предположить, что «Гу» в языковых конструкциях адыгского языкового мира –

первооснова интуиции и скепсиса, интеллектуального сомнения: слова с «предчувствует», «предзнает», «сомневается» (си гум желэ, гурыщхуэ сщ1ащ, гуит1щхыт1), «грустит» передают состояние отсутствия настроения (гукьыдэжыншэ).

Лингвокультурный концепт «Гу» также входит в состав ряда лексем со смыслом «любовь, платоническое чувство» – сердце любит, выражает нежные чувства, восторг (гухэль, гухэхуэ), чувство психической гармонии, довольства (гузэггэгуэ). Особое место в языковой парадигме и слова, в которых воплощается страдание, эмпатизм, сентиментальность (гумащ1э, гущ1эггу), томление, тревога, трагичность (гу бамп1э, гузавэ, гузэвэггуэ, гуыих, гукьутэ). Высказывание о том, что концепт «Гу» кроме чисто эмоциональных интенций, участвует в образовании слов, в которых основной смысловой нагрузкой является передача мнемической деятельности, ее операции, подтверждается следующими лексемами: субъект помнит, запечатлевает (гурыль, гукьинэж, гукэк1ьж), показывает сомнение, подозрение, неопределенность в чем-либо (гуит1-щхыт1, гурыщхуэ, гузэрыдэ). Теперь обратимся непосредственно к слову «гупсысэ».

В лексической единице «гупсысэ» можно отметить некую метафизическую оппозицию «рациональное/поэтическое». Как было сказано выше, мысль черкеса облегаема сердечностью, «плотью» сердца: мысленное дышит, созревает в ней, она наполняется ее какой-то особой энергетикой. Мысль здесь есть феномен сердца. Так мы подходим к этнокультурологическим аспектам еще одного термина, который должен принять участие в наших рассуждениях – «губзыгэгэ». Так репрезентируются в кабардинском диалекте черкесского языка качества человека, связанные с интеллигентностью, разумностью, рассудительностью. Слово «губзыгэгэ» указывает на необходимость понимания сердца как точки, а в конкретно-личностном контексте как «губзыгэ». Если совершить буквальный перевод с общечеркесского на русский язык одного из элементов семантического ряда концепта «Гу», то «губзыгэ – «Гу» – сердце, «бзыгэ» – ясность, проясненность – это ясность, проясненность сердца через некий интеллектуальный катарсис, очищение – гупсысэ. Сердце светит и несет поток знаний и ценностей только тогда, когда оно очищено мыслью и любовью. Губзыгэгэ в этом смысле – это интенциональное

состояние человека с ясным, проясненным сердцем, с истинным духовным светом личности. Антонимическим образованием с основой «Гу» в языке наличествует слово «Гунэф», что буквально можно понимать как «слепое сердце», а если передать аутентичный смысл, то это переводится как «неумение смотреть сердцем, непроницаемый, инертный духом».

Можно предположить, что данный концепт проявляется и в механизмах социальной аттракции. В общечеркесской языковой картине мира все конstellации любви как базового чувства транслируются реципиенту от субъекта речи в следующей синтаксической формации с катартической семантикой: «Сэ си гур пхуэкьабзэщ, сыпхуогумаш1э» (мое сердце очищено, прояснено благодаря тебе, оно испытывает нежность к твоему образу). Здесь имеет место употребление концепта «Гу». Вербализация этнокультурных идей демонстрирует, что в сердце располагается не только поток духовных актов, переживаний, но и центр, органический топос высочайшего человеческого чувства – любви. Концепт «сердце» – «Гу», таким образом, наполняет структуру межличностных отношений аксиологическими смыслами. Аксиологичность его состоит в том, что он еще и коррелируется с такими универсальными этическими ценностями человека, как гуманизм, эмпатия, (гуш1эгъу), добродушие (гуапагъэ). Можно утверждать, что последнее слово в аксиологическом осмыслении какого-либо явления, предмета, вещи, а тем более – человека у черкеса принадлежит сердечному отзыву (Си гу ирихьаш, гурыхьщ, гушыхуэ хуэщ1аш – «Понравилось моему сердцу, вошло в сердце, мое сердце приблизилось к нему»). Достоинства субъекта или объекта должны быть признаны оценивающим сердцем, получить от него оценку, придающую им актуальность, а значит, бытийный статус. Такая особенность отмечается в обыденных негативно-ценностных высказываниях. Если черкес хочет выразить чувство ненависти к кому-либо, неприемлемость чего-нибудь, отчуждения от него, обычно он все это тоже излагает словами с участием того же компонента «Гу»: «Си гур щык1аш, си гур бгъэдэж1аш, гушых1ыгъуэщ ар» – «Мое сердце отошло от него, отдалилось от него, он противен мне».

Пожалуй, ни в одном компоненте черкесской культуры семантическое многообразие, генерируемое концептом «Гу», не получило такого воплощения и смыслового усложнения, как в

героико-мифологическом эпосе «Нарты». Практически невозможно охватить тот конгломерат мифопоэтических нарративов, песен, демонстрирующих весь набор сложнейших архаизмов с концептом «Гу» и отображающих каждый раз разные эмоциональные состояния героев, их мысли, желания, цели. Тем не менее мы попытаемся на примере сюжета одного из сказаний Нартского эпоса убедительно показать, что совокупность семантических групп, рядов, конструируемых архаическим черкесским языком вокруг концепта «Гу», выходит далеко за пределы отражения чувственно-эмоциональной сферы психики, приближаясь к области интуиции, демонстрации архетипической связи между матерью и ребенком-героем. Так, в одной из самых известных, но малоизученных с точки зрения семиотического, а в целом культурологических подходов эпическом нарративе «Гибель Сосруко» мы видим, как мать всех нартов Сатаней (яркая персонификация архетипа Великой Матери) предчувствует гибель своего сына Сосруко. Нарты, иньжи-великаны в этот злосчастный день готовятся к уничтожению ненавистного героя, который превосходил их во всем, не раз задевал своим остроумием, иронией, поражал своими магическими способностями управлять природными стихиями, силой, отвагой. Материнская интуиция подсказывала Сатаней, что этот день может оказаться для сына роковым. Она видит различные зловещие признаки, предвестия скорого трагического события (переливающееся кровавым цветом кольцо, окровавленные вещи). Сосруко на увещевания и мольбу матери не отправляется в этот день в поход отвечает отказом. Сатаней умоляет его остаться дома, но он непреклонен. И здесь примечательно эмоциональное выражение Сатаней: «Уи гушхьэр бжэгъум ф1алуми кьэбгъээнукъым», что можно перевести таким образом «Даже тогда, когда твое сердце посадят на кол, тебя нельзя остановить» [9].

Таким образом, через концепт «Гу» можно прояснить его метафизический, лингвокультурный статус центра духовности в черкесской культуре, культурных символов, а в узком смысле – трактовать, воспользовавшись термином М. Шелера, как «источник эмоциональной жизни» [6, с. 342]. Подводя итоги попытки феноменологического и герменевтического толкования концепта «Гу» в черкесской духовной культуре, можно сказать, что инвариантность и универсализм этого языкового феномена и в

словообразовании, и в генезисе смыслоформ в общечеркесском языке конкретизирует его значение как ядра, сердцевины духовности. Данное обстоятельство, на наш взгляд, позволяет прийти к выводу, что «Гу» в его этнофилософском содержании является метафизическим концептом, где феноменологически воспринимаемое «сердце» – это «орган» интенциональности, взаимосвязи и сплетения всех духовных актов со всеми уровнями реальности.

Литература

1. Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? СПб. : Алетейя, 1988. С. 14–15.
2. Ангелова М.М. «Концепт» в современной лингвокультурологии // Актуальные проблемы английской лингвистики и лингводидактики : сб. науч. тр. М., 2004. Вып. 3. С. 2–3.
3. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Изв. Российской академии наук. 1993. Вып. 1. С. 3–9.
4. Паскаль Б. Мысли. СПб. : Пальмира, 2017. С. 332.
5. Сковорода Г.С. Соч. : в 2 т. М. : Мысль, 1973. Т. 1. С. 28.
6. Шелер М. Избр. произведения. М. : Гнозис, 1994. С. 358.
7. Бижева З.Х. Культурные концепты в кабардинском языке. Нальчик : Кабардино-Балкарский гос. ун-т, 1997. С. 45.
8. Цримова З.Р. Концепт «сердце» в языковой картине мира: на материале кабардинского, русского

и английского языков : дис. ... канд. филол. наук. Нальчик, 2003. С. 145.

9. Нарты. Адыгский эпос / сост. А.М. Гадагатль. Майкоп : Полиграф-ЮГ, 2017. Т. 1. С. 296.

References

1. Deleuze J., Guattari F. (1988). *What is philosophy?* Saint Petersburg, Aleteya Publ., pp. 14-15. (in Russian).
2. Angelova M.M. (2004). "Concept" in modern cultural linguistics. *Actual problems of English linguistics and linguodidactics*. Collection of articles scientific papers. Moscow, iss. 3, pp. 2-3. (in Russian).
3. Likhachev D.S. (1993). The concept of the Russian language. *Izv. Rossiiskoi akademii nauk*, iss. 1, pp. 3-9. (in Russian).
4. Pascal B. (2017). *Thoughts*. Saint Petersburg, Pal'mira Publ., p. 332. (in Russian).
5. Skovoroda G.S. (1973). *Works*. In 2 vol. Moscow, Mysl' Publ., vol. 1, p. 28. (in Russian).
6. Sheler M. (1994). *Sel. works*. Moscow, Gnosis Publ., p. 358. (in Russian).
7. Bizheva Z.Kh. (1997). *Cultural concepts in the Kabardian language*. Nalchik, Kabardino-Balkarian State University Press, p. 45. (in Russian).
8. Tsimova Z.R. (2003). *The concept "heart" in the linguistic picture of the world: on the material of the Kabardian, Russian and English languages*. Dissertation Thesis. Nalchik, p. 145. (in Russian).
9. *Narts. Adyg epic*. (2017). Comp. by A.M. Gadagatl. Maikop, Polygraph-Yug Publ., vol. 1, p. 296. (in Russian).

УДК 165.3

doi 10.18522/2687-0770-2020-4-38-42

АВТОБИОГРАФИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ КАК КОГНИТИВНЫЙ ФЕНОМЕН*

© 2020 г. И.О. Щедрина ^а

^а Государственный академический университет гуманитарных наук, Москва, Россия

AUTOBIOGRAPHICAL MEMORY AS A COGNITIVE PHENOMENON**

I.O. Shchedrina ^а

^а State Academic University of Humanities, Moscow, Russia

Щедрина Ирина Олеговна –
кандидат философских наук, научный сотрудник,
Государственный академический университет
гуманитарных наук,
пер. Мароновский, 26, г. Москва, 119049, Россия.
E-mail: echiscar@yandex.ru

Irina O. Shchedrina -
Candidate of Philosophy, Researcher,
State Academic University
of Humanities,
Maronovskii Lane, 26, Moscow, 119049, Russia.
E-mail: echiscar@yandex.ru

Анализируются когнитивные характеристики автобиографической памяти. Будучи бесспорно когнитивным феноменом, автобиографическая память тем не менее обладает специфической внутренней структурой, предполагающей обязательное погружение когнитивных характеристик автобиографической памяти в конкретные культурно-исторические контексты. И потому эти характеристики приобретают дополнительный познавательный потенциал, что позволяет по-особому взглянуть на воспоминания и их презентацию, выраженную в текстах исторических материалов. Рассматривается взаимопроникающее соотношение когнитивного и исторического в автобиографических воспоминаниях и их воплощение в автобиографических нарративах. Индивидуальные воспоминания представляют собой сплав автобиографического, т. е. субъективного, и попыток нарративизации, придающей воспоминаниям статус исторического события. Можно сказать, что в «текстах памяти» когнитивное раскрывается с исторической стороны; и в то же время историческое как концентрация автобиографической памяти приобретает характер когнитивного феномена. И порой эти автобиографические тексты оказываются единственным материалом, позволяющим узнать что-то об особенностях индивидуальной жизни в той или иной конкретной исторической эпохе (включая и когнитивные аспекты индивидуальной жизни того времени).

Ключевые слова: автобиографическая память, автобиографический нарратив, когнитивное, история, Я.

The subject of analysis in the article is the cognitive characteristics of autobiographical memory. The idea is that, being an indisputable cognitive phenomenon, autobiographical memory, nevertheless, has a specific internal structure, which implies the obligatory immersion of the cognitive characteristics of autobiographical memory in specific cultural and historical contexts. And therefore, the author believes, these characteristics themselves acquire additional cognitive potential. Thus, autobiographical memory's cognitive nature allows us to take a special look at the memories and their presentation, expressed in the texts of historical materials. The article talks about the interpenetrating relationship of cognitive and historical in autobiographical memories and their embodiment in autobiographical narratives. Individual memories are a fusion of autobiographical, that is, subjective, and attempts at narrativization, which gives memories the status of a historical event. We can say that in the "texts of memory", the cognitive is revealed from the historical perspective; and, at the same time, the historical as the concentration of autobiographical memory acquires the character of a cognitive phenomenon. And sometimes, these autobiographical texts are the only material that makes it possible to learn something about the peculiarities of individual life in a particular historical era (including the cognitive aspects of the individual life of that time).

* Статья подготовлена при финансовой поддержке в рамках выполнения ГЗ ГАУГН по теме «Современное информационное общество и цифровая наука: когнитивные, экономические, политические и правовые аспекты» (FZNF-2020-0014).

** The article was prepared with financial support within the framework of implementing the SA (state assignment) of the State Academic University for Humanities (GAUGN): "Contemporary information society and digital science: cognitive, economic, political and legal aspects" (FZNF-2020-0014).

Keywords: *autobiographical memory, autobiographical narrative, cognitive, history, Self.*

Непреходящую актуальность вопросу об исторической памяти помимо его социально-политической значимости придают множество существующих ракурсов ее рассмотрения, широта и в то же время универсальность темы. Одним из таких ракурсов анализа исторической памяти являются исследования ее конкретной разновидности – автобиографической памяти. Этот аспект неоднократно становился предметом изучения ученых и в России, и за рубежом. Однако, будучи многоаспектным феноменом, автобиографическая память трактовалась совершенно по-разному на страницах работ по психологии, философии, антропологии, медицине и т.д. Причем и внутри этих дисциплин тема в разные годы раскрывалась по-своему [1, 2]. Более того, разброс исследовательских контекстов не дает единого представления об автобиографической памяти еще и с практической точки зрения (множество «классических» и «новаторских» подходов, практик, семинаров, вариантов терапии). О ее когнитивной специфике исследователи рассуждают, опираясь также на ряд современных общетеоретических подходов – в частности на эволюционно-информационный [3], культурно-исторический [4, 5], деятельностный [6], социальный [7], нарративный [8] и др. Однако в данном случае применительно к теме этой статьи важно отметить еще одну особенность рассмотрения автобиографической памяти в качестве предмета анализа: каждый исследователь в то же время является обладателем непосредственного опыта автобиографических воспоминаний и тем самым через опыт воспоминаний собственного исторического бытия придает им как когнитивному феномену статус исторической реальности.

На наш взгляд, обозначенный тип памяти как когнитивный феномен приобретает особую значимость именно в тот момент, когда оказывается погруженным в свой культурно-исторический контекст – наиболее полно он раскрывается в конкретном историческом материале. Однако при этом он должен выступать в форме, позволяющей раскрыть его когнитивные характеристики – это может быть исторический нарратив, текст как предмет анализа в лингвистике, теории перевода, философии и методологии науки, в психологии или психотерапии. Основной акцент ставится на познавательный характер данного феномена, а выбранный матери-

ал и контекст призваны задавать общий образ исследования. Для рассмотрения автобиографической памяти важно то, как мы (ее исследователи) помним себя самих, что мы помним о себе, почему мы помним именно это и как это выражается в реальности. Но главное состоит в том, что мы совершаем познавательное усилие, направленное на себя, включая в это усилие и автобиографические воспоминания. И результат оказывается историчен.

Современные исследователи подчеркивают социокультурную обусловленность автобиографического нарратива как результат обращения к автобиографической памяти: «...эмпирическое исследование памяти обращается к языковым средствам автобиографической памяти и таким образом сразу отодвигает психологический момент автобиографического сознания на сторону литературной автобиографии. Поскольку люди должны делиться своими воспоминаниями с другими, в чем им помогает речь, можно говорить о социальной функции автобиографической памяти» [9, с. 40]. А функция эта, очевидно, немыслима вне ее когнитивной составляющей.

Каждый представляет себе определенное событие с позиций непосредственного когнитивного опыта. Так, свидетели, например, Французской революции, разделяли общее «сейчас», хотя воспоминания их могли быть совершенно разными, как и их выражение в автобиографических нарративах; самоощущение себя в истории создавалось и создается на основе воспоминаний. И не только самоощущение. К. Каллендер подчеркивает, что «мое Я создается (эпистемологически и психологически, по крайней мере) из моего непосредственного опыта и воспоминаний. Оно формируется из того, что я полагаю непреходящим, неизменным и целостно присущим в каждый момент времени. Мои непосредственные переживания составляют передний край этого Я, точка, где заканчиваются воспоминания. Но это Я постоянно меняется, поскольку момент за моментом нити идентичности сплетаются в цельность, автосохраняющуюся идентичность во времени» [10, р. 32]. Каллендер называл этот феномен «движущимся эго» [11], однако в контексте данной статьи интерес представляет статус автобиографической памяти как познавательного феномена и ее когнитивной роли в становлении человеческой идентичности, проецируемой на историческую реальность.

Одним из важных моментов, связанных с автобиографической памятью как когнитивным феноменом, является вопрос: каким именно образом происходит моделирование Я, проецируемого на историческую реальность? Принципиально важно, что в данном случае раскрывается нарративная сторона этого моделирования. История, которую мы рассказываем о себе (повествуем), опирается на автобиографическую память, и когнитивное здесь переключается с экзистенциальным, внутренней историей человека, благодаря чему она и соотносится с историей внешней, которая выступает как знание. Например, МакАдамс связывает идентичность с внутренней развивающейся историей жизни, погружая эту мысль в контекст современных исследований и теорий развития самопонимания на протяжении всей человеческой жизни. Таким образом, у него между собой связаны автобиографическая память, автобиографический нарратив, а также их соотношение в культурно-историческом и социальном контексте, буквально – сопряжение с историей и памятью Другого [12]. Р. Фивуш и М. Граци и вовсе напрямую смещают акцент к социальному и культурному, определяя автобиографическую память как сложную смесь воспоминаний об единичных, повторяющихся и протяженных во времени событиях, интегрированных в связную историю личности, которая создается и оценивается с помощью социокультурных практик. Именно на них ученые заостряют внимание, говоря о социальных взаимодействиях и культурном влиянии как обязательных условиях человеческого самоопределения в рамках повествования о себе [13].

Другой аспект проблемы автобиографической памяти вызывается временным характером человеческой когнитивности. Хотя мы не можем на физическом уровне вернуться в прошлое, но можем его вспомнить, равно как и можем предвидеть время, которое наступит в ближайший момент, момент «сейчас». Благодаря этим воспоминаниям и ожиданиям у нас возникает множество противоречивых временных перспектив. Однако человек как носитель воспоминаний успешно преодолевает этот конфликт. И в данном ключе Каллендер рассуждает о корреляции между нашими способностями: формировать самоощущение, децентрироваться во времени и формировать автобиографические воспоминания. Скрепляет эту связь именно автобиографическая память, поскольку она дает

расширенное видение себя самого в течение времени [10, p. 35], т.е. дает знание о себе в истории. В самом деле соотношение воспоминаний о событиях и собственный образ носителя этих воспоминаний во времени становится предметом и когнитивного, и экзистенциального анализа: «Положение субъекта воспоминаний осложняется еще и тем, что повествование о себе происходит на основе метафоры времени, которая как некоторый регулятор профилирует содержание жизни и отбирает из прошлого судьбоносные для “Я” концепты» [14, с. 39].

Когнитивный аспект раскрывается и в определении автобиографических воспоминаний, данным исследователем феномена автобиографической памяти М. Конвеем. В его теории они предстают как комплекс ментальных авторепрезентаций, построенных на знании человека о себе самом, так называемом «автобиографическом знании» [15]. Фактически эти знания сравниваются с базой данных; по версии Конвея, именно они являются ключевыми источниками идентичности, а также обеспечивают психологическую связь между персональной историей личности и историей человека, интегрированного в сообщество. Конвей подчеркивает, что автобиографические знания содержат знания человека о себе; они используются для предоставления информации о том, что такое индивидуальное «я», чем оно было и чем оно может быть [16]. В своих работах, он и К. Плейдел-Пирс развивают эту идею, выделяя три взаимосвязанных и взаимовлияющих уровня автобиографической памяти, охватывающих периоды жизни, общие события и знания о конкретных событиях [15, 17]. Автобиографические воспоминания в рамках такой системы выделяются по трем критериям: они содержат эпизодические воспоминания, знание о себе, а также являются результатом целенаправленного осмысления [17, p. 493].

Таким образом, автобиографическая память в качестве когнитивного феномена реализуется одновременно и в качестве индивидуальных воспоминаний и, будучи погруженной в культурный и социальный контексты, как материал для исторического исследования. Автобиографические нарративы – мемуары, дневники, воспоминания – объединяют экзистенциальное и общее, включая и текст (нарративное), и память (когнитивное) в историческое поле. Фактически когнитивное приобретает характер исторической проблематики, будучи выраженным в ав-

тобиографическом нарративе. В свою очередь, историческое содержание, присутствующее в тексте автобиографического воспоминания, получает «когнитивную окраску»; поскольку зачастую зафиксированные в тексте такого рода воспоминания – единственный материал, который позволяет ученым что-то узнать об изучаемом времени, познать эпоху и события, вплоть до дискурса и способа мышления этого времени. Выраженные автобиографические воспоминания несут в себе и ценностные характеристики: «...можно с уверенностью утверждать, что автобиографическое произведение и в письменном, и в устном своем бытовании обращено к аксиосфере, где *только ценное может быть актуализировано как память* и впоследствии, вербализуясь, воплощено в форме прецедентных текстов, формирующих ценностный императив <...> Именно автобиографическая память обеспечивает базис социальной идентификации: общее прошлое оказывается фундаментом переживания “совместности” или “отчуждения”» [18, с. 21]. Культурно-историческое и социальное поле исследований когнитивного, т. е. автобиографической памяти позволяет также полноценно раскрыть и методологический аппарат научного исследования – все сомнения, критический характер, стандарты, принципы работы с историческими материалами. Восприятие человеком конкретного события, мемуарные записи, автобиографические нарративы – все то, что остается от автобиографической памяти, создавая тем самым ткань прошлого, составляя предмет в научном исследовании, и когнитивный момент в данном случае становится важным фактором познания истории.

Литература

1. Молчанова А.С. О соотношении понятий «коллективная память» и «автобиографическая память» // Язык и культура в эпоху интеграции научного знания и профессионализации образования: материалы III Междунар. науч.-практ. конф. : в 2 ч. 2019. С. 233–239.
2. Портная С.А. Автобиографическая память как предмет анализа в философско-психологических концепциях // Психологические науки: теория и практика : материалы II Междунар. науч. конф. Казань : Молодой ученый, 2014. С. 12–16.
3. Меркулов И.П. Когнитивные способности. М. : ИФ РАН, 2005. 182 с.
4. Зинченко В.П., Пружинин Б.И., Щедрина Т.Г. Истоки культурно-исторической психологии: фило-софско-гуманитарный контекст. М. : РОССПЭН, 2010. 523 с.
5. Нуркова В.В. Анализ феноменологии автобиографической памяти с позиций культурно-исторического подхода // Культурно-историческая психология. 2008. Т. 4, № 1. С. 17–26.
6. Нуркова В.В. Автобиографическая память в оптике культурно-исторической и деятельностной методологии // Психология. 2010. Т. 7, № 2. С. 64–82.
7. Порус В.Н. Социально-эпистемологический взгляд на культурно-историческую психологию // Стиль мышления: проблемы исторического единства научного знания. К 80-летию В. П. Зинченко / под ред. Т. Г. Щедриной. М. : РОССПЭН, 2011. С. 43–59.
8. Пружинин Б.И., Щедрина И.О. Историзация философско-методологического сознания науки и нарратология // Вестн. Санкт-Петербургского ун-та. Философия и конфликтология. 2019. Т. 35, № 1. С. 83–91.
9. Колесник Т.И., Стасевич Ю.Ю. К вопросу о функционировании автобиографической памяти // Вестн. ЛНУ им. Тараса Шевченко. 2017. № 1 (6). С. 38–42.
10. Callender C. Time Lost, Time Regained // *Metaphysics and Cognitive Science* / Ed. by A.I. Goldman and B.P. McLaughlin. N.Y. : Oxford University Press, 2019. P. 17–37.
11. Brdar M., Brdar-Szabó R. Moving-Time and Moving-Ego Metaphors from a Translational and Contrastive-Linguistic Perspective // *Research in Language*. 2017. Vol. 15 (2). P. 191–212.
12. McAdams D.P. Identity and the life story // *Autobiographical memory and the construction of a narrative self: Developmental and cultural perspectives*. 2003. № 9. P. 187–207.
13. Fivush R., Graci M.E. Cognitive Psychology of Memory // *Learning and Memory: A Comprehensive Reference (Second Edition)*. Academic Press, 2017. P. 119–135.
14. Нюбина Л.М. О концептуальном пространстве автобиографической памяти // Вопросы когнитивной лингвистики. 2010. № 2 (23). С. 39–47.
15. Conway M.A. Memory: Autobiographical // *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences*. Oxford: Pergamon, 2001. P. 9563–9567.
16. Conway M.A. Autobiographical knowledge and autobiographical memories // *Remembering our past: Studies in autobiographical memory*. Ed. by D.C. Rubin. Cambridge University Press, 1996. P. 67–93.
17. Conway M.A., Singer J.A., Tagini A. The Self and Autobiographical Memory: Correspondence and Coherence // *Social Cognition*. 2004. Vol. 22, No. 5. P. 491–529.

18. Бирюкова Е.Е. Ценность как память и память как ценность: содержательная сторона автобиографических произведений в свете современных психологических исследований // Вестн. Самарского ун-та. История, педагогика, филология. 2017. № 1.2. С. 19–22.

References

1. Molchanova A.S. (2019). On the correlation of the concepts of collective memory and autobiographical memory. *Language and culture in the era of the integration of scientific knowledge and professionalization of education*. Proceedings of the III International Scientific and Practical Conference: in 2 parts, pp. 233-239. (in Russian).

2. Portnaya S.A. (2014). Autobiographical memory as a subject of analysis in philosophical and psychological concepts. *Psychological Sciences: Theory and Practice*. Proceedings of the II International Scientific Conference. Kazan, Molodoi uchenyi Publ., pp. 12-16. (in Russian).

3. Merkulov I.P. (2005). *Cognitive abilities*. Moscow, IP RAS Press, 182 p. (in Russian).

4. Zinchenko V.P., Pruzhinin B.I., Shchedrina T.G. (2010). *The origins of cultural and historical psychology: a philosophical and humanitarian context*. Moscow, ROSSPEN Publ., 523 p. (in Russian).

5. Nurkova V.V. (2008). Analysis of the phenomenology of autobiographical memory from the standpoint of the cultural-historical approach. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya*, vol. 4, No. 1, pp. 17-26. (in Russian).

6. Nurkova V.V. (2010). Autobiographical memory in the optics of cultural-historical and activity methodology. *Psikhologiya*, vol. 7, No. 2, pp. 64-82. (in Russian).

7. Porus V.N. (2011). Socio-epistemological view of cultural-historical psychology. *Style of thinking: problems of the historical unity of scientific knowledge*. To the 80th anniversary of V.P. Zinchenko. T.G. Shchedrina (Ed.). Moscow, ROSSPEN Publ., pp. 43-59. (in Russian).

8. Pruzhinin B. I., Shchedrina I. O. (2019). Historization of philosophical and methodological consciousness of science and narratology. *Vestn. Sankt-Peterburgskogo un-*

ta. Filosofiya i konfliktologiya, vol. 35, No. 1, pp. 83-91. (in Russian).

9. Kolesnik T.I., Stasevich Yu.Yu. (2017). On the question of the functioning of autobiographical memory, *Vestnik LNU im. Taras Shevchenko*, No. (6), pp. 38-42. (in Russian).

10. Callender C. (2019). *Time Lost, Time Regained, Metaphysics and Cognitive Science*. A.I. Goldman, B.P. McLaughlin (Eds.). New York, Oxford University Press, pp. 17-37.

11. Brdar M., Brdar-Szabó R. (2017). Moving-Time and Moving-Ego Metaphors from a Translational and Contrastive-Linguistic Perspective. *Research in Language*, No. 15 (2), pp. 191-212.

12. McAdams D.P. (2003). Identity and the life story. *Autobiographical memory and the construction of a narrative self: Developmental and cultural perspectives*, No. 9, pp. 187-207. (in English).

13. Fivush R., Graci M.E. (2017). Cognitive Psychology of Memory. *Learning and Memory: A Comprehensive Reference* (Second Edition). Academic Press, pp. 119-135.

14. Nyubina L.M. (2010). On the conceptual space of autobiographical memory. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki*, No. 2 (23), pp. 39-47. (in Russian).

15. Conway M.A. (2001). Memory: Autobiographical. *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences*. Oxford, Pergamon, pp. 9563-9567.

16. Conway M.A. (1996). Autobiographical knowledge and autobiographical memories. *Remembering our past: Studies in autobiographical memory*. D.C. Rubin (Ed.). Cambridge University Press, pp. 67-93.

17. Conway M.A., Singer J.A., Tagini A. (2004). The Self and Autobiographical Memory: Correspondence and Coherence. *Social Cognition*, vol. 22, No. 5, pp. 491-529.

18. Biryukova E.E. (2017). Value as memory and memory as value: the content side of autobiographical works in the light of modern psychological research. *Vestnik Samarskogo Universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya*, No. 1.2, pp. 19-22. (in Russian).

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

HISTORICAL SCIENCES

УДК 94

doi 10.18522/2687-0770-2020-4-43-47

ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ В ИСПАНИИ В 1976–1978 ГОДАХ

© 2020 г. П.С. Антоненко ^а

^а Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

DEMOCRATIZATION OF THE CATHOLIC CHURCH IN SPAIN IN 1976-1978

P.S. Antonenko ^а

^а Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Антоненко Полина Сергеевна –
аспирант,
Институт истории
и международных отношений,
Южный федеральный университет,
ул. Б. Садовая, 33, г. Ростов-на-Дону,
344082, Россия.
E-mail: polinasergeevna1994@mail.ru

Polina S. Antonenko -
Postgraduate,
Institute of History
and International Relations,
Southern Federal University,
Bolshaya Sadovaya St., 33, Rostov-on-Don,
344082, Russia.
E-mail: polinasergeevna1994@mail.ru

Рассматриваются изменения положения католической церкви в испанском обществе, вызванные демократическим транзитом. Начало правления Хуана Карлоса I ознаменовалось переосмыслением диалога между государством и католической церковью. Король внес инициативу пересмотра положений Конкордата, тем самым ограничив властное положение испанской католической епархии. Данное решение выглядит как намерение разделить историю Испании на франкистский и демократический периоды в политическом и общественном сознании. Но полноценная демократизация общества оказалась бы невозможной без модернизации церковного института. Конституция 1978 г., будучи главным законом страны, отражает отношение государства к религиозному вопросу, подчеркивая светский статус Испании и плюрализм вероисповедания испанцев. Несмотря на введенные ограничения католической церкви, вызванные переходом к демократии, положение религиозного института остается высоким в силу давления исторической памяти Испании, в которой католицизм является национально образующим фактором. В результате демократизация католической церкви прошла успешно и церковный институт занял гармоничное положение в условиях демократической Испании.

Ключевые слова: Испания, католицизм, демократический транзит, Хуан Карлос I, Конкордат, Ватикан, Конституция 1978 г., историческая память.

The article considers the changes in the position of the Catholic Church in Spanish society caused by the democratic transition. The beginning of the reign of Juan Carlos I was marked by the rethinking of the dialogue between the state and the Catholic Church. The king introduced the initiative to revise the provisions of the Concordat, thereby limiting the power position of the Spanish Catholic diocese. This decision looks like an intention to divide the history of Spain into Franco and democratic periods in the political and public consciousness. But the full-fledged democratization of society would have been impossible without the modernization of the church institution. The Constitution of 1978, being the main law of the country, reflects the state's attitude to religious issues, emphasizing the secular status of Spain and the pluralism of religion of the Spaniards. Despite the restrictions imposed on the Catholic Church, caused by the transition to democracy, the position of the religious institution remains high due to the pressure of the historical memory of Spain, in

which Catholicism is a nation forming factor. As a result, the democratization of the Catholic Church was successful, and the church institution took a harmonious position in the conditions of democratic Spain.

Keywords: *Spain, Catholicism, democratic transition, Juan Carlos I, Concordat, Vatican, Constitution of 1978, historical memory.*

1970-е гг. представляют собой непростой период в жизни испанского общества. Окончание долголетнего правления Франсиско Франко и переход к конституционной монархии сопровождались глубокими общественными трансформациями. Демократизация общества – это сложный процесс преобразования общественных институтов. Действия правительственного кабинета Хуана Карлоса I были направлены на их демократизацию. Церковный институт занимал особое положение.

Процесс демократизации испанского общества во многом зависел от реформирования церковного института. Конечно, католической церкви отводилось значительное место в идеологии франкизма, она являлась базой формирования концепции «Испанидад», легшей в основу функционирования франкистского режима на протяжении более чем тридцати лет. Говоря об особенностях изменения положения католической церкви в условиях демократического транзита, стоит помнить о том, что во франкистский период католицизм был признан единственной легитимной религией внутри государства. Учитывая это, процесс модернизации католической церкви представляется еще более сложным и противоречивым. Однако уже в последние годы правления Ф. Франко в общественной дискуссии возник диалог о необходимости пересмотра положения церковного института. На церковной ассамблее 1971 г. открыто заявлялось о необходимости юридического, а не церковного признания «практики прав человека, истинной свободы слова, свободы политических и прочих объединений, достижение здорового плюрализма, поддержание культурного многообразия Испании» [1].

При этом данное определение противоречит основам франкизма и концепции «Испанидад», ставящих во главу угла главенство католической церкви, признание ее как единственно возможного религиозного института на территории Испании, единение национальной идентичности и стирание местных национальных различий. Подобное противоречие в смелости заявления и официального признания католицизма как единой допустимой религии позволяет сделать вывод, что необходимость пересмотра положения церкви возникла за несколько лет до коронации

Хуана Карлоса I. Таким образом, отношение к католической церкви в Испании действительно является центральным вопросом в системе государственного устройства, тем самым вызывает интерес со стороны исследователя. Анализируя диалог между католической церковью и государством, необходимо помнить, что католицизм является одним из основных элементов построения национального и культурного кода испанцев, входя в сложную систему исторической памяти Испании.

Важным событием в демократизации церковного института является пересмотр Конкордата 1953 г. Конкордат – особое соглашение между Ватиканом и иным государством о расширении епархиальных полномочий внутри государства. Напомним, что конкордат 1953 г. является последним на сегодняшний момент заключенным конкордатом, что говорит об Испании как об исключительном государстве в глазах церковного правительства Ватикана.

Решение отречься от привилегий принадлежит исключительно Хуану Карлосу, что является ключевым эпизодом демократизации церковного института в Испании. Более того, данный шаг влияет на реформирование исторической памяти Испании, условно «разделяя» привилегированное положение церкви в испанском обществе периода правления Ф. Франко и положение церковного института в «новой» Испании с демократической ориентацией.

Не существует юридического документа, который бы официально внес изменения в конкордат 1953 г. Однако его содержание считается существенно измененным благодаря подписанию следующих соглашений: 1) «Базовое соглашение» испанского государства с Ватиканом «Acuerdo Basico» от 28 июля 1976 г.; 2) Соглашение о юридическом статусе церкви от 3 января 1979 г.; 3) Соглашения об образовании и культурных аспектах от 3 января 1979 г.; 4) Соглашение по экономическим вопросам от 3 января 1979 г.; 5) Соглашение о присутствии Церкви в вооруженных силах и по вопросу о воинской обязанности клириков и монахов от 3 января 1979 г. [2]. Судя по хронологическому порядку подписания данных соглашений, процесс осмысления нового положения церкви в испанском обществе прохо-

дил осознанно и повлек за собой необходимость проведения переговоров с целью заключения соглашений. Из названий соглашений очевидно, что пересмотр конкордата касался различных аспектов взаимодействия государства и церкви, в том числе военного и экономического.

Главным результатом подписанных соглашений, определяющим развитие исторического диалога между церковью и Ватиканом, является отказ монарха от королевского патроната – многовековой привилегии монархов Испании в назначении епископов. Отказ от иерархических привилегий установил равенство между церковью и государством. Заключенные соглашения привели к переориентации церковного института из «франкистского восприятия» в облик церковного института демократического образца. Другими словами, в период демократического транзита необходимо изменились прежние ценности франкистской Испании в сторону общеевропейского, демократического стандарта. Церковный институт не стал исключением. Необходимо было пересмотреть характер общения между государством и церковью, так как концепция развития демократической Испании не основывалась на католицизме как на объединяющем факторе существования испанского общества. Более того, испанское правительство в добровольном порядке отказалось от предоставленных святым престолом полномочий 1946 г. Данный Конкордат подлежал пересмотру по причине резкого изменения общественно-политического климата в государстве и проведения разграничения между Испанией франкистского образца и демократического.

Нельзя сказать, что соглашения привели исключительно к ограничению полномочий испанской католической церкви. Наряду с этим было сохранено множество исторически закрепленных привилегий. К ним, например, относится законность канонического брака и сохранения права католической церкви участия в школьном образовании. В Соглашении об образовании и культурных аспектах от 3 января 1979 г. ст. 1 гласит: «В свете принципа свободы вероисповедания образовательная деятельность будет уважать основополагающее право родителей на моральное и религиозное воспитание своих детей в школе. В любом случае образование, проводимое в государственных учебных заведениях, должно соответствовать ценностям христианской этики» [3]. Эта статья Соглашения включает в себе признание Испании светским государством наряду с

признанием уважения норм христианской этики. На наш взгляд, подобное сочетание исторических и новых ценностей является удачным примером сосуществования религии и демократии.

Примером мирной демократизации церковного аппарата также служит ст. 6. Она гласит: «Государство признает гражданские последствия брака, заключенного в соответствии с нормами канонического права. Гражданские последствия канонического брака возникают с момента его заключения. Для их полного признания потребуется регистрация в загсе. Святейший Престол подтверждает неизменную ценность своей доктрины о браке и напоминает тем, кто заключает канонический брак, о серьезном обязательстве соблюдать канонические нормы, регулирующие брак, и, в частности, уважать его основные свойства» [4]. Данный пункт сохраняет легитимность и правовую основу заключения брачных союзов по католическому образцу. Конечно, далее действует уточнение, что необходима последующая регистрация в загсе, что свидетельствует о светском начале испанской конституционной монархии периода демократического транзита, однако сохранение юридической значимости брака, заключенного по каноническому образцу, говорит о неоспоримом авторитете католической церкви.

Примечательно, что несмотря на резкую смену курса в политическом сознании, что отражается на всех без исключения сферах жизни, содержание соглашений 1979 г. сохраняют в себе привилегии католической церкви. Это важно отметить, говоря о трансформации исторической памяти. Можно сказать, что резкие политические повороты не способны с помощью отдельно взятых актов изменить положение церковного института в силу глубоко общественного влияния исторической памяти на общество. Соглашения 1979 г. представляются как некий компромисс между властью и обществом, к которому необходимо прибегнуть в целях продолжения курса демократизации. Однако даже в условиях модернизации общества католическая церковь, имея многовековую опору и являясь фундаментом построения исторической памяти Испании, продолжает занимать существенные позиции во внутреннем политическом курсе страны.

Если вышерассмотренные соглашения свидетельствуют об изменении положений на международном уровне, то принятая Конституция 1978 г. официально закрепляет статус католической церкви в условиях новой демократической реальности в Испании. О роли и положении ре-

лигии в системе испанского общества упоминается в пунктах гл. 2, ст. 14, ст. 16 Конституции.

Глава 2 посвящена правам и свободам испанцев и значению церкви. Это важное замечание, поскольку, положение церкви рассматривается в контексте общих прав и свобод. Следовательно, роль религии в испанском обществе в период демократического транзита представляет собой не системообразующий фактор формирования испанской идентичности, а напротив, является элементом личного выбора каждого гражданина Испании. Рассмотрим п. 14 гл. 2 Конституции: «Все испанцы равны перед законом и не может быть какой-либо дискриминации по мотивам рождения, расы, пола, вероисповедания, взглядам или по каким-либо иным условиям личного или социального характера» [4]. Данный пункт гарантирует недопущение дискриминации по отношению к гражданину Испании, в том числе и по его религиозным взглядам, государственное влияние не может быть распространено на личную свободу гражданина, не приносящую угрозу другим гражданам.

В ст. 16 гл. 2: «1. Гарантируется свобода идеологии, вероисповедания и отправления культа, осуществляемых индивидами и их сообществами без каких-либо ограничений, кроме тех, которые необходимы для поддержания общественного порядка, охраняемого законом. 2. Никто не может быть обязан объявлять о своей идеологии, религии и верованиях. 3. Никакое верование не может иметь характера государственной религии. Публичные власти должны принимать во внимание религиозные верования испанского общества и поддерживать вытекающие из этого отношения сотрудничества с католической церковью и другими конфессиями» [4]. Приведенная статья отражает официальное отношение к церковному институту и религиозному вопросу в Испании в период демократического транзита. Пункт 1 гарантирует свободу идеологии, вероисповедания и отправления культа отдельным индивидом либо сообществом. Религиозное вероисповедание, согласно Конституции 1978 г., ставится в «один ряд» с такими понятиями, как идеология и отправление культа. Более того, данный пункт говорит о возможности как личной, так и коллективной приверженности к какой-либо религиозной или идеологической организации. Второй пункт данной статьи гарантирует неприкосновенность личности в связи с персональными религиозными взглядами и предпочтениями, а также отсутствие религиозной

пропаганды и недопущение оценки личных либо гражданских качеств испанца на основе его вероисповедания. И, наконец, заключительный пункт данной статьи закладывает основу «религиозного плюрализма» на территории Испании периода демократического транзита, говорит об абсолютно светском характере Испанского правительства без влияния религиозного аспекта на него. В этом же пункте подчеркивается, что в постфранкистской Испании существует такое понятие, как «публичные власти», под которыми подразумеваются органы, осуществляющие управление обществом на центральном, региональном и местном уровне, говорится о возможности мирного сосуществования различных вероисповеданий. Примечательно, что несмотря на то, что Конституция декларирует возможность мирного сосуществования нескольких конфессий, в этом пункте делается акцент на сотрудничестве католической церкви с другими конфессиями. Вероятно, это вытекает из наследия исторической памяти Испании, так как католицизм является одной из скрепляющих основ построения испанского общества и государства в целом.

Анализируя Конституцию 1978 г. с точки зрения ее положений на тему религиозного вопроса, становится очевидным, что отношение к церковному институту в испанском обществе на официальном уровне складывается на фоне общих демократических преобразований в государстве. Это подтверждает рассмотренная нами ст. 16, которая гарантирует гражданам исповедование любого религиозного культа при условии, что тот или иной культ не несет угрозы общественному порядку. Также ст. 16 отвергает возможность доминирования какой-либо одной религии и подчеркивает отсутствие статуса государственной религии в обществе. Однако, несмотря на нейтральное отношение к различным религиозным течениям, роль католичества все же выделяется в тексте Конституции в том плане, что католическая церковь обязуется поддерживать сотрудничество с иными религиозными организациями.

Конечно, не все были согласны с идеалистической демократизацией католической церкви в Испании. Появлялись и работы, авторы которых критиковали результаты [5–7], в обществе существовала дискуссия не только академического характера. Однако бытовые недовольства в связи с модернизацией многих общественных институтов, которые ранее находились в более строгих рамках, разгорелись уже позже. Должно было

пройти время между законодательными изменениями в системе католической церкви и общественными всплесками, вызванными данными изменениями.

Литература

1. Asamblea conjunta obispos-sacerdotes. Historia de la Asamblea, discursos, texto íntegro de odas las ponencias, proposiciones, conclusiones, apéndices. Madrid, 1971. № 11–20. P. 165–167.
2. Available at: [https:// www.boe.es/buscar/doc.php?id=BOE-A-1976-18294](https://www.boe.es/buscar/doc.php?id=BOE-A-1976-18294) (accessed September 20, 2020).
3. Available at: [https:// www.boe.es/buscar/doc.php?id=BOE-A-1979-29491](https://www.boe.es/buscar/doc.php?id=BOE-A-1979-29491) (accessed September 20, 2020).
4. Available at: [http:// www.concourt.am/armenian/legal_resources/world_constitutions/constit/spain/spain--r.htm](http://www.concourt.am/armenian/legal_resources/world_constitutions/constit/spain/spain--r.htm) (accessed September 20, 2020).
5. Grimaldos A. La sombra de Franco en la transición. Madrid: Oberon, 2004.
6. Moran G. El precio de la transición. Barcelona: Planeta, 1991.

7. Navarro V. Bienestar insuficiente, democracia incompleta. Sobre lo que no se habla en nuestro país. Barcelona: Editorial Anagrama, 2002.

References

1. Asamblea conjunta obispos-sacerdotes. Historia de la Asamblea, discursos, texto íntegro de odas las ponencias, proposiciones, conclusiones, appendices. (1971). Madrid, No. 11-20, pp. 165-167.
2. Available at: [https:// www.boe.es/buscar/doc.php?id=BOE-A-1976-18294](https://www.boe.es/buscar/doc.php?id=BOE-A-1976-18294) (accessed September 20, 2020).
3. Available at: [https:// www.boe.es/buscar/doc.php?id=BOE-A-1979-29491](https://www.boe.es/buscar/doc.php?id=BOE-A-1979-29491) (accessed September 20, 2020).
4. Available at: [http:// www.concourt.am/armenian/legal_resources/world_constitutions/constit/spain/spain--r.htm](http://www.concourt.am/armenian/legal_resources/world_constitutions/constit/spain/spain--r.htm) (accessed September 20, 2020).
5. Grimaldos A. (2004). *La sombra de Franco en la transición*. Madrid, Oberon.
6. Moran G. (1991). *El precio de la transición*. Barcelona: Planeta.
7. Navarro V. (2002). *Bienestar insuficiente, democracia incompleta. Sobre lo que no se habla en nuestro país*. Barcelona, Editorial Anagrama.

УДК 930

doi 10.18522/2687-0770-2020-4-48-53

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СРЕДЕ НЕМЦЕВ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

© 2020 г. И.В. Баранова ^а

^а Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

CHARITY WITHIN PROFESSIONAL ENVIRONMENT OF SAINT PETERSBURG GERMANS IN THE LATE 18th - EARLY 20th CENTURY

I.V. Baranova ^а

^а Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Баранова Ирина Владимировна –
аспирант, кафедра истории,
Санкт-Петербургский государственный
университет,
Университетская наб., 7/9, г. Санкт-Петербург,
199034, Россия.
E-mail: ir4enok.88@mail.ru

Irina V. Baranova -
Postgraduate,
Department of History,
Saint Petersburg State University,
Universitetskaya Emb., 7/9,
Saint Petersburg, 199034, Russia.
E-mail: ir4enok.88@mail.ru

Исследуется система немецких благотворительных объединений, существовавших в профессиональной среде немцев Санкт-Петербурга в конце XVIII – начале XX в. Благотворительные объединения, связанные с профессиональной деятельностью, условно разделены на три категории: 1) приюты для представителей различных профессий; 2) общества и кассы взаимопомощи; 3) объединения, оказывающие различную помощь малоимущим слоям населения города. Анализируются механизмы функционирования немецких благотворительных учреждений, созданных немецкими благотворительными обществами и частными лицами для представителей определенных профессий, в отдельных случаях приведена система их финансирования. Дается краткий обзор существовавших в Санкт-Петербурге касс взаимопомощи, созданных выходцами из германских земель, и принцип их работы.

Благотворительная поддержка была особенно необходима немцам, недавно прибывшим в город и еще не нашедшим место работы, а также нетрудоспособному немецкому населению Санкт-Петербурга. Анализируя способы поддержки внутри коллектива и благотворительную помощь извне, можно выявить и предположить возможные способы оказания социальной помощи иностранцам, приезжающим в Санкт-Петербург с целью осуществления профессиональной деятельности.

Ключевые слова: Санкт-Петербург, благотворительность, немцы, выходцы из германских земель, профессиональная деятельность, приюты, кассы взаимопомощи.

The article studies the system of German professional charitable organizations that existed in the late 18th - early 20th century. Charitable associations related to professional activities are conditionally divided into three categories: 1) shelters for representatives of various professions; 2) societies and mutual aid funds; 3) associations providing various assistance to the poor segments of the city population. We analyse the underlying mechanisms and functions of philanthropic institutions created either by German charitable organizations or private individuals for representatives of certain professions; in some cases we overview their financing as well. The article provides brief look at German immigrant mutual aid funds and principles of their operations.

Charitable support was especially necessary for the Germans who had recently arrived in the city and had not yet found and employment, as well to the layers of German population unable to work. By analyzing the means of inter-societal support and external charity efforts it is possible to identify and suggest possible ways to provide social assistance to foreigners who come to St. Petersburg for the purpose of professional employment.

Keywords: Saint Petersburg, charity, Germans, immigrants from German lands, professional activities, shelters, mutual aid funds.

«На начало XX века в Санкт-Петербурге проживали более 40 тыс. немцев, из которых более 30 тыс. являлись подданными Российской империи, а остальные сохраняли подданство своей первой родины...» [1, с. 227]. Определяющими факторами при установлении принадлежности к немецкому населению Санкт-Петербурга являлись: принадлежность к Евангелическо-лютеранской церкви, немецкий язык как родной и общность традиций. Из германских земель была привнесена традиция создавать общества, объединения, клубы. Немецкие благотворительные объединения, связанные с профессиональной деятельностью, можно условно разделить на три категории: 1) приюты для представителей различных профессий; 2) общества и кассы взаимопомощи; 3) объединения представителей определенных профессий, оказывающие различную помощь малоимущим слоям населения города.

Приюты для представителей различных профессий. В числе первых приютов, созданных для лиц, принадлежащих к определенной профессии, был приют для прислуги, основанный в 1866 г. доктором К. фон Майером. В приюте предоставлялось бесплатно или за небольшую плату помещение и стол временно лишившимся заработка служанкам евангелическо-лютеранского вероисповедания [2, с. 118]. Помощь оказывалась женщинам как потерявшим данный вид работы, так и недавно приехавшим в город и еще не нашедшим себе постоянного заработка. С проживающих взималась небольшая плата или предлагалась работа в прачечной до нахождения постоянного места работы. Приют сотрудничал с посредническим бюро для приискания прислуги, что способствовало трудоустройству проживающих в приюте. Как указывает А. В. Вернер, растущие доходы этого бюро позволили приюту через некоторое время обходиться без сбора пожертвований на свое содержание [3, с. 229]. Приют для прислуги был одним из немногих благотворительных учреждений, которые отказывались от сбора пожертвований и содержались за счет сотрудничества с иным учреждением, каковым являлось бюро для приискания прислуги. Приютом руководил комитет, учреждение могло принять сразу не больше 10 человек. В среднем женщины находились в приюте около месяца. В течение 1898 г. количество постоянно или временно проживающих в приюте составило 111 человек [4, с. 716].

В Санкт-Петербурге для представителей одной профессии порой функционировали сразу несколько приютов. Пример тому – 4 приюта для гувернанток, два из которых помогали в поиске работы трудоспособным гувернанткам, и еще два оказывали помощь женщинам в возрасте, ранее выполнявшим данную работу.

Так, первый такой приют в 1876 г. был создан доктором медицины К. фон Майером. Он размещался в здании Евангелического общества протестантов по адресу: Конногвардейский переулок, д. № 4. С апреля 1882 г. в доме № 24 по Новоисакиевской улице начало действовать евангелическое убежище гувернанток Санкт-Петербурга, учрежденное пасторами Р. Гессе, И. Керстеном, доктором Р. Вальтером, баронессой Марией Розен, великобританским подданным Эвелин Ив. Хубарт, Сарой Дальтон – супругой Германа Дальтона – пастора немецко-реформаторской церкви – и Викторией Стунде. Приюты для гувернанток имели одинаковые цели, четко выраженные в уставе евангелического убежища: «а) доставлять гувернанткам, пребывающим в Петербурге и временно остающимся без места, удобное и дешевое помещение со столом, в семейной обстановке; б) содействовать гувернанткам в приискании мест и занятий и в) служить приличным местом пребывания имеющих места гувернанток, которые пожелают им пользоваться в свободные от занятий воскресные и праздничные дни» [5, л. 4 об.]. «Право на поступление в убежище предоставлялось каждой гувернантке без различия национальности и вероисповедания, под условием предъявления диплома или аттестата на право преподавания и надлежащих о личности удостоверений» [5, л. 6 об.]. Деятельность приюта, основанного доктором медицины К. фон Майером, осуществлялась за счет благотворительных пожертвований, сотрудничества с бюро для поиска работы и иных доходов. Данное учреждение было рассчитано на 18 человек.

По сведениям, приведенным в дореволюционном источнике [4, с. 120, 706], в Санкт-Петербурге действовали два учреждения для престарелых гувернанток: Евангелический приют и небольшое Евангелическое убежище. Оба находились в ведении Министерства внутренних дел. Убежище было открыто в 1883 г. частным лицом и находилось по адресу: Лиговская ул., д. № 4. В нем предоставлялись за плату до 200 р. в год отдельные комнаты гувернант-

кам и учительницам протестантского вероисповедания старше 60 лет [4, с. 120].

Для неработоспособных учительниц пастором кирхи св. Екатерины Вальтером в 1900 г. был основан «Фридрих» (Приют покоя), который изначально размещался при кирхе. С 1904 г. для приюта были арендованы помещения по адресу: Тучков переулок, д. № 4. Приют содержался за счет платы постоялиц, процентов от собственного капитала и различных сборов, максимально мог принять 11 женщин.

Еще одним примером приюта для представителей определенной профессии являлся приют для моряков, открытый в 1902 г. по инициативе Евангелического общества для религиозного и нравственного назидания протестантов, основанного пастором немецкой реформаторской церкви Германом Дальтоном. Сначала он располагался в арендованной квартире. Проект устава «Морского Дома» Евангелического общества был утвержден 9 февраля 1906 г. Министерством внутренних дел [6, л. 140]. По просьбе общества попечения в соответствии с императорским указом в пользу приюта было передано в январе 1907 г. на безвозмездной основе судно, вышедшее из строя, – учебный корабль «Моряк», в помещениях которого и разместился приют. Согласно уставу, «Морской Дом» был учрежден для следующих целей: «1) предоставления пребывающим в С.-Петербурге мореходцам дешевых и здоровых помещений; 2) содействия им в приискании соответствующих занятий на кораблях; 3) посредничества между мореходцами и корабельщиками; 4) ограждения мореходцев в нравственном отношении; 5) религиозно-нравственного воздействия на мореходцев Евангелических исповеданий» [6, л. 141]. Приют оказывал поддержку морякам евангелическо-лютеранского вероисповедания вне зависимости от национальности. Каждое воскресенье на борту судна проходило богослужение. «Морской Дом» содержался на оплату мореходцев за проживание в нем, проценты с капиталов, за счет пожертвований, доходов от проводимых благотворительных мероприятий, таких как концерты, публичные чтения, базары и иные, а также сумм, поступавших в кассу «Морского Дома» за посредничество между корабельщиками и мореходцами. Приют получал помощь и от департамента торгового флота. Помощь от государственных структур учреждениям, основанным немецкими благотворительными обществами, оказывалась крайне редко, в исключительных случаях.

Как видим, немецкими благотворительными обществами и частными лицами организовывались приюты для трудоспособных и престарелых представителей какой-либо профессии. В приютах, основанных религиозными благотворительными организациями или пасторами общин, регулярно проводились богослужения.

Общества и кассы взаимопомощи. В обществах, объединяющих представителей одной профессии, создавались кассы взаимопомощи. В первую очередь они были рассчитаны на оказание помощи лицам, попавшим в тяжелую жизненную ситуацию, к каковым относились смерть кормильцев или потеря службы.

Таковым являлось, например, Филармоническое общество для помощи вдовам музыкантов, созданное по инициативе барона Александра Франца фон Раля в 1801 г. Его поддерживали скрипач И. Мазиер, виолончелист Д. Бахман, фаготист и композитор Ф. Михель и др. Учредителем и одним из основателей кассы Филармонического общества являлся Евгений Карлович Альбрехт. М. Г. Козырева в своей работе приводит цитату из журнала Санкт-Петербургского Филармонического общества, о том, что «несколько друзей человечества и почитателей музыки соединились для основания благотворительного заведения под названием Кассы музыкантских вдов...» [7, с. 208].

В устройстве общества оказывал помощь коллежский ассесор Аделунг. Александр Раль, являвшийся придворным банкиром, добился привлечения внимания благотворителей к данному проекту. Филармоническое общество осуществляло благотворительную и просветительскую деятельность. Участники пенсионной кассы для ее пополнения проводили благотворительные мероприятия, не имея других постоянных источников дохода. Вырученные средства от концертов использовались на помощь вдовам музыкантов. «Ежегодно Филармоническое общество устраивало 1–4 концерта, сборы от которых шли в пенсионный фонд, так называемую Кассу музыкальных вдов» [8, с. 60].

В отличие от других благотворительных обществ, которые для своего успешного функционирования привлекали лиц, готовых оказать спонсорскую помощь, члены филармонического общества собственным трудом и благодаря своему таланту, посредством благотворительных концертов самостоятельно зарабатывали денежные средства, которые перечисляли в помощь вдовам музыкантов.

При учебных заведениях также создавались общества взаимопомощи. С начала XIX в. при «Петришуле» (нем. St. Petri-Schule) сложилось общество взаимопомощи учителей и бывших воспитанников [9, с. 134]. Вспомогательная касса была учреждена бывшими воспитанниками школы св. Петра в честь столетнего юбилея учебного заведения. Из кассы поступали средства на плату за обучение нуждающимся воспитанникам, снабжение их учебниками и выдачу денежных пособий. При немецкой школе Санкт-Петербурга «Анненшуле» была создана пенсионная касса для учителей школы, вышедших на пенсию, с целью материальной поддержки. Необходимость создания пенсионной кассы возникла в связи с тем, что с присвоением школе статуса государственной гимназии в 1852 г. преподаватели получили права государственных служащих, правда, без права на государственную пенсию [10, с. 31].

Активно принимали участие в работе обществ взаимопомощи и немцы-ремесленники. По сведениям, приведенным Margarete Busch, в 1845 г. 69 % нуждающихся людей было из среды немцев-ремесленников [11, S. 94]. Вовремя оказанная материальная помощь помогала в трудных жизненных ситуациях. В Петербурге длительное время существовало такое общество под названием «Пальме». Благотворительное общество, полностью именуемое Домом для призрения подмастерьев «Пальме» (Gesellenhaus zur Palme), содержало воскресные классы и ночлежный приют для приезжих подмастерьев. Оно было основано в 1862 г. и располагалось по адресу: Максимилиановский пер., д. № 18. «Общество покровительствует всем приезжим товарищам, доставляя им до приискания мест квартиры, одежду, стол и прочее» [12, с. 92]. В общество взаимного вспомоществования «Пальме» входили в основном немцы из Прибалтики. Дом призрения содержался на средства частных лиц. В год основания при нем была создана вспомогательная касса для выдачи денежных пособий нуждающимся, больным, обремененным большим семейством, временно лишившимся заработка лютеранам-ремесленникам.

Благотворительный отдел общества «Пальме», деятельность которого была направлена на помощь детям, был основан в 1876 г. и располагался по адресу: Максимилиановский пер., д. № 18. Помощь оказывалась больным детям в возрасте от 5 до 14 лет без различия вероисповедания и национальностей. Один раз в год, на Рождественской

Елке, дети получали полный костюм или материю на костюм, обувь, школьные принадлежности, игрушки и праздничное угощение. «Число получивших помощь от общества в общей сумме за 1910 отчетный год составило 1 095 детей» [13, с. 48]. Количество членов общества «Пальме» к 1907 г. составило 382 человека [2, с. 117].

Кассы взаимопомощи создавались также и духовными лицами. Пенсионная касса проповедников Петербургской консистории была основана в 1868 г. П. Зибергом – пастором кирхи св. Анны. Из кассы поступали средства на пенсионные отчисления проповедникам, которые по болезни, возрасту или иным причинам были вынуждены оставить службу. Члены кассы платили ежегодные взносы, иными источниками кассовых поступлений были благотворительные пожертвования прихожан, постоянные отчисления церковных советов некоторых приходов, проценты от собственного капитала кассы. Взнос членов кассы составлял 8 р. ежегодно, а с 1883 г. был увеличен до 9 р. Размер денежных выплат каждый год менялся в зависимости от числа пасторов, вышедших на пенсию или в отставку. В Пенсионной кассе проповедников «в 1907 году состояло 124 пастора Петербургской консистории, в 1907–1908 выплачены 82 пенсии на сумму св. 7,3 тыс. рублей, в 1874–1908 св. 178 тыс. руб.» [14, с. 208]. Кассы взаимопомощи создавались для узкого круга лиц, занимающихся одним и тем же видом деятельности.

Объединения, оказывающие различную помощь малоимущим слоям населения города. Благотворительная помощь исходила и от представителей определенных профессий, объединенных в союзы и негласно сообща оказывавших поддержку малоимущим слоям населения Санкт-Петербурга.

«Союз для попечения и безвозмездного лечения бедных и больных» был основан при общине св. Петра пастором Лампе в 1787 г. [15, с. 139]. За образец был взят подобный союз, существовавший в Гамбурге. Неимущим, лечившимся на дому, оказывалась безвозмездная медицинская помощь, а Иоганн Георг Лампе лично навещал больных, поддерживая их морально. В союз для попечения бедных и больных входила группа из 19 врачей во главе с Гуккенбергером. Врачи проводили осмотр и бесплатно раздавали лекарства вне зависимости от вероисповедания больных. Иоганн Лампе занимался организационной работой, привлекал благотворителей для поддержки союза, вел подробную фи-

нансовую отчетность. Пастор И. Лампе, служивший при Петрикирхе в 1783–1813 гг. был одним из первых, кто воплотил в жизнь идею оказания безвозмездной профессиональной медицинской помощи со стороны представителей немецкой диаспоры Санкт-Петербурга.

В качестве такого примера можно привести деятельность немецких булочников, не объединенных в организационную структуру, раздававших хлеб нищим. В соответствии с правилами, установленными немецкими пекарнями, на следующий день после выпечки продукция считалась несвежей и была непригодной для продажи. Немецкими пекарями не проданные за день хлебобулочные изделия раздавались в качестве милостыни, при этом продукцию специально свозили на Сенную площадь, место сосредоточения нищих в Петербурге. В связи с тем, что раздача милостыни осуществлялась продовольствием, данный вид благотворительной деятельности использовался только по назначению, в отличие от материальной помощи, которая могла быть использована на покупку алкоголя. Благотворительная помощь, оказываемая населению города со стороны представителей определенных профессий немцев Санкт-Петербурга, была четко организована и направлена истинно нуждающимся.

В деятельности благотворительных обществ немцев Санкт-Петербурга принимали участие представители различных профессий: врачи, пасторы, предприниматели, булочники, ремесленники. Вовремя и целенаправленно оказанная благотворительная помощь помогала представителям немецкой диаспоры не впасть в нищету и зарабатывать средства к существованию своим трудом. События, связанные с Первой мировой войной, положили конец развитию благотворительности в отношении немецкого населения города, берущей свое начало еще в XVIII в. Переезд немцев в Санкт-Петербург в основном был связан с профессиональной деятельностью, характеризовался отсутствием постоянной коммуникации в немецких кругах. Изучение благотворительности немцев Санкт-Петербурга, осуществляемой в пределах профессиональной принадлежности в период с XVIII до начала XX в., может иметь практическое значение для иностранцев, приезжающих в город с целью трудоустройства. Данная тема мало изучена и требует дальнейших исследований.

Литература

1. Немцы в России : историко-документальное издание / отв. ред. Г. И. Смагина. СПб. : Лики России, 2004. 256 с.

2. Благотворительность в России / сост. по Высочайшему повелению Собственной Е. И. В. Канцелярии по учреждениям Императрицы Марии. СПб. : Типолиитография Н.Л. Ныркина, [1907]. Т. 2, ч. 2.

3. Вернер А. В. Из истории Лютеранских приходов Санкт-Петербургской губернии // Немцы в России. Петербургские немцы : сб. ст. / отв. ред. Г.И. Смагина. СПб. : Дмитрий Буланин, 1999. С. 321–330.

4. Благотворительные учреждения Российской Империи : в 3 т. СПб. : Типография СПб акционерного общества печ. дела в России Е. Евдокимов, Троицкая. 1900. № 18, т. 2. 986 с.

5. Центральный государственный архив города Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 569. Оп. 13. Ед. хр. № 32.

6. ЦГА СПб. Ф. 569. Оп. 11. Д. 1228.

7. Козырева М. Г. Придворный банкир А. Раль // Немцы в России. Петербургские немцы : сб. ст. / отв. ред. Г. И. Смагина. СПб. : Дмитрий Буланин, 1999. 620 с.

8. Иванова Н. И. Немцы Санкт-Петербургской губернии XVIII – XX вв. СПб. : ИВЭСЭП, 2008. 204 с.

9. Ульянов Н. П. Петришуле – старейшая школа в Петербурге // Немцы и развитие образования в России. СПб. : Изд-во Российской академии наук, 1998. С. 129–137.

10. Архангельский И. В. Анненшуле. Сквозь три столетия. СПб. : Звезда, 2004. 239 с.

11. Busch M. Deutsche in St. Petersburg 1865-1914: Identität und Integration. 1. Aufl. Essen: Klartext, 1995. 288 S.

12. Юхнева Н. В. Немцы в Петербурге во второй половине XIX – начале XX в. // Этноконтактные зоны в европейской части СССР. М. : Наука, Ленинградское отделение, 1989. С. 85–96.

13. Справочник о благотворительных учреждениях, действующих в городе С.-Петербурге / сост. в гор. исполн. комис. по благотворительности. СПб. : Гор. обществ. упр., 1913. XI, 94, 63 с.

14. Немцы России : энциклопедия : в 3 т. М. : ЭРН, 1999. Т. 1. 832 с.

15. Таценко Т.Н. Гамбург и евангелическо-лютеранские общины Санкт-Петербурга // Санкт-Петербург – Гамбург. Балтийские побратимы. СПб. : Европейский дом, 2007. 290 с.

References

1. *Germans in Russia*. (2004). Historical and documentary edition. G.I. Smagina (Ed.). Saint Petersburg, Liki Rossii Publ., 256 p. (in Russian).

2. *Charity in Russia*. (1907). Compiled by Supreme command of His Imperial Majesty's own Chancellery for Empress Mary's Institutions. Saint Petersburg, Typolithography of N.L. Nyrkin, vol. 2, part 2. (in Russian).

3. Verner A.V. (1999). From the history of the Lutheran parishes of the St. Petersburg province. *Germans in Russia. Germans of St. Petersburg*. G.I. Smagina (Ed.). Saint Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., p. 321-330. (in Russian).
4. *Charitable institutions of the Russian Empire*: in 3 vol. (1900). Saint Petersburg, Printing house of St. Petersburg joint stock society of printing business E. Evdokimov, Troitskaya, No. 18, vol. 2, 986 p. (in Russian).
5. *Central State Archives of the City of St. Petersburg (CSACSP)*. Fund 569. In. 13. Item 32. (in Russian).
6. CSACSP. Fund 569. In. 11. File 1228. (in Russian).
7. Kozyreva M.G. (1999). Court banker A. Rall. *Germans in Russia. Germans of St. Petersburg*. G.I. Smagina (Ed.). Saint Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 620 p. (in Russian).
8. Ivanova N.I. (2008). *Germans of St. Petersburg province 18th-20th centuries*. Saint Petersburg, Saint Petersburg Institute of Foreign Economic Relations, Economics and Law Press, 204 p. (in Russian).
9. Ulyanov N.P. (1998). Petrischule - the oldest school in St. Petersburg. *Germans and the development of education in Russia*. Saint Petersburg, Russian Academy of Sciences Press, pp. 129-137. (in Russian).
10. Arkhangelskii I.V. (2004). *Annenschule. Through three centuries*. Saint Petersburg, Zvezda Publ., 239 p. (in Russian).
11. Busch M. (1995). *Deutsche in St. Petersburg 1865-1914: Identität und Integration*. 1. Aufl. Essen: Klartext, 288 S.
12. Yukhneva N.V. (1989). Germans in St. Petersburg in the second half of the 19th - early 20th centuries. *Ethnic contact zones in the European part of the USSR*. Moscow, Nauka Publ., Leningrad Branch, p. 85-96. (in Russian).
13. *Guide to charities operating in the city of St. Petersburg*. (1913). Compiled by the City executive commission for charity. Saint Petersburg, City Public Administration, XI, 94, 63 p. (in Russian).
14. *Germans in Russia* (1999). Encyclopedia. In 3 vol. Moscow, ERN Publ., vol. 1, 832 p. (in Russian).
15. Tatsenko T.N. (2007). Hamburg and Evangelical Lutheran Communities of St. Petersburg. *Petersburg - Hamburg. Baltic sister cities*. Saint Petersburg, Evropeyskii dom Publ., 290 p. (in Russian).

УДК 93

doi 10.18522/2687-0770-2020-4-54-58

ФОРМИРОВАНИЕ ДОНСКИХ ДОБРОВОЛЬЧЕСКИХ КАВАЛЕРИЙСКИХ ДИВИЗИЙ В 1941–1942 ГОДАХ ПО ВОСПОМИНАНИЯМ С.И. ГОРШКОВА

© 2020 г. К.М. Васильцов ^{a, b}

^a Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия,

^b Ростовский государственный университет путей сообщения,
Ростов-на-Дону, Россия

THE FORMATION OF THE DON VOLUNTEER CAVALRY DIVISIONS IN 1941-1942 ACCORDING TO THE MEMOIRS OF S.I. GORSHKOV

K.M. Vasil'tsov ^{a, b}

^a Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia,

^b Rostov State Transport University, Rostov-on-Don, Russia

Васильцов Константин Михайлович –
аспирант,
Институт истории
и международных отношений,
Южный федеральный университет,
ул. Б. Садовая, 33, г. Ростов-на-Дону,
344082, Россия;
доцент,
Ростовский государственный университет
путей сообщения,
пл. Ростовского Стрелкового Полка Народного
Ополчения, 2, г. Ростов-на-Дону, 344038, Россия.
E-mail: 89188998055@mail.ru

Konstantin M. Vasil'tsov -
Postgraduate,
Institute of History
and International Relations,
Southern Federal University,
Bolshaya Sadovaya St., 33, Rostov-on-Don,
344082, Russia;
Associate Professor,
Rostov State Transport University,
Rostovskogo Strelkovogo Polka Narodnogo
Opolcheniya Sq., 2, Rostov-on-Don,
344038, Russia
E-mail: 89188998055@mail.ru

Исследуется процесс формирования добровольческих кавалерийских дивизий, которые в дальнейшем составят 5-й гвардейский Донской казачий кавалерийский корпус. В основу положены ранее неопубликованные воспоминания генерал-лейтенанта С.И. Горшкова, которые подвергаются критическому анализу с целью выявления несоответствий или подтверждения реальными документами. Рассматривается участие казаков, вошедших в состав донских добровольческих кавалерийских дивизий. С.И. Горшков акцентирует внимание на героических подвигах казаков, отмечая отдельные эпизоды, связанные с конкретными личностями, указывает хронологию укомплектования, руководящий состав и иные аспекты формирования отдельных кавалерийских дивизий, в состав которых он входил лично.

Результаты изучения проблемы подтверждают, что воспоминания генерал-лейтенанта С.И. Горшкова, впервые вводимые в научный оборот, внесли большой вклад в реконструкции боевого пути 5-го гвардейского Донского казачьего кавалерийского корпуса и отдельных его формирований. Среди воспоминаний С.И. Горшкова до ноября 1942 г. не выявлено несоответствий исторической действительности и фактов намеренно искажающих ее.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, С.И. Горшков, донское казачество, донские добровольческие кавалерийские дивизии, кавалерия, процесс формирования 5-го гвардейского Донского казачьего кавалерийского корпуса.

The article is devoted to the study of the process of formation of volunteer cavalry divisions, which in the future would make up the 5th Guards Don Cossack Cavalry Corps, based on previously unpublished memoirs of Lieutenant General S.I. Gorshkov. Particular attention is paid to the critical analysis of memories in order to identify inconsistencies or confirm memories with real documents. The article discusses the issue related to the Cossacks who became the part of the Don volunteer cavalry divisions. S.I. Gorshkov places great emphasis on the heroic deeds of the Cossacks, noting individual episodes associated with specific personalities. In his memoirs, S.I. Gorshkov indicates the chronology of manning,

the commanding staff and other aspects of the formation of individual cavalry divisions, in which he was personally participated.

As a result of studying the problem, the author came to the conclusion that the memoirs of Lieutenant General S.I. Gorshkov, first introduced into scientific circulation, made a great contribution to the reconstruction of the combat path of the 5th Guards Don Cossack Cavalry Corps and its individual formations. Among the memoirs of S.I. Gorshkov until November 1942, no inconsistencies with historical reality and facts deliberately distorting it were revealed.

Keywords: Great Patriotic War, S.I. Gorshkov, Don Cossacks, Don volunteer cavalry divisions, cavalry, process of forming the 5th Guards Don Cossack Cavalry Corps.

Одна из героических страниц истории Дона связана с созданием и боевыми действиями во время Великой Отечественной войны добровольческих кавалерийских дивизий, позже вошедших в состав 5-го гвардейского Донского казачьего кавалерийского корпуса. История их формирования и боевых действий представлена в работах ряда советских и современных российских историков – Г.Л. Воскобойникова, О.М. Баронова, В.П. Трута [1–3]. Боевые действия в 1942 г. на территории Ставрополя рассматривались в работе А.В. Карташева [4]. Были опубликованы воспоминания ветеранов 5-го гвардейского Донского казачьего корпуса [5, 6].

Несмотря на имеющуюся научную и научно-популярную литературу, а также опубликованные воспоминания, процессы формирования и начала боевого пути донских казачьих дивизий все еще недостаточно изучены. Нам представляется необходимым обращение к неопубликованным воспоминаниям бойцов и командиров корпуса, в частности генерал-лейтенанта С.И. Горшкова (1902–1993).

Сергей Ильич Горшков родился в семье донского казака на хуторе Ольшанка станицы Урюпинской Хоперского округа Области войска Донского. В 1920 г. был призван в ряды Красной Армии и продолжал в ней службу более четверти века. Служил преимущественно в кавалерийских частях. Но начало Великой Отечественной войны встретил в должности командира 206-й стрелковой дивизии на западной границе. Из окружения под Киевом вышел раненым с оружием в руках, после чего был назначен командиром сформированной в Сталинградской (в настоящее время – Волгоградской) области 15-й (позже 11-й гвардейской) Донской кавалерийской казачьей дивизии. Занимал эту должность с ноября 1941 г. по май 1942 г. Затем был заместителем командира 5-го Донского и 4-го Кубанского гвардейских кавалерийских казачьих корпусов. А с мая 1944 г. и до конца войны командовал 5-м Донским гвардейским кавалерийским казачьим корпусом.

В 1979 г. в сборник воспоминаний ветеранов 5-го гвардейского Донского казачьего кавалерий-

ского корпуса была включена статья С.И. Горшкова «За любимую Родину», описывающая краткий боевой путь воинов корпуса с упоминанием только некоторых подвигов казаков [5]. В книге «Донской гвардейский» воспоминания С.И. Горшкова также носят фрагментарный характер [6]. В Центре документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИРО) выявлен более полный текст воспоминаний С.И. Горшкова, датированных 1960 г.

Цель данной статьи – исследование процесса формирования и начала боевого пути донских добровольческих кавалерийских казачьих дивизий, составивших 5-й гвардейский Донской казачий кавалерийский корпус, на основе впервые вводимого в научный оборот архивного материала – воспоминаний одного из его командиров генерала С.И. Горшкова.

С первых дней Великой Отечественной войны в сражениях принимали участие бойцы и командиры 210-й моторизированной дивизии, сформированной незадолго до войны на базе упраздненной, как и многие другие кавалерийские части в связи с механизацией армии, 4-й Донской казачьей кавалерийской дивизии. Героически сражались в это время и части 1-го и 5-го кавалерийских корпусов, в которых проходили службу и донские казаки [7, с. 134].

В своих воспоминаниях С.И. Горшков начало войны описывает следующим образом: «В 1941 году, когда над нашей Родиной нависла серьезная опасность, в станицах и хуторах Ростовской и Сталинградской областей образовались сотни, эскадроны казачьего ополчения... Движение за создание казачьего ополчения приняло массовый характер. 8 июля 1941 года, идя навстречу желаниям трудящихся, бюро Сталинградского обкома ВКП(б) приняло постановление об образовании корпуса народного ополчения. При нем было решено сформировать особое донское казачье кавалерийское соединение» [8, л. 1].

В подтверждение достоверности вышесказанного можно привести постановление «О формировании дополнительных кавалерийских дивизий», которое Государственный комитет обороны

СССР был вынужден принять в связи с большими потерями в Красной Армии 4 июля 1941 г., а также еще ряд директив, согласно которым в кратчайшие сроки было необходимо сформировать и отправить на фронт около 100 кавалерийских дивизий лёгкого типа в среднем по 3000 человек каждая [3, с. 91].

Значимую роль в определении территории формирования и базы людских ресурсов из числа казаков сыграли их военные традиции и патриотизм, что способствовало созданию кавалерийских дивизий в рекордные сроки. Массовое добровольческое движение, характерное для всей территории страны, набирало свои обороты и на юге России. Большое значение в своих воспоминаниях С.И. Горшков уделяет добровольцам из числа казаков, которые по причине возраста (либо преклонного, либо слишком юного), состояния здоровья или наличия брони не были призваны на службу, но посчитали своим долгом встать на защиту родной земли. В опубликованных работах он упоминает, что в добровольное ополчение казаки записывались семьями: И.А. Хомутов и его сыновья Андрей и Александр, К.И. Недорубов и его сын Николай, семья Вышкварцевых [5, с. 3–4], а также П.Р. Дорин, П.С. Бирюков [6, с. 17–18].

В архивных материалах С.И. Горшков пишет более подробно: «Вот Паромон Самсонович Куркин, шестидесятишестилетний казак, красный партизан, участник героической обороны Царицына. Его лично знают товарищи Ворошилов и Щаденко. Известный советский писатель А.Н. Толстой в романе “Хлеб” показал Куркина в образе Курдова. Паромон Самсонович решил в грозные для Родины дни пойти в казачью часть, собрал более сорока бывших красных партизан, коней, седла, пашки и явился со своими земляками в распоряжение нашего командования» [8, л. 1]. В выпуске войсковой газеты «Ударная конница» от 16 октября 1945 г. имеется статья «Казаки Дона в боях за Родину», посвященная героям войны, в том числе и вышеупомянутым казакам [9].

В Сталинградской области в станице Михайловской шло формирование Особой Донской областной казачьей кавалерийской дивизии. Командовал ею сначала полковник Н.Ф. Цепляев, которого осенью сменил полковник С.И. Горшков. В своих воспоминаниях он конкретизирует состав дивизии, указывает хронологию укомплектования штаба и фамилии руководящего состава. О своем появлении в Сталинградской дивизии С.И. Горшков сообщает, что прибыл

туда в ноябре 1941 г. как кадровый командир дивизии, в звании полковника, «...участник гражданской войны, Великой Отечественной войны с первого дня, имеющий ранение» [10, л. 3].

В ноябре 1941 г. Сталинградская дивизия была переведена на положение кадровых частей Красной Армии, переформирована и стала называться Отдельной кавалерийской дивизией. В январе 1942 г. она переименована в 1-ю Донскую казачью кавалерийскую дивизию, а 2 февраля – в 15-ю Донскую казачью кавалерийскую дивизию [3, с. 92]. В это время там же происходило и формирование 116-й донской казачьей кавалерийской дивизии.

В воспоминаниях о переформировании С.И. Горшков пишет: «За декабрь 1941 г., январь и февраль 1942 г. дивизии были переданы в состав регулярных войск Красной Армии, обмундированы и вооружены. Дивизиям были присвоены номера... В марте Донские дивизии были переданы в состав 17-го казачьего кавалерийского корпуса, в который также вошли две Кубанские кавалерийские казачьи дивизии. Командир корпуса был генерал Малеев, которого вскоре заменил генерал Кириченко Николай Яковлевич. Комиссаром корпуса являлся Очкин Александр Петрович» [10, л. 4].

В состав 17-го казачьего кавалерийского корпуса первоначально вошли 10-я, 12-я и 13-я кубанские, 15-я и 116-я донские казачьи кавалерийские дивизии. В дальнейшем 10-я Кубанская кавалерийская дивизия была расформирована, а ее личный состав пошел на доукомплектование других частей и соединений корпуса. В одном из донесений политотдела 116-й дивизии в политуправление Северо-Кавказского военного округа обращалось внимание на процентное соотношение военнослужащих, подавляющее большинство среди которых – казаки, принимавшие участие еще в Гражданской войне [1, с. 84].

С.И. Горшков указывает дальнейшую историю боевого пути: 15-я и 116-я Донские дивизии в апреле 1942 г. выполняли поставленную перед ними задачу охраны побережья Азовского моря и борьбы с десантами противника в случае их выброски. О военных действиях казаков С.И. Горшков говорит: «17-му казачьему корпусу было приказано вступить в бой и прикрыть отход частей Южного фронта. Корпус начал свои действия дерзкими атаками в конном и пешем строю. Первой вступила в бой 15-я Донская кавалерийская дивизия на рубеже Ново-Батайск – х. Задонский. Дивизия, атакуя немцев, овладела Ново-

Батайском, хуторами Победа, Александровка, Задонский. В этих хуторах были перебито около 1000 немецких солдат и офицеров» [10, л. 5].

С.И. Горшков большой акцент делает на героических подвигах казаков, отмечая отдельные эпизоды, связанные с конкретными личностями. Неоднократно упоминается о непобедимости казачьих войск и о благоприятном отношении к ним местного населения. Но С.И. Горшков намеренно старается обойти самые неудачные вехи боевого пути возглавляемых им соединений, касающиеся вынужденных отступлений или проигранных сражений. Упомянув о возвращении казаков в те же самые места через год, он пишет: «...жители утверждали, что после того, как 28 июля казаки ворвались в хутора Задонский, Победа, Александровка, среди немцев началась невиданная паника. После боя немецкие погребальные подразделения целых три дня свозили и хоронили убитых солдат и офицеров» [10, л. 5]. Таким образом, автор подчеркивает высокую эффективность действий казаков, нанеших значительный урон противнику, несмотря на вынужденное отступление.

Следующим важным этапом на пути формирования Донского корпуса становится осложнение положения на Северо-Кавказском фронте в августе 1942 г. «Донские дивизии получили новый приказ – перейти из Липейной через горные перевалы и закрыть немцам путь по туапсинской дороге» [10, л.6].

Согласно Приказу НКО от 27.8.42 г. № 259, казачьи кавалерийские дивизии преобразовываются в гвардейские. 17-й казачий корпус переименован в 4-й гвардейский казачий корпус, 15-я Донская – в 11-ю гвардейскую Донскую казачью дивизию, 116-я Донская – в 12-ю гвардейскую Донскую казачью дивизию. 12-я и 13-я казачьи кавалерийские дивизии стали соответственно 9-й и 10-й гвардейскими Кубанскими. С.И. Горшков пишет о награждении командиров 9-й, 10-й и 11-й гвардейских дивизий. Ему было присвоено звание генерал-майора.

В августе 1942 г. боевые действия начали разворачиваться в непосредственной близости от стратегически важного объекта на территории Кизлярского округа – железной дороги, проложенной вдоль побережья Каспийского моря между Кизляром и Астраханью. К 20 августа 1942 г. для ее охраны и обороны в районе Кизляра была создана группа войск под командованием заместителя командующего 44-й армией (входившей в состав Закавказского фронта) генерал-майора

А.Г. Селиванова. В нее вошли батальон 10-й стрелковой бригады, 17, 18, 20 и 66-й бронепоезда. Здесь же сосредоточились отошедшие остатки 30-й и 110-й кавалерийских дивизий из состава Северо-Кавказского фронта [11, с. 105].

Оперативной директивой Северной группы войск Закавказского фронта № 8 036/ОП от 24 августа 1942 г. командующему 44-й армии ставилась задача силами 110-й кавалерийской дивизии с тремя бронепоездами и не менее чем двумя стрелковыми батальонами сохранить участок железной дороги Кизляр – Астрахань [4, с. 88].

29 октября 1942 г. Донские казачьи дивизии были сменены стрелковыми дивизиями РККА и перебрасывались из Черноморской группы войск Закавказского фронта в Северную группу войск в район г. Кизляр Ставропольского края [10, л. 8–9].

В связи с угрозой перехода немецких войск в наступление на Кизляр в конце октября 1942 г. появляется директива ВГК № 170680 [4, с. 89] о необходимости создания Конной армии. Задача армии должна была заключаться в окружении и уничтожении Моздокской группировки противника. Но директивой ВГК № 170692 от 19 ноября 1942 г. [4, с. 90] было решено Конную армию не создавать, а сформировать из наличных кавалерийских дивизий два корпуса: 4-й гвардейский Кубанский кавалерийский корпус и 5-й гвардейский Донской кавалерийский корпус. По решению Ставки Верховного Главнокомандования от 20 ноября 1942 г. образовывался новый 5-й гвардейский Донской казачий кавалерийский корпус в Северной группе войск Закавказского фронта в районе Кизляра. В состав корпуса вошли 11-я и 12-я гвардейские Донские казачьи кавалерийские дивизии, 63-я кавалерийская дивизия, находившаяся в составе 44-й армии, и отдельные корпусные части. Командиром корпуса был назначен генерал-майор А.Г. Селиванов [3, с. 93].

Таким образом, советское руководство, принимая решения о создании новых кавалерийских соединений, учло особенности казачества, которое на протяжении нескольких столетий славилось воинской доблестью и серьезной воинской подготовкой кавалерии. В то же время в формировании донских казачьих кавалерийских частей положительную роль сыграл патриотизм казачества. Эти соединения создавались из добровольцев, не призванных на военную службу по причине возраста или состояния здоровья.

Воспоминания генерала С.И. Горшкова служат ценным источником для реконструкции обстоятельств формирования и боевого пути 5-го

гвардейского Донского казачьего кавалерийского корпуса. Будучи непосредственным участником данных событий, С.И. Горшков в своих воспоминаниях приводит немало интересных подробностей, дополняющих их картину. Но к анализу его воспоминаний, как и любых других источников личного происхождения, необходимо подходить критически, так как в каждом из них прослеживается субъективная позиция автора. В тексте воспоминаний С.И. Горшкова также имеются некоторые «фигуры умолчания». При описании военных действий основной упор делался на героизм и мужество казаков, и намеренно опускались моменты их отхода и оставления населенных пунктов. Отступлению и военным неудачам не уделялось достаточно внимания. Подобная интерпретационная модель была в целом характерна для мемуаров и исследований советского времени, в значительной степени испытывавших воздействие цензуры. В результате воспоминания С.И. Горшкова можно рассматривать и как источник, характеризующий особенности интерпретации боевого пути 5-го гвардейского Донского казачьего кавалерийского корпуса в советскую эпоху.

Литература

1. *Воскобойников Г.Л.* Казачество и кавалерия в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Ростов н/Д. : Терра, 2007. 287 с.
2. *Баронов О.М.* Балатонская оборонительная операция. М. : Экспрент, 2001. 115 с.
3. *Трут В.П.* Особенности формирования казачьих частей в период Великой Отечественной войны // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2010. № 3. С. 90–94.
4. *Карташев А.В.* Пятый гвардейский Донской кавалерийский корпус в боях за освобождение Ставрополя в конце ноября – декабре 1942 года // Гуманитарные и юридические исследования. Исторические науки и археология. 2018. № 3. С. 87–97.
5. *Горшков С.И.* За любимую Родину // Пятый Донской. Воспоминания ветеранов 5-го гвардейского Донского казачьего кавалерийского корпуса. Ростов н/Д. : Ростиздат, 1979. 160 с.

6. *Горшков С.И., Овчаренко И.В.* Донской гвардейский. Ростов н/Д. : Ростиздат, 1985. 159 с.
7. *Воскобойников Г.Л., Прилепский Д.К.* Казачество и социализм. Ростов н/Д. : Ростиздат, 1986. 160 с.
8. Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). Ф. Р-3. Оп. 3. Д. 27.
9. Ударная конница. 1945. № 127. 16 окт.
10. ЦДНИРО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 26.
11. *Гречко А. А.* Битва за Кавказ. М. : Воениздат, 1967. 424 с.

References

1. Voskoboinikov G.L. (2007). *Cossacks and cavalry during the Great Patriotic War 1941-1945*. Rostov-on-Don, Terra Publ., 287 p. (in Russian).
2. Baronov O.M. (2001). *Balaton defensive operation*. Moscow, Eksprint Publ., 115 p. (in Russian).
3. Trut V.P. (2010). Features of the formation of Cossack units during the Great Patriotic War. *Izv. vuzov. Severo-Kavkazskii region. Obshchestvennyye nauki (Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science)*, No. 3, pp. 90-94. (in Russian).
4. Kartashev A.V. (2018). Fifth Guards Don Cavalry Corps in the battles for the liberation of Stavropol at the end of November - December, 1942. *Gumanitarnyye i yuridicheskie issledovaniya. Istoricheskie nauki i arkhologiya*, No. 3, pp. 87-97. (in Russian).
5. Gorshkov S.I. (1979). For the beloved Motherland. *Fifth Dons. Memoirs of veterans of the 5th Guards Don Cossack Cavalry Corps*. Rostov-on-Don, Rostizdat Publ., 160 p. (in Russian).
6. Gorshkov S.I., Ovcharenko I.V. (1985). *Don Guards*. Rostov-on-Don, Rostizdat Publ., 159 p. (in Russian).
7. Voskoboinikov G.L., Prilepsky D.K. (1986). *Cossacks and socialism*. Rostov-on-Don, Rostizdat Publ., 160 p. (in Russian).
8. *Center of Documentation of the Contemporary History of the Rostov Region (CDNHRO)*. Fund R-3. In. 3. File 27. (in Russian).
9. *Udarnaya konnitsa*. (1945), No. 127, October 16. (in Russian).
10. *CDNHRO*. Fund 3. In. 3. File 26. (in Russian).
11. Grechko A. A. (1967). *Battle for the Caucasus*. Moscow, Voenizdat Publ., 424 p. (in Russian).

УДК 94
doi 10.18522/2687-0770-2020-4-59-63

ПАНЭЛЛИНСКАЯ ПРОГРАММА ИМПЕРАТОРА АДРИАНА

© 2020 г. Г.Д. Габарашвили ^а

^а Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

PANHELLENIC PROGRAM OF HADRIAN

G.D. Gabarashvili ^а

^а Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Габарашвили Георгий Давидович –
аспирант,
Институт истории
и международных отношений,
Южный федеральный университет,
ул. Б. Садовая, 33, г. Ростов-на-Дону,
344082, Россия.
E-mail: george.g.sfu@yandex.ru

Georgiy D. Gabarashvili -
Postgraduate,
Institute of History
and International Relations,
Southern Federal University,
Bolshaya Sadovaya St., 33, Rostov-on-Don,
344082, Russia.
E-mail: george.g.sfu@yandex.ru

Рассматривается панэллинский проект римского императора Адриана (117–138 гг. н.э.) по объединению греческих полисов в единую организацию. Отмечается, что в основе политики Адриана лежала романтизированная идея возрождения классической греческой традиции. В частности, идеалом нового союза выступали Афины, Спарта, Коринф и другие города материковой Греции, сохранившие до II в. основы своей полисной организации и самоуправления. Предполагается, что союз не являлся общегреческим, так как не затрагивал эллинистические города, основанные после походов Александра Македонского. Кроме того, рассматриваются негативные проявления филэллинской политики Адриана, которые наблюдаются в крупном Иудейском восстании, вызванном принудительной эллинизацией восточных провинций империи. Для полноценного анализа вопроса привлечены работы зарубежных исследователей.

Ключевые слова: Адриан, Рим, полисы, эллинизм, Панэллений.

The Panhellenic project of the Roman Emperor Hadrian (117-138 AD) to unite the Greek Polis into a single organization is considered. It is noted that Hadrian's policy was based on the romanticized idea of reviving the classical Greek tradition. In particular, the ideal of the new Union was Athens, Sparta, Corinth, and other cities of mainland Greece, which preserved the foundations of their Polis organization and self-government until the second century. It is assumed that the Union was not all-Greek, since it did not affect the Hellenistic cities founded after the campaigns of Alexander the Great. In addition, the article examines the negative manifestations of Hadrian's Philhellenic policy, which are observed in a major Jewish revolt caused by the forced Hellenization of the Eastern provinces of the Empire. The works of foreign researchers are involved for the full analysis of the issue.

Keywords: Hadrian, Rome, polises, Hellenism, Panhellenion.

Император Адриан вошел в историю как филэллин. Одной из важнейших его идей была реализация панэллинского проекта, который заключался ни много ни мало в объединении всего греческого мира. Т. Моммзен так писал о деяниях императора в Греции: «Адриан, который создал новые Афины, создал и новую Элладу. В его правление представителям всех, как автономных, так и неавтономных, городов провинции Ахайи было разрешено создать в Афинах союз объединенной Греции – Панэллений. Так было создано национальное объединение, о котором греки так

часто мечтали в лучшие времена своей истории» [1, с. 164].

Стоит отметить, что ещё с детских лет Адриана отличало трепетное отношение к греческой культуре. Уже в ранние годы он предпочитал греческую литературу латинской [2, р. 16]. В «Извлечениях» Аврелия Виктора говорится, что за пристрастие ко всему греческому римляне называли Адриана греком в насмешливой форме этого слова – «грекулус» [3, с. 100]. Будучи знатоком греческой литературы, он хорошо усвоил вкусы и обычаи афи-

нян, говорил по-гречески, как афинянин, умел петь, играть на кифаре, знал медицину, был живописцем и скульптором [4, с. 68].

Адриан не был первым римским императором, проявившим себя филэллин. На протяжении столетий большинство представителей правящей элиты были двуязычны и говорили как на латыни, так и греческом языке. Например, император Домициан, устраивая праздники, председательствовал на них в греческой одежде, и кроме того он даже согласился заочно занять пост архонта в Афинах [2, р. 17]. Несомненно, культурная традиция эпохи повлияла на Адриана в его дальнейшей политике возрождения Эллады.

Адриан пытался найти некий символический центр для будущего панэллинского объединения. По-видимому, первоначально этим центром должна была стать Дельфийская амфикиония. В своем письме к дельфийцам он рекомендовал изменить состав членов амфикионии, предлагая ввести спартанцев, «чтобы синедрион [совет] был общим синедрионом всех эллинов» [2, р. 219]. Дельфы имели сакральное значение в греческом мире и идеально подходили на роль символа объединенной Эллады. Но этот план так и не был осуществлен, возможно, из-за сопротивления спартанцев.

Несмотря на неудачу, Адриан в 132 г. был готов осуществить новый и гораздо более амбициозный план. В конце концов «синедрион всех эллинов» в Дельфах, даже если бы он был создан, стал бы всего лишь собранием эллинов одной только материковой Греции. Однако эллины проживали далеко за ее пределами. Очевидно, во время своего второго пребывания в Греции в 128 г. Адриан разработал новую программу. Он хотел создать эллинское содружество, которое включало бы в себя все те полисы, которые могли бы доказать свое подлинное эллинское происхождение. Этим объединением должен был стать так называемый Панэлленион, объединение всех эллинов с центром в Афинах [5, р. 43]. В качестве фундамента для панэллинского проекта должен был выступить заверченный при Адриане храм Зевса Олимпийского.

В отличие от любой предыдущей греческой лиги, эта должна была включать в себя все греческие города, основанные до эпохи Александра [5, р. 43]. Принятие в Панэлленион должно было осуществляться после тщательного изучения эллинского происхождения города, который должен был соответствовать классической полисной традиции.

Важно отметить, что успешные заявки на членство включали мифологизированные или сфабрикованные заявления о греческом происхождении и подтверждения лояльности императору, чтобы удовлетворить личные, идеализированные представления Адриана об эллинизме. Адриан видел себя защитником греческой культуры и «свобод» Греции, в данном случае полисного самоуправления. Это позволило Адриану представляться в качестве наследника Перикла, который якобы созвал предыдущий панэллинский конгресс, но интересно, что о таком конгрессе намекает только Плутарх в биографии Перикла [6, р. 76].

Возможно, главный недостаток проекта Адриана крылся в его представлениях об эллинизме, которые были довольно архаичны, что и проявлялось в выработанных критериях для принятия полисов в союз. Он определял эллинизм в понятиях классической эпохи, а не более широкой эллинистической культуры. Однако некоторые города с сомнительными претензиями на греческое происхождение, например Сиде, были признаны полностью эллинскими [7, р. 462]. Важным является то, что Адриан не пытался преуспеть там, где потерпел неудачу Александр: его панэллинский союз не имел ничего общего с военным альянсом последнего. В этом заключалось различие между двумя вариантами объединения греков: в одном случае направленного против врага-варвара, в другом – объединяющего эллинов в рамках административной системы Римской империи [8, с. 24].

Скорее всего города были заинтересованы во вхождении в панэллинский союз по причине приобретения определенных привилегий. Например, Афины получали широкие дотации. Как указывает Дион Кассий [Dio LXIX], Адриан передал в дар афинянам большие суммы денег, годовой запас хлеба и весь остров Кефаллению. Особые почести были оказаны Кизику, которые заключались в возобновлении работы над храмом, начатые царем Атталом Пергамским сотни лет назад, предоставив городу статус неοκοροί, т. е. одного из провинциальных центров императорского культа [5, р. 35]. Кизик, очевидно, приобрел и другие знаки императорской милости. Город получил название «Адриан» и начал спортивные состязания под названием «Адриания». Соседние города Аполлония и Милетополь также получили привилегии от Адриана, по крайней мере оба называли его «спасителем и основателем» [2, р. 164]. Для благоустройства Смирны

Адриан отпустил не меньше 1 000 000 драхм [9, с. 42]. Этот город был назначен еще одним центром императорского культа. Такая экономическая и культурная поддержка со стороны Адриана могла привлекать другие города искать пути вступления в союз и добиться получения милостей со стороны императора.

Для созыва первой ассамблеи Панэллиниона потребовалось несколько лет интенсивной подготовительной работы. Необходимо было составить списки подходящих или потенциально подходящих полисов, которых насчитывалось сотни на Востоке империи и далеко за ее пределами.

Весной 132 г. Адриан отпраздновал освящение храма Зевса Олимпийского, которое так долго откладывалось, и открыл Панэллинион. Адриан создал организацию, объединившую все города, которые могли правдоподобно доказать свое греческое происхождение [8, с. 214]. Афины должны были стать центром новой возрожденной Эллады. Император намеревался преобразовать афинский строй и местное законодательство, улучшить образовательные учреждения Афин. Все это тесно соприкасалось с заботами императора о философских и риторических школах города. Павсаний указывал [Paus. I. 3], что щедрость императора Адриана к своим подданным была дарована больше всего Афинам.

Важной функцией Панэллинионского союза являлось проведение игр и соревнований между греческими городами [8, с. 214]. Немецкий социолог Г. Зиммель отмечал, что Панэллинион был основан на «...играх, поминаниях, сохранении идеала, совершенно неполитическом эллинизме» [10, р. 288]. В Афинах планировалось проведение новых Олимпийских и Панафинейских игр. Кроме того, возможно только после смерти Адриана был учрежден праздник Адриании. Таким образом, Афины фактически должны были ежегодно устраивать большой фестиваль, гарантируя постоянный приток участников – не только спортсменов, но и поэтов, музыкантов, ораторов и зрителей со всего эллинского мира.

Панэллинионскую политику Адриан проводил не только в самой Греции, но и в Египте. В частности, на месте гибели Антиноя, возлюбленного императора, спустя всего несколько дней после этого события, Адриан основал новый город – Антинополь. Город развивался одновременно и как важный порт, и как центр эллинизации Египта [8, с. 214]. В качестве примера для устройства нового города Адриан выбрал Навкратис, а не Птолемаиду или Александрию. Большой город

был бы неподходящим образцом, ибо римские завоеватели лишили его важнейшей черты полиса – собрания (буле) [2, р. 253].

Важным является, то, что антиноитам было предоставлено право смешанных браков с коренными египтянами, эгипгамия, которой не пользовались жители Навкратиса. Это означало, что негры могли стать гражданами нового полиса и таким образом получить эти привилегии. Возможно, что Адриан рассматривал это как средство распространения эллинизма или, иначе говоря, что он не рассматривал эллинскую идентичность при отсутствии этнической основы [5, р. 46]. Тем самым Антинополь представлялся как идеальный город Адриана, созданный по образу классического греческого полиса.

Несмотря на очевидные преимущества нововведений императора для римского государства и греческих полисов, существовали и отрицательные последствия филэллинизма Адриана. В частности, в Сирии греческая и еврейская общины пользовались особыми привилегиями при римском правлении, но у них также была давняя взаимная неприязнь, которая проявлялась всякий раз, когда они были вынуждены жить вместе. Адриан поддержал греческую сторону. В своем эдикте император категорически запретил обрезание, тем самым объявив вне закона важную часть иудейской ритуальной практики. Он также решил восстановить Иерусалим, разрушенный Веспасианом и Титом, как римскую колонию, поместив храм Юпитера Капитолийского на том месте, где когда-то стоял Иерусалимский храм [5, р. 44].

Возможно, в какой-то степени на образ мыслей Адриана оказал влияние Антиох IV Эпифан. Важное обстоятельство, связанное с Антиохом, проявилось в иудейской политике, спровоцировавшей восстание Маккавеев. Правитель державы Селевкидов, так же как и Адриан, пропагандировал культ Зевса Олимпийского и проводил эллинизацию населения. Учитывая сколько времени Адриан провел в Антиохии, у него должно было быть достаточно возможностей узнать об идеях селевкидского правителя и его политике в этом регионе.

Политическая и стратегическая составляющая приверженности Адриана к эллинам заключалась в том, что грекоязычные провинции действовали как лояльный очаг империи в среде восточных военных и конфликтных зон [11, с. 70]. Важно отметить, что, несмотря на активную деятельность в восточных провинциях, Адриан не стре-

мился к смещению центра политической власти в другую часть империи [12, s. 237]. Но если не рассматривать конфликты, связанные с иудейской общиной, филэллинские преобразования Адриана принесли немалые выгоды греческим полисам. Эллы получили большие права и свободы. Греки появились в государственных учреждениях, особенно в восточных провинциях. Адриан, очевидно, был первым, кто сумел убедить греков войти в Сенат; и при нем греки впервые стали управлять провинциями на латинском Западе [13, p. 209–245]. В это время Клавдий Атик, афинянин, который был одним из самых влиятельных людей в мире, получил звание экстретора и через несколько лет должен был стать консулом. Его спартанский коллега Юлий Еврикл Геркулан начинал как квестор в своей родной провинции Ахайя, а затем стал народным трибуном и претором в Риме [5, p. 43].

Политика императора вызывала уважение к нему со стороны греков. На Востоке императорский культ был глубоко укоренен в местных традициях, где Адриан являлся самым популярным из императоров и чтился как Новый Дионис [8, с. 221]. Кроме того, афиняне поблагодарили Адриана за его благосклонность, отметив первое пребывание императора в Афинах как начало новой эпохи [14, s. 130]. В его честь были построены ворота Адриана в 131 г. Надписи, прикрепленные к обоим столбам врат, с одной стороны, указывали на Тесея в качестве героя-основателя Афин, с другой – на Адриана как основателя нового города [15, s. 631; 16, s. 78].

Важно подчеркнуть, что Адриан восстанавливал именно классический эллинский мир с присутствующими ему традициями праздников, мифов, полисного строя, а не эллинистический с элементами восточной монархии.

Возникает вопрос о причинах осуществления Адрианом панэллинского проекта. Едва ли можно говорить об экономических целях проекта, скорее всего в основе политики Адриана лежали идеалистические и романтизированные представления о классической Греции. Еще раз необходимо подчеркнуть, что Адриан с детства испытывал влияние греческой культурной традиции, изучаемой им через историю, эпос и философию. Вероятно, что император еще больше вдохновился на осуществление своей панэллинской программы после путешествий на Восток, где он смог наблюдать за все еще процветающими греческими полисами, сохранившими до II в. основы своих древних традиций.

Литература

1. Моммзен Т. История Рима. Ростов н/Д.: Феникс, 1997. Т. 4. 640 с.
2. Birley A.R. Hadrian. The Restless Emperor. L., 2000. 399 p.
3. Грант М. Римские императоры. Библиографический справочник правителей Римской империи 31 г. до н. э. – 476 г. н.э. / пер. с англ. М. Гитт. М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 1998. 400 с.
4. Дыдынский Ф. М. Император Адриан. Варшава, 1896. 266 с.
5. Kulikowski M. Imperial Triumph. The Roman World from Hadrian to Constantine. L., 2016. 328 p.
6. Fernando A. Marín Valdés, Plutarco y el arte de la Atenas hegemónica. Universidad de Oviedo, 2008. 372 p.
7. Domingo Plácido Suárez. La construcción ideológica de la ciudadanía: identidades culturales y sociedad en el mundo griego antiguo. Madrid: Editorial Complutense, 2006. 490 p.
8. Ханиотис А. Эпоха завоеваний: греческий мир от Александра до Адриана (336 г. до н.э. – 138 г. н.э.): пер. с англ. М.: Альпина нон-фикшн, 2020. 680 с.
9. Ранович А. Восточные провинции Римской империи в I – III вв. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 263 с.
10. Simmel G. Sociology: Inquiries into the Construction of Social Forms. Leiden: Brill, 2009. 692 p.
11. Opper T. Hadrian: Machtmensch und Mäzen. Darmstadt, 2009. 256 p.
12. Mortensen S. Hadrian. Eine Deutungsgeschichte. Habelt, Bonn, 2004. 376 s.
13. Birley A.R. Hadrian and Greek Senators // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. Bd. 116. 1997. S. 209–245.
14. Zahrnt M. Hadrian // Manfred Clauss (Hrsg.): Die römischen Kaiser. 55 historische Portraits von Caesar bis Justinian. 4., aktualisierte Aufl., München, 2010. 301 s.
15. Fündling J. Kommentar zur Vita Hadriani der Historia Augusta (= Antiquitas. Reihe 4: Beiträge zur Historia-Augusta-Forschung, Serie 3: Kommentare, Bände 4.1 und 4.2). Habelt, Bonn, 2006. 1230 s.
16. Knell H. Des Kaisers neue Bauten. Hadrians Architektur in Rom, Athen und Tivoli. Zabern, Mainz, 2008. 119 s.

References

1. Mommsen T. (1997). *History of Rome*. Rostov-on-Don, Feniks Publ., vol. 4, 640 p. (in Russian).

2. Birley A.R. (2000). *Hadrian. The Restless Emperor*. London, 399 p.
3. Grant M. (1998). *The Roman Emperors: A Biographical Guide to the Rulers of Imperial Rome 31 B.C. - A.D. 476*. Tr. from Engl. by M. Gitt. Moscow, TERRA - Knizhnyi klub Publ., 400 p. (in Russian).
4. Dydzinski T. (1896). *Emperor Hadrian*. Warsaw, 266 p. (in Russian).
5. Kulikowski M. (2016). *Imperial Triumph. The Roman World from Hadrian to Constantine*. London, 328 p.
6. Fernando A. (2008). *Marín Valdés, Plutarco y el arte de la Atenas hegemónica*. Universidad de Oviedo, 372 p.
7. Domingo Plácido Suárez. (2006). *La construcción ideológica de la ciudadanía: identidades culturales y sociedad en el mundo griego antiguo*. Madrid, Editorial Complutense, 490 p.
8. Chaniotis A. (2020). *The age of conquest: the Greek world from Alexander to Hadrian (336 BC - 138 AD)*. Tr. from Engl. Moscow, Al'pina non-fikshn Publ., 680 p. (in Russian).
9. Ranovich A. (1949). *Eastern provinces of the Roman Empire in the 1st - 3th centuries*. Moscow, Leningrad, AS SSSR Press, 263 p. (in Russian).
10. Simmel G. (2009). *Sociology: Inquiries into the Construction of Social Forms*. Leiden, Brill, 692 p.
11. Opper T. (2009). *Hadrian: Machtmensch und Mäzen*. Darmstadt, 256 s.
12. Mortensen S. (2004). *Hadrian. Eine Deutungsgeschichte*. Habelt, Bonn, 376 s.
13. Birley A.R. (1997). Hadrian and Greek Senators. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*, Bd. 116, S. 209-245.
14. Zahmt M. (2010). Hadrian. Manfred Clauss (Hrsg.): *Die römischen Kaiser. 55 historische Portraits von Caesar bis Iustinian*. 4., aktualisierte Aufl., München, 301 s.
15. Fündling J. (2006). *Kommentar zur Vita Hadriani der Historia Augusta* (= Antiquitas. Reihe 4: Beiträge zur Historia-Augusta-Forschung, Serie 3: Kommentare, Bände 4.1 und 4.2). Habelt, Bonn, 1230 s.
16. Knell H. (2008). *Des Kaisers neue Bauten. Hadrians Architektur in Rom, Athen und Tivoli*. Zabern, Mainz, 119 s.

Поступила в редакцию / Received

2 ноября 2020 г. / November 2, 2020

УДК 93

doi 10.18522/2687-0770-2020-4-64-69

ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ 70-Х ГОДОВ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА В ОТНОШЕНИИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ДАГЕСТАНСКИХ ЛЕСОВ И ЛЕСНОЙ ПРОДУКЦИИ

© 2020 г. В.П. Егорова ^а

^а Дагестанский государственный университет, Махачкала, Россия

POLICY OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE 70s OF THE 19th - EARLY 20th CENTURY REGARDING THE USE OF DAGESTANI FORESTS AND FOREST PRODUCTS

V.P. Egorova ^а

^а Dagestan State University, Makhachkala, Russia

Егорова Валентина Павловна –
кандидат исторических наук, доцент,
кафедра истории России,
Дагестанский государственный университет,
ул. Коркмасова, 8, г. Махачкала,
Республика Дагестан, 367000, Россия.
E-mail: egorova1406@mail.ru

Valentina P. Egorova -
Candidate of History, Associate Professor,
Department of Russian History,
Dagestan State University,
Korkmasova Str., 8, Makhachkala,
Republic of Dagestan, 367000, Russia.
E-mail: egorova1406@mail.ru

Рассматриваются причины кризиса лесного хозяйства Дагестана в 70–80-е гг. XIX в. и его отрицательное влияние на дальнейшее развитие. Анализируются материалы газеты «Кавказ» о фактическом состоянии лесных угодий Дагестана и Циркуляр военного губернатора Дагестанской области 1890 г. Отражаются данные из доклада лесного ревизора Л.П. Портанского начала XX в. о реальном состоянии лесного хозяйства Дагестана и делается вывод о необходимости создания государственной системы охраны и сбережения лесов.

Ключевые слова: лесное хозяйство, Дагестан, лесная продукция, лесной рынок, топливные проблемы, Кавказская война, Циркуляр 1890 г.

The article describes the causes of the forestry crisis in Dagestan in the 70-80s of the 19th century and its negative impact on the further development. The materials of the newspaper "Kavkaz" on the actual state of forest lands in Dagestan and the Circular of the military governor of the Dagestan region of 1890 are analyzed. The data from the report of the forest inspector L.P. Portansky in the beginning of the 20th century on the real state of forestry in Dagestan and the conclusion about the need to create a state system for the protection and conservation of forests are considered.

Keywords: forestry, Dagestan, forest products, forest market, fuel problems, Caucasian war, Circular of 1890.

В свое время М.-З.О. Османов, говоря о факторах, повлиявших на развитие архитектуры, четко определил причины и последствия политики российских властей XIX в. в отношении лесных массивов Дагестана. «Вырубка лесов на топливо, для строительных целей и для освобождения участков под пахоту и покосы в XIX в., – писал он, – принимает по военно-стратегическим соображениям характер планомерного уничтожения леса» [1, с. 298]. Он пришел к выводу, что именно военная политика России к середине XIX в. привела к «планомерному уничтожению леса», к превращению Дагестана «в горно-

пустынную зону с ничтожными островками кое-где сохранившихся лесов» [1, с. 298].

Этому также способствовал вывоз леса и его «продуктов» из Дагестана. В 1854 г. из Дербента в значительных размерах были вывезены ореховое дерево, поступавшее сюда из Табасарана и Кюры, а также дубовые доски, привозимые «с берегов Самура» [2, с. 180].

В 70-е гг. XIX в. российская политика конкретно проявилась в кризисе всего лесного хозяйства Дагестана. В этом плане весьма показателен следующий факт. В 1871 г. общество селения Канхидатль Андийского округа обрати-

лось к императору с просьбой о разрешении пользоваться принадлежавшим ему лесом, который был у него отнят во времена Шамиля. В ответ на эту просьбу местное начальство разъяснило, что канхидатлинцы получали эти участки «разновременно» и за короткий срок он весь на отведенных местах был ими вырублен. Оно также выразило опасение, что при такой ситуации этот лес «может совершенно истощиться». После этого разъяснения главнокомандующий Кавказской армией на данное прошение наложил вполне обоснованно такую резолюцию: «Полагал бы отказать» [3, с. 275].

Озабоченность критическим положением дагестанских лесов и отрицательным отношением к вывозу его материалов вызвала у общественности соответствующую реакцию, нашедшую отражение в периодической печати. Ее анализ показал, что в 1872 г. значительную активность проявил Дербентский лесной рынок. На нем было продано 2213 штук ореховых брусьев размером 7 аршин длины и 10 вершков толщины, а также орехового топлива – 33 108 пудов и орехового зерна – 43 435 пудов. Из Дербента также было вывезено в город Баку 6000 ореховых оброчей, набиваемых на бочки, на нефтяной завод, а также 200 тысяч ореховых лож на Тульский оружейный завод [4]. Всего же в этом году из леса Южного Дагестана было заготовлено лесоматериалов на сумму 39 000 руб. [4]. При этом корреспондент считал, что «цифра прибыли от леса» Южного Дагестана была бы выше вдвое, если бы взяли «в расчет потребность горожан и госпиталя в топливе, поделочном и строевом материале, на вырубку таркалов».

Эти сведения в следующем номере «Кавказа» были уточнены и дополнены другим корреспондентом, подписавшимся литерами «В.К.». Он подтвердил, что главными и почти единственными продуктами продажи, «отправляемыми из Дербента», являлись брусья, доски для лож, наплыв и зерно. Им замечено, что эта продукция поставлялась не только из Южного Дагестана, а чаще всего шла из Кубинского уезда, «который изобилует ореховым деревом». Поэтому в газете было обращено внимание на специфику условий, в которых там росли ореховые деревья, подчеркнута, что в этом уезде «почти каждое дерево имело хозяина или принадлежало обществу на правах собственности».

В газете также сообщалось, что для краповой фабрики Колосовского «правительство отвело 8 квадратных верст» из казенного леса в Южном

Дагестане и «12 верст из Зейхурского казенного леса в Кубинском уезде». За пользование последним он должен был в Кубинское лесничество платить ежегодно по 700 руб. Поскольку топливо и уголь, хотя и добывались из дербентских лесов, за них также надо было платить, так как они принадлежали частным лицам [5].

В 1873 г. в «Кавказ» из Южного Дагестана писали, что под названием лесов Южного Дагестана известно было 14 урочищ, лесная площадь которых составляла 47 тыс. квадратных верст. До 1872 г. отсюда ежегодно вывозилось 38 000 пудов орехового наплыва, 4000 пудов орехового дерева, 39 000 пудов орехового зерна, 270 000 оброчей, 1300 квадратных сажень дров [6]. Из этой статистики видно, что ежегодный вывоз только орехового дерева и его продуктов из Южного Дагестана составлял 1320,3 т.

Вопрос о вывозе из Дагестана леса и его продуктов не утратил своей значимости и в 80-е гг. XIX в. Так, в 1881 г. корреспондент «Кавказа» в заметке о Дешлагаре сетовал на то, что это село в то время, как и раньше, было богато «ореховым деревом и наплывом», но этим богатством распоряжались иностранцы, которые его вывозили за границу. За это корреспондент упрекал «ответственных людей» Дешлагара, очевидно сельскую администрацию, в их «неумении и неподвижности» [7].

Критическое состояние лесов в Дагестане в 70–80-х гг. XIX в. и неутешительные перспективы, связанные с его улучшением, также нашли отражение в периодике.

Летом 1889 г. один анонимный автор заметки в газету «Кавказ» писал о введении нового способа отопления нефтью, разработанного майором Ротчевым. Ратуя за него, он критически оценил ситуацию, связанную с состоянием дагестанских лесных богатств: «Едва ли уничтожение лесов заметно где-либо так, как у нас в Дагестанской области», где «не так давно» «громадные площади занимали непроходимые леса». Он сравнивал стоимость дров в «недалеком прошлом» и в «настоящем». Если в прошлом арба хороших дров стоила не более 30–40 коп., а сажень – 3–4 руб., то в 1880 г., по его словам, «на месте дремучих лесов видим жалкий кустарник, и сажень плохих дров в Шуре стоит minimum 25 руб.». В связи с таким положением он не без основания так выразил свою тревогу о будущем лесного потенциала Дагестана: «С уверенностью можно сказать, что че-

рез 3–4, много 5 лет, все уцелевшие еще леса будут истреблены окончательно» [8].

Проблемы, связанные с обеспечением населения Дагестана и военных формирований топливом, сохраняли свою злободневность и после Кавказской войны. Об этом в своих корреспонденциях в «Кавказ» писал И.С. Костемеровский. В одной из них он описал ситуацию, сложившуюся к концу войны в Темир-Хан-Шуре. Здесь, если судить по его статистическим выкладкам, было 72 офицерских и 345 солдатских домов, что более чем в 3 раза превышало количество домов торгового сословия (117). Число проживавших военных (5000 человек) было в 2 с лишним раза больше количества «оседлых» жителей города. Этот цифровой материал показывает, что основная часть жителей Темир-Хан-Шуры в то время состояла из семей военнослужащих, которые обеспечивались топливом [9].

Обеспечение населения Дагестана и находившихся в нем российских военных формирований топливом сохраняло свою злободневность и после Кавказской войны. В 1878 г. Костемеровский свою корреспонденцию посвятил внедрению в Дагестане нефти в качестве отопительного средства [10]. Причины такого решения он видел в том, что в Дагестане «прикаспийские пространства» представляли «безлесные степи или голые скалы», сделав оговорку, что там еще находились «значительные лесные полосы». В этой связи он затронул проблему о топливе, аргументировав ее тем фактом, что вывоз дров «через горы и буераки» был чрезвычайно затруднен.

Говоря о последствиях такого положения, он писал, что во время восстания 1877 г. Дербент зимой «долго оставался без полена дров». А в тех местах, где они были, одна арба их или воз стоили от 1-го рубля до 7-ми. Даже для российских войск, находившихся в Хунзахе, Гунибе, Карадахе, сажень дров стоила от 45 до 50 руб. [10].

Отсутствие лесов в районе расположения российских военных формирований в годы Кавказской войны в Среднем и Западном Дагестане зачастую создавало проблемы по снабжению их «местных гарнизонов» топливом. Выход был найден в результате открытия горными инженерами горючего сланца в Гунибском округе и торфа в Аварии. Поскольку ежегодная добыча сланца здесь достигала до 100 тысяч пудов, а залежи торфа были «неиссякаемы», российские войска в Гунибском и Аварском округах были обеспечены дешевым топливом, так как сажень

дров в них стоила 55 руб., а «горючих материалов» – около 10 руб. При этом, как утверждал М. Алиханов, «казна тут достигала и другую весьма важную цель, – сбережение лесов» [11, с. 106–107]. Но во время своего путешествия, состоявшегося в конце XIX в., на этом месте он увидел «одно запустение» и узнал от горцев, что «добыча сланца и торфа в то время была уже брошена в горах», что снова «началось истребление лесов к большой выгоде разных подрядчиков, поставляющих дрова войскам чуть ли не на вес золота» [11, с. 107].

Кризис 70–80-х гг. XIX в. послужил причиной более суровых мер российских властей в плане решения лесных проблем в следующее десятилетие. Тема сохранения лесов в Дагестане к концу XIX в. стала настолько актуальной и острой, что областная администрация в лице губернатора князя Чавчавадзе 26 июня 1890 г. подготовила и направила начальникам округов «впредь до особого порядка пользования общественными лесами» специальный циркуляр. В нем для обязательного исполнения местной администрации были даны следующие распоряжения. Охрана общественных лесов поручалась самим сельским обществам. Именно они должны были назначать «благонадежных лесных сторожей» для охраны лесов, которые содержались бы за их счет. Жителям сел разрешалось бесплатно «пользоваться лесом для своих домашних потребностей», но с условием, «чтобы отпуск леса производился по приговорам сельских обществ и в том количестве, какое возможно по состоянию леса, чтобы чрезмерною рубкою не привести общественные леса в истощение». Лес можно было продавать, но только по общественным приговорам и при неременном условии, «чтобы состояние лесов это позволяло делать». Рубка строевого леса в большом количестве на продажу и для домашних нужд без приговора сельского схода запрещалась [12, л. 11].

В циркуляре губернатор просил окружных начальников особенно «озаботиться» тем, «чтобы леса не подвергались хищническому истреблению», и требовал объяснить жителям округов, что всё их «благосостояние заключается в сбережении лесов». Он предупреждал, что «неблагоразумное отношение к лесу» ограничивает сельские общества в правах пользования им [12, л. 11–12].

Из содержания циркуляра видно, что в нем все было детально продумано. В его рубриках выражена практическая озабоченность губерна-

тора проблемами, связанными с сохранением и развитием общественных лесных угодий Дагестана в начале 90-х гг. XIX в.

О фактическом состоянии лесов Дагестанской области в конце XIX – начале XX в. речь идет в «извлечениях из доклада лесного ревизора Л.П. Портанского начальнику управления земледелия и государственных имуществ Бакинской губернии и Дагестанской области». Если судить по этому докладу, в то время в Дагестане все казенные леса и земли были разделены между четырьмя лесничествами, во главе которых стояли лесничие – специально назначаемые служащие. Конкретно эта структура выглядела следующим образом.

Гунибское лесничество осуществляло надзор за землями и лесами Гунибского и Казикумухского округов площадью в 610 250 десятин. В распоряжении Дербентского лесничества были Кайтаго-Табасаранский и часть Кюринского округа, его площадь составляла 260 253 десятин. Кюринское лесничество осуществляло контроль за большей частью Кюринского и всего Самурского округов, имевших 709 074 десятины земли. В ведении Темир-Хан-Шурина лесничества находились земли Темир-Хан-Шурина, Аварского и Андийского округов площадью в 1 035 187 десятин [13, с. 74].

Итак, по этим данным в 8 округах Дагестанской области было 2 734 764 десятины казенных земель и леса, подлежащих государственному надзору. Сюда не вошел Даргинский округ, так как в нем не было ни земель, ни лесов ведомства государственных имуществ [13, с. 74].

Во всех этих лесничествах располагались небольшие казенные дачи. Портанский сетовал на то, что некоторые из них находились очень далеко «от места жительства лесничих» [13, с. 74]. Это обстоятельство он считал причиной малой доходности или полной бездоходности «наиболее отдаленных дач». Среди них были названы Катрухская дача Кюринского лесничества, Анцухская – Гунибского и Хупринская – Темир-Хан-Шурина, расположенные «на трудно доступных местах» [13, с. 75], что и способствовало сохранению здесь леса.

Анцухская и Хупринская дачи были признаны водоохранными.

Портанский отмечал, что в 1898 г. в ведение государственных имуществ были приняты «лишь следы и остатки прежних лесов Дагестана». Причинами критического положения лесных угодий были их вырубка во время «долгой

Кавказской войны» и использование леса на топливо войсками, а также «на постройку штаб-квартир, укреплений и т.п.» [13, с. 76].

Из всех дач докладчик в виде образца выделил только Карахскую, находившуюся в 25–30 верстах от Гуниба. Он представил ее «русским сосновым бором на Кавказе», в котором в конце XIX в. можно было встретить различные ягоды, грибы и пр. [13, с. 78]. Он также дал «приблизительные» сведения о дагестанских общественных и частных лесах, которые по признаку владения им были классифицированы на общественные, частновладельческие, спорные, вакуфные (мечетские), городские и казенные [13, с. 79].

Принимая во внимание эту предложенную Портанским классификацию, отметим, что в XIX – начале XX в. дагестанские леса принадлежали различным собственникам. Ими являлись прежде всего сельские общества. Надо сказать, что их собственность не всегда была абсолютной. Так, например, в Каракайтаге лес был в пользовании не всех селений, а только некоторых из них. Здесь села Кубачи, Сулевкент, Харбук и Шуркалу «имели незначительные леса». В магалах (сельских округах) Гапши и Муйра был лес, но не строевой. В Кайтаге и Шуркенте лес находился в совместном пользовании нескольких селений. В магале Гергамуль при каждом селении был свой не строевой лес.

Леса, располагавшиеся на плоскости и называвшиеся «Уллумеша», были в «исключительном» пользовании жителей сёл Газия, Баршамай, Карацан, Джинаби. Лес «Угру-меша» в этом же статусе принадлежал селениям Дуча, Джевгат и Джибагни [3, с. 226–227].

Во второй половине XIX в. была широко распространена частная собственность на леса, получавшаяся владельцами различными способами. Так, в одном из документов, относящемся к августу 1884 г., речь идет о некоторых чанках селений Телетль, Гонода, Ругуджа, Ури, Зиура и Гоготль, которые имели собственные именные леса (наследственные или купленные). Так, чанки-телетлинцы Ганкалав Сурхай-оглы и Шамхал Казанат-оглы имели наследственный лес, Чарабура – Амир-Али также имел свой лес, а у его брата было 2 участка леса – наследственный и купленный. В эти собственные участки леса вход посторонним и пользование были запрещены [14, с. 707–709].

Собственниками лесного фонда Дагестана в XIX в. были и дагестанские города. Это касается прежде всего Дербента, в котором лес играл

большую роль. Так, еще в годы Кавказской войны в соответствии с приказом № 19 по отдельному Кавказскому корпусу от 31 января 1842 г. здесь была отведена земля для постройки жилья «семейным нижним чинам», служившим в местном батальоне. Для них в короткий срок было построено 85 деревянных домиков. Одной из причин успеха этой постройки Е.И. Козубский назвал «близость от города леса, доставлявшего лесной материал» [15, с. 208]. Лес широко использовался и для отопления городских зданий.

Являясь «недвижимым имуществом» Дербента, лес нуждался в охране, на что начальник Дагестанской области обратил внимание лишь 17 октября 1874 г. Он предписал «впредь до устройства лесного хозяйства, сохранение принадлежащего городу леса возложить на городскую полицию с наймом сторожа для его охранения» [15, с. 259].

Поскольку в конце XIX – начале XX в. многие дома в Дербенте строились под деревянными крышами [15, с. 251–252], потребность в лесном строительном материале в это время значительно возросла. Для его накопления и сохранения губернатором области 29 ноября 1890 г. было дано указание полиции «о предоставлении всем желающим устраивать на пустопорожних местах, принадлежащих городу, склады леса» [15, с. 286].

Из вышесказанного следует, что Российская империя во второй половине XIX – начале XX в. хотя и предпринимала некоторые отдельные мероприятия для восстановления и развития лесного хозяйства Дагестана, она так и не создала соответствующей законодательной системы, которая бы гарантировала его повсеместное реальное развитие, защиту и охрану. Приведенный нами материал свидетельствует о том, что вопросы сохранения лесных угодий Дагестана в основном волновали людей, не имевших непосредственного отношения к соответствующим органам государственной власти России того времени.

Литература

1. История Дагестана. М. : Главная редакция восточной лит-ры, 1968. Т. 2. 368 с.
2. Иноземцева Е.И. Дагестан и Россия в XVIII – первой половине XIX в.: проблемы торго-

экономических взаимоотношений. Махачкала : ДНЦ РАН, 2001. 226 с.

3. Памятники обычного права Дагестана XVII – XIX вв. : архивные материалы / сост., предисл. и примеч. Х.-М. Хашаева. М. : Наука, 1965. 279 с.

4. Кавказ. 1873. № 14.
5. Кавказ. 1873. № 16.
6. Кавказ. 1873. № 40.
7. Кавказ. 1881. № 223.
8. Кавказ. 1880. № 190.
9. Кавказ. 1858. № 5.
10. Кавказ. 1878. № 122.
11. Алиханов М. В горах Дагестана. Путевые впечатления и рассказы горцев. Махачкала : Эпоха, 2005. 413 с.
12. Циркуляр военного губернатора Дагестанской области князя Чавчавадзе «О порядке пользования общественными лесами» от 26 июня 1890 г. // ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 2. Д. 18.
13. Извлечения из доклада лесного ревизора области Л.П. Портанского начальнику управления и государственных имуществ Бакинской губернии и Дагестанской области // Дагестанский сборник. Вып. II. Темир-Хан-Шура, 1904. С. 74–81.
14. Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20–50-х гг. XIX в.: сб. док. Махачкала : Даг. кн. изд-во, 1959. 784 с.
15. Козубский Е.И. История города Дербента. Темир-Хан-Шура : Русская типография В.М. Сорокина, 1906. 280 с.

References

1. *History of Dagestan*. (1968). Moscow, Main editorial office of Eastern literature, vol. 2, 368 p. (in Russian).
2. Inozemtseva E.I. (2001). *Dagestan and Russia in the 18th - first half of the 19th centuries: problems of trade and economic relations*. Makhachkala, DSC RAN Press, 226 p. (in Russian).
3. *Monuments of the customary law of Dagestan in the 17th - 19th centuries: archival materials*. (1965). Comp., foreword and notes by H.-M. Khashaeva. Moscow, Nauka Publ., 279 p. (in Russian).
4. *Kavkaz*. (1873), No. 14. (in Russian).
5. *Kavkaz*. (1873), No. 16. (in Russian).
6. *Kavkaz*. (1873), No. 40. (in Russian).
7. *Kavkaz*. (1881), No. 223. (in Russian).
8. *Kavkaz*. (1880), No. 190. (in Russian).
9. *Kavkaz*. (1858), No. 5. (in Russian).
10. *Kavkaz*. (1878), No. 122. (in Russian).

11. Alikhanov M. (2005). *In the mountains of Dagestan. Travel impressions and stories of the mountaineers*. Makhachkala, Epokha Publ., 413 p. (in Russian).
12. Circular of the military governor of the Dagestan region, Prince Chavchavadze "On the procedure for the use of public forests" dated June 26, 1890. *CSA RD*. Fund 2. In. 2. File 18.
13. Extracts from the report of the forest auditor of the region L.P. Portansky to the head of the department and state property of the Baku province and the Dagestan region. (1904). *Dagestan collection*. Iss. II. Temir-Khan-Shura, pp. 74-81. (in Russian).
14. *Movement of the highlanders of the North-Eastern Caucasus in the 20-50s of 19th century*. (1959). Col. doc. Makhachkala, Dagestan Book Publishing House, 784 p. (in Russian).
15. Kozubsky E.I. (1906). *History of the city of Derbent*. Temir-Khan-Shura, Russian Printing House of V.M. Sorokin, 280 p. (in Russian).

Поступила в редакцию / Received

16 октября 2020 г. / October 16, 2020

УДК 94(47) «1941/45»
doi 10.18522/2687-0770-2020-4-70-74

ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЙ ВКЛАД РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ В ВЕЛИКУЮ ПОБЕДУ

© 2020 г. С.А. Жевалов ^а

^а Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия

FOOD CONTRIBUTION OF THE ROSTOV REGION TO THE GREAT VICTORY

S.A. Zhevalov ^а

^а Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia

*Жевалов Сергей Анатольевич –
соискатель, кафедра новейшей отечественной
истории, Институт истории и политики,
Московский педагогический
государственный университет,
пр. Вернадского, 88, г. Москва, 119571, Россия.
E-mail: szhevalov@mail.ru*

*Sergey A. Zhevalov -
Competitor, Department of Modern Russian History,
Institute of History and Politics,
Moscow Pedagogical
State University,
Verнадского Ave, 88, Moscow, 119571, Russia.
E-mail: szhevalov@mail.ru*

Изучаются поставки продуктов сельскохозяйственного производства Ростовской области в период Великой Отечественной войны. Впервые вводятся в научный оборот материалы, содержащиеся в фондах Российского государственного архива экономики (РГАЭ). По ним определяется общее количество сельхозпродуктов Ростовской области, поставленных государству в 1941–1945 гг. Показана динамика заготовок продуктов питания. Актуальность темы обусловлена постоянно возрождающимися обсуждениями о значимости вклада в Великую Победу тружеников сельского хозяйства. Подтверждается мнение, что колхозно-совхозная система хозяйствования на селе сумела обеспечить Красную Армию и советский народ необходимым количеством хлеба, картофеля, овощей, мяса, молока, яиц и др.

Ключевые слова: Советский Союз, Великая Отечественная война 1941–1945 гг., Ростовская область, советская колхозно-совхозная деревня, заготовки зерна, поставки сельскохозяйственной продукции.

The article is devoted to the study of supplies of agricultural products of the Rostov region during the Great Patriotic war. The materials contained in the funds of the Russian state archive of Economics, which are first introduced into scientific circulation, formed the basis of this article. From documentary archival data, the total number of agricultural products of the Rostov region delivered to the state in 1941-1945 is determined. The author shows the dynamics of procurement of these food products. The relevance of the article is due to the constantly reviving discussions about the importance of the contribution to the Great Victory of domestic agricultural supplies. The author comes to the conclusion that the collective-state farm system of farming in rural areas managed to provide the Red Army and the Soviet people with the necessary amount of bread, potatoes, vegetables, meat, milk, eggs, etc.

Keywords: Soviet Union, Great Patriotic war of 1941-1945, Rostov region, Soviet collective and state farm village, grain procurement, agricultural supplies.

Исследование советского опыта сельскохозяйственных поставок продовольствия во время Великой Отечественной войны имеет огромное научное и практическое значение. В период войны в СССР были найдены и воплощены в жизнь правильные методы и пути верного использования внутренних источников Советского государства.

Историография данной проблемы взяла свое начало непосредственно в годы войны. Уже то-

гда увидели свет работы партийных и советских деятелей. Авторы на единичных примерах показывали расширение сельскохозяйственного производства Союза ССР в эти годы.

Практически сразу после окончания войны, в 1947 г., Н. А. Вознесенским в фундаментальной работе по продовольственной проблеме была раскрыта экономическая жизнь Советского государства во всей целостности и многогранности [1].

В 1960–1965 гг. коллективом научных сотрудников составлена и опубликована «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945» [2]. В этом 6-томном исследовании наряду с боевыми операциями подробное освещение получила экономическая жизнь страны, а также трудовой вклад в Великую Победу колхозно-совхозной деревни.

Ю.В. Арутюнян в своей монографии показывает, что в 1941–1943 гг. в сельскохозяйственном производстве нашего государства произошел спад. Рост начался в 1944 г. [3].

В коллективном труде «Советская экономика в период Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг.» большое внимание уделено сельскохозяйственному производству в СССР, а также продемонстрированы общие поставки продуктов питания [4].

В «Истории крестьянства СССР...» продовольственная проблема в период войны рассматривается и анализируется в третьем томе [5].

Работа Я.Е. Чадаева, как и книга Н. А. Вознесенского, предстала важным источником проблемы, так как автор был непосредственным участником событий и опубликовал первичные материалы и собственные наблюдения [6].

В 2011 г. вышла из печати монография Н.И. Рыжкова, которая пополнила комплексные исследования экономических факторов Победы Союза ССР над гитлеровской Германией [7].

К 70-летию Великой Победы увидел свет 12-томник «Великая Отечественная война 1941–1945 годов». В седьмом томе этого издания раскрываются оборонные и экономические возможности Советского государства, а также нацистской Германии [8].

В 2018 г. напечатаны второй и третий тома международного исследования «Страна в огне...» [9, 10]. Основная часть посвящена рассмотрению боевых действий. Но достаточно внимания уделено и состоянию общей экономики Советского государства, а также экономики сельскохозяйственного производства.

Анализ научной работы предшественников позволяет выделить вопросы, которые необходимо более детально изучить. Рассекреченные архивные документы позволяют уточнить изученные вопросы, расширить и углубить ранее исследованные темы, а также неизученные проблемы.

В фондах Российского государственного архива экономики находятся документы, свидетельствующие о количестве поступления зерновых и бобовых (табл. 1).

Таблица 1

**Поставки зерна Ростовской области в 1941–1945 гг., т [11]
 / Deliveries of grain crops of the Rostov region in 1941-1945, tons**

Зерновые культуры	1941	1942	1943	1944	1945	Всего
Пшеница	801 504	46 358	86 232	327 843	366 737	1 628 674
Рожь	211 179	29 703	7 692	129 187	91 931	469 692
Овес	14 546	2 004	7 971	50 371	28 293	103 185
Ячмень	156 544	51 373	78 153	237 309	185 873	709 252
Просо	38 107	21 487	32 533	48 890	23 120	164 137
Гречиха	–	–	16	80	76	172
Рис	10	–	1	–	6	17
Горох	95	–	83	217	101	496
Фасоль	21	–	2	121	67	211
Чечевица	–	2 242	–	1	–	2243
Кукуруза	643	2 967	6 579	18 464	12 038	40 691
Зерносмесь и отходы	9 356	442	11 434	23 913	1 618	46 763
Итого	1232005	156 576	230 696	836 396	709 860	3 165 533

По данным табл. 1 видим, что в 1941–1945 гг. сельскохозяйственные труженики Ростовской области поставили государству почти 3,2 млн т зерна. Причем пшеницы – самой цен-

ной зерновой культуры страна получила более 1,6 млн т, или 1/2 от суммарного количества зерна, сданного Ростовской областью. В 1941 и 1944–1945 гг. в РСФСР больше хлеба, чем в Ро-

стовской области, было заготовлено только в Краснодарском крае.

В 1941 г. общие поступления зерновых составили более 1,2 млн т. Это на 20 % меньше, чем Советский Союз получил от области в 1940 г. (1 541 тыс. т [12]).

Хлебопоставки Ростовской области в 1942 г. были самыми низкими за период войны. В это время территория области попала во временную оккупацию. В 1943 г. колхозники и работники совхозов области почти в 1,5 раза увеличили хлебосдачу в сравнении с предыдущим годом, а в 1944 г. – почти в 4 раза относительно 1943 г. В 1945 г. поставки зерновых Ростовской области несколько снизились

против 1944 г. и составили только 85 % от заготовок 1944 г.

Поставки животноводческих продуктов Ростовской области в 1940–1945 гг. отражены в табл. 2.

По данным табл. 2, в 1941 г. от Ростовской области государство получило молока на 5 % больше, чем в 1940 г.

За время Великой Отечественной войны работники сельскохозяйственного производства Ростовской области поставили стране почти 116 тыс. т мяса в живом весе и почти 302 тыс. т молока, 4 496 центнеров брынзы-сыра и почти 131 млн шт. яиц.

Шли поставки и полеводческой сельскохозяйственной продукции (табл. 3).

Таблица 2

**Заготовки животноводческих продуктов Ростовской области в 1940–1945 гг. [13]
 / Harvesting of livestock products of the Rostov region in 1940-1945**

Продукты животноводства	1940*	1941	1942	1943	1944	1945	Всего за 1941–1945
Мясо, т	62 158	40 359	27 091	15 764	11 404	21 034	115 652
Молоко, т	141 859	148 890	25 577	28 420	43 196	55 835	301 918
Брынза-сыр, ц	–	4 353	–	104	–	39	4496
Яйца, тыс. шт.	98 630	64 158	24 389	7 582	11 965	22 883	130 977

* Данные за 1940 г. даны для сравнения и в итоговую графу не включены.

Таблица 3

Поступление продуктов полеводства Ростовской области в период Великой Отечественной войны, т [14] / Deliveries of field products of the Rostov region during the Great Patriotic war, tons

Культура полеводства	1941	1942	1943	1944	1945	Всего
Картофель	21 250	–	4 403	4 828	4 530	35 011
Овощи, в том числе:	53 100	155	20 767	32 236	25 948	132 206
Капуста	17 490	98	4 860	10 310	9 470	42 228
Лук репчатый	3 960	1	760	970	3 480	9 171
Огурцы	9 050	56	4 660	4 190	1 320	19 076
Помидоры	18 020	–	7 530	10 400	6 350	42 300
Морковь	2 340	–	390	1 360	1 340	5430
Свекла столовая	2 240	–	270	2 000	1 280	5790
Масличные, в том числе:	45 237	11 429	11 901	40 657	17 987	127 211
Подсолнечник	35 550	10 890	10 406	37 863	17 214	111 923
Клещевина	2 460	83	470	360	53	3426
Горчица	5 419	310	711	2 190	572	9202
Соя	–	3	–	3	–	6
Лен-кудряш	1 808	143	314	241	148	2654

По приведенным данным, с 1941 по 1945 г. колхозно-совхозная деревня Ростовской области сдала государству более 35 тыс. т картофеля,

свыше 132 тыс. т овощей, в том числе капусты – более 42 тыс. т, лука репчатого – 9,2 тыс. т, огурцов – 19,1 тыс. т, помидоров – 42,3 тыс. т,

свыше 5,4 тыс. т моркови и почти 5,8 тыс. т свеклы столовой, почти 112 тыс. т подсолнечника, 3,4 тыс. т клещевины, 9,2 тыс. т горчицы, 6 т сои и 2,7 тыс. т льна-кудряша.

Рассмотрев поступления сельскохозяйственных продуктов от Ростовской области, можно сделать следующие выводы.

В предвоенное время в Советском Союзе существовала специализация сельскохозяйственного производства по регионам страны. Ростовская область специализировалась на пшенице.

В период Великой Отечественной войны в связи с временной оккупацией поставки зерновых, в том числе пшеницы, от Ростовской области сократились. После изгнания немецко-фашистских захватчиков с берегов Волги и Дона заготовки зерна Ростовской области начали возрастать. Поставки пшеницы в 1944–1945 гг. увеличились в сравнении с 1943 г. в 4 раза, ржи – в 12–17 раз. Заготовки практически всех других зерновых и бобовых в 1944–1945 гг. превзошли аналогичные показатели 1943 г.

Литература

1. Вознесенский Н. А. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М. : Гос. изд-во полит. лит-ры, 1947. 192 с.
2. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 : в 6 т. М. : Военное изд-во Министерства обороны СССР, 1960–1965.
3. Арутюнян Ю. В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1963. 460 с.
4. Советская экономика в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / ред. И. А. Гладков. М. : Наука, 1970. 504 с.
5. История крестьянства СССР. История Советского крестьянства : в 5 т. М. : Наука, 1986–1988.
6. Чадаев Я. Е. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). 2-е изд., перераб. и доп. М. : Мысль, 1985. 494 с.
7. Рыжков Н. И. Великая Отечественная: битва экономик и оружие Победы. М. : Экономическая газета, 2011. 448 с.
8. Великая Отечественная война 1941–1945 годов : в 12 т. М. : Кучково поле, 2013. Т. 7.
9. Страна в огне : в 3 т. Т. 2 : Коренной перелом. 1942–1943 : в 2 кн. / отв. ред. А. М. Литвин, Ю.А. Никифоров. М. : Абрис, 2018. 734 с.
10. Страна в огне : в 3 т. Т. 3 : Освобождение. 1944–1945 : в 2 кн. / отв. ред. А. М. Литвин, М.Ю. Мягков. М. : Абрис, 2018. 717 с.

11. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 8040. Народный комиссариат заготовок СССР. Оп. 3. Д. 749. Л. 10–12; Д. 865. Л. 5–6, 51–52, 66–68; Д. 865 а. Л. 5–6, 9–10, 22; Д. 980. Л. 2; Д. 982. Л. 3–5; Д. 987. Л. 98–99; Д. 1108. Л. 21, 25–28, 62–63; Д. 1116. Л. 2–3; Д. 1117. Л. 32–33; Д. 1126. Л. 155–156, 166–168, 237–238; Д. 1151. Л. 5, 226–227; Д. 1307. Л. 140–145; Д. 1308. Л. 1–3.

12. РГАЭ. Ф. 8040. Оп. 3. Д. 749. Л. 10–12; Д. 865. Л. 51–52, 67–68; Д. 865а. Л. 5–6, 9; Д. 982. Л. 5; Д. 987. Л. 98–99; Д. 1108. Л. 21, 62–63; Д. 1116. Л. 2–3; Д. 1117. Л. 32–33; Д. 1126. Л. 155–156, 166–168, 237–238; Д. 1151. Л. 5, 226–227.

13. РГАЭ. Ф. 8040. Оп. 3. Д. 65. Л. 198–201; Д. 65а. Л. 200–201; Д. 683. Л. 52–58, 68; Д. 814. Л. 1, 10; Д. 803. Л. 12–14, 18–19, 22–28, 30, 33–34, 40–42, 51–59, 83; Д. 816. Л. 3–4; Д. 820. Л. 1–2; Д. 821. Л. 1–2, 8; Д. 929. Л. 31–33; Д. 931. Л. 4–10; Д. 935. Л. 1–2, 57–58; Д. 937. Л. 32; Д. 938. Л. 1–2; Д. 939. Л. 30–31; Д. 1022. Л. 65–66; Д. 1022а. Л. 38, 69–70; Д. 1032. Л. 71–72, 77–79; Д. 1068. Л. 1–2, 63; Д. 1069. Л. 1–2; Д. 1070. Л. 1–2; Д. 1081. Л. 1–2, 37–39; Д. 1082. Л. 49, 60–62; Д. 1151. Л. 23–24; Д. 1151а. Л. 25–26, 59–62, 65–66; Д. 1242. Л. 1–2, 94; Д. 1244. Л. 31–32; Д. 1341. Л. 48–51, 54–55; Д. 1384. Л. 1–2, 21–22; Д. 1441. Л. 1–10; Д. 1442. Л. 1–2; Д. 1447. Л. 15; Д. 1448. Л. 3–4, 98–99.

14. РГАЭ. Ф. 8040. Оп. 3. Д. 296. Л. 1–18; Д. 479. Л. 40; Д. 639. Л. 1, 13; Д. 768. Л. 1, 21–23; Д. 772. Л. 25; Д. 773. Л. 1; Д. 775. Л. 8; Д. 776. Л. 1–3; 60; Д. 777. Л. 5–6; Д. 778. Л. 1–5; Д. 781. Л. 1; Д. 879. Л. 1–4, 20–29; Д. 881. Л. 4, 10–11, 21; Д. 882. Л. 1–2, 25, 35–36; Д. 883. Л. 25; Д. 885. Л. 2–3; Д. 995. Л. 5, 7, 15; Д. 996. Л. 1–2; Д. 998. Л. 25–26; Д. 1000. Л. 1–2, 5–6, 9–10; Д. 1004. Л. 3; Д. 1007. Л. 1–5; Д. 1009. Л. 3; Д. 1124. Л. 1–3; Д. 1128. Л. 16; Д. 1131а. Л. 17–19; Д. 1136. Л. 1–4; Д. 1138. Л. 1–6; Д. 1141. Л. 1–2; Д. 1313. Л. 1–2, 7–8, 28–29; Д. 1318. Л. 8; Д. 1319. Л. 1–4; Д. 1320. Л. 16; Д. 1321. Л. 1–2; Д. 1323. Л. 1–4; Д. 1324. Л. 1–2; Д. 1443. Л. 3–4; Д. 1534. Л. 4, 5, 10–12; Д. 1892. Л. 1.

References

1. Voznesenskii N.A. (1947). *Military Economy of the USSR during the Patriotic War*. Moscow, State Publishing House of Political Literature, 192 p. (in Russian).
2. *The history of the Great Patriotic War of the Soviet Union 1941-1945*. (1960–1965): in 6 vol. Moscow, Military publishing house of the USSR Ministry of Defense. (in Russian).
3. Arutyunyan Yu.V. (1963). *Soviet peasants during the Great Patriotic War*. Moscow, USSR Academy of Sciences Press, 460 p. (in Russian).

4. *Soviet economy during the Great Patriotic war 1941-1945*. (1970). I. A. Gladkov (Ed.). Moscow, Nauka Publ., 504 p. (in Russian).
5. *History of the peasantry of the USSR. History of the Soviet peasantry*. (1986-1988). Moscow, Nauka Publ. (in Russian).
6. Chadaev Ya.E. (1985). *Economy of the USSR during the Great Patriotic War (1941-1945)*. 2nd ed., ad. Moscow, Mysl' Publ., 494 p. (in Russian).
7. Ryzhkov N.I. (2011). *The Great Patriotic War: the Battle of Economies and the Victory Weapons*. Moscow, Ekonomicheskaya gazeta Publ., 448 p. (in Russian).
8. *The Great Patriotic War of 1941-1945*. (2013). Moscow, Kuchkovo pole Publ., vol. 7. (in Russian).
9. *Country in the fire*: in 3 vol. (2018). Vol. 2. Fundamental change. 1942-1943. A.M. Litvin, Yu. A. Nikiforov (Eds.). Moscow, Abris Publ., 734 p. (in Russian).
10. *Country on fire*: in 3 vol. (2018). Vol. 3. Liberation. 1944-1945. A. M. Litvin, M. Yu. Myagkov (Eds.). Moscow, Abris Publ., 717 p. (in Russian).
11. *Russian State Archive of Economics* (RSAE). Fund 8040. In. 3: File 749. L. 10-12; File 865. L. 5-6, 51-52, 66-68; File 865 a. L. 5-6, 9-10, 22; File 980. L. 2; File 982. L. 3-5; File 987. L. 98-99; File 1108. L. 21, 25-28, 62-63; File 1116. L. 2-3; File 1117. L. 32-33; File 1126. L. 155-156, 166-168, 237-238; File 1151. L. 5, 226-227; File 1307. L. 140-145; File 1308. L. 1-3.
12. RSAE. Fund 8040. In. 3: File 749. L. 10-12; File 865. L. 51-52, 67-68; File 865 a. L. 5-6, 9; File 982. L. 5; File 987. L. 98-99; File 1108. L. 21, 62-63; File 1116. L. 2-3; File 1117. L. 32-33; File 1126. L. 155-156, 166-168, 237-238; File 1151. L. 5, 226-227.
13. RSAE. Fund 8040. In. 3: File 65. L. 198-201; File 65a. L. 200-201; File 683. L. 52-58, 68; File 814. L. 1, 10; File 803. L. 12-14, 18-19, 22-28, 30, 33-34, 40-42, 51-59, 83; File 816. L. 3-4; File 820. L. 1-2; File 821. L. 1-2, 8; File 929. L. 31-33; File 931. L. 4-10; File 935. L. 1-2, 57-58; File 937. L. 32; File 938. L. 1-2; File 939. L. 30-31; File 1022. L. 65-66; File 1022a. L. 38, 69-70; File 1032. L. 71-72, 77-79; File 1068. L. 1-2, 63; File 1069. L. 1-2; File 1070. L. 1-2; File 1081. L. 1-2, 37-39; File 1082. L. 49, 60-62; File 1151. L. 23-24; File 1151a. L. 25-26, 59-62, 65-66; File 1242. L. 1-2, 94; File 1244. L. 31-32; File 1341. L. 48-51, 54-55; File 1384. L. 1-2, 21-22; File 1441. L. 1-10; File 1442. L. 1-2; File 1447. L. 15; File 1448. L. 3-4, 98-99.
14. RSAE. Fund 8040. In. 3: File 296. L. 1-18; File 479. L. 40; File 639. L. 1, 13; File 768. L. 1, 21-23; File 772. L. 25; File 773. L. 1; File 775. L. 8; File 776. L. 1-3; 60; File 777. L. 5-6; File 778. L. 1-5; File 781. L. 1; File 879. L. 1-4, 20-29; File 881. L. 4, 10-11, 21; File 882. L. 1-2, 25, 35-36; File 883. L. 25; File 885. L. 2-3; File 995. L. 5, 7, 15; File 996. L. 1-2; File 998. L. 25-26; File 1000. L. 1-2, 5-6, 9-10; File 1004. L. 3; File 1007. L. 1-5; File 1009. L. 3; File 1124. L. 1-3; File 1128. L. 16; File 1131a. L. 17-19; File 1136. L. 1-4; File 1138. L. 1-6; File 1141. L. 1-2; File 1313. L. 1-2, 7-8, 28-29; File 1318. L. 8; File 1319. L. 1-4; File 1320. L. 16; File 1321. L. 1-2; File 1323. L. 1-4; File 1324. L. 1-2; File 1443. L. 3-4; File 1534. L. 4, 5, 10-12; File 1892. L. 1.

УДК 94(47)
doi 10.18522/2687-0770-2020-4-75-78

АТАМАН М.И. ПЛАТОВ И ДОНСКОЕ СТАРООБРЯДЧЕСТВО В НАЧАЛЕ XIX ВЕКА

© 2020 г. О.С. Кротов ^а

^а Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

ATAMAN M.I. PLATOV AND DON OLD BELIEVERS AT THE BEGINNING OF THE 19th CENTURY

O.S. Krotov ^а

^а Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Кротов Олег Сергеевич –
аспирант, Институт истории
и международных отношений,
Южный федеральный университет,
ул. Б. Садовая, 33, г. Ростов-на-Дону,
344082, Россия.
E-mail: student-historic@rambler.ru

Oleg S. Krotov -
Postgraduate,
Institute of History and International Relations,
Southern Federal University,
B. Sadovaya St., 33, Rostov-on-Don,
344082, Russia.
E-mail: student-historic@rambler.ru

Раскрываются особенности политики донских атаманов в отношении старообрядчества на основе архивных материалов Донской епархии. Подчеркивается, что в исторической памяти донского казачества сохраняются и прумножаются идеи о принадлежности самих казаков и атаманов казачьего войска к старообрядчеству. На примере М.И. Платова утверждается тезис о последовательной политике казачьих властей по недопущению роста влияния старообрядческих идей среди казачества. Старообрядчество на протяжении XVIII в. стремительно укрепляет свои позиции, находя все большую поддержку среди рядового казачества. Крупные народные волнения столетия не обошлись без участия в них донских староверов. Движение донских казаков 1792–1794 гг. привело к частичному переселению старообрядцев с территории Дона на Кубань. К началу атаманства М.И. Платова донское старообрядчество, несмотря на ограничительные меры государственных и местных органов управления, играло свою важную роль в жизни казачества и региона в целом.

Ключевые слова: старообрядчество, Донская епархия, атаман М.И. Платов, историческая память, поповщина, старообрядческая церковь.

The article reveals the features of the policy of the Don atamans relating to the Old Believers on the basis of archival materials of the Don diocese. It is emphasized that the historical memory of the Don Cossacks preserves and multiplies ideas about the belonging of the Cossacks and atamans of the Cossack army to the Old Believers. During the 18th century, the Old Believers rapidly strengthened their positions, finding more and more support among the ordinary Cossacks. Major popular unrest of the century was not without the participation of the Don Old Believers. The movement of the Don Cossacks in 1792-1794 led to the partial relocation of Old Believers from the territory of the Don to the Kuban. By the beginning of M. I. Platov's atamanism, the Don Old Believers, despite the restrictive measures of state and local authorities, played an important role in the life of the Cossacks and the region as a whole.

Keywords: Old Believers, Don diocese, ataman M.I. Platov, historical memory, priesthood, Old Believers' church.

Старообрядчество сыграло важную роль в истории донского казачества. Церковные реформы середины XVII в. привели к неприятию большей частью казачества новых введений. Уже летом 1687 г. после ухода войскового атамана Фрола Минаева в поход на Крым с князем В.В. Голицыным войсковым атаманом был из-

бран старообрядец Самойло Лаврентьев. Главным требованием недовольных казаков становится возвращение к старым церковным обрядам. На Дону вспыхнуло массовое движение старообрядцев, в котором приняли участие как казаки, так и беглые старообрядцы из внутренней России во главе с проповедником Кузьмой

Косым. Единства между казаками и бежавшими на Дон из России старообрядцами не сложилось, массовое движение было подавлено [1, с. 100–138]. Но, как показало Булавинское восстание, среди восставших казаков старообрядческие мотивы занимали определенное место [2, с. 247].

В течение всего XVIII в. царское правительство предпринимало различные меры для подавления среди донских казаков памяти о старой вере. Это и кровавые гонения, и ущемления в правах, и гражданские притеснения, и известная практика совместных молений, насаждаемая воронежскими епископами, и введение и активная пропаганда единоверия. Однако в исторической памяти донского казачества остается незабываемым то обстоятельство, что именно казаки дольше всех других сословий сохраняли старые обряды. Одним из инструментов формирования такой памяти является попытка причисления к старообрядцам известного казака, государственного деятеля, атамана, графа Матвея Ивановича Платова. В историографии сложилось представление о М.И. Платове не только как о выдающемся полководце, но и ярком и заметном представителе старообрядчества. Такие тезисы выдвигались, например, исследователем П.И. Мельниковым-Печерским. Он указывал, что «по изгнании Наполеона, столицу заняли донские казаки, в числе которых много было старообрядцев. Рогожские попы справляли их требы, а войсковой атаман граф Платов, сам тоже старообрядец, оставил, как уверяли впоследствии рогожцы, на кладбище походную церковь, освященную во имя Пресвятой Троицы. Тогдашний начальник московской столицы дал им словесное разрешение служить в этой церкви обедни» [3, с. 352].

Это высказывание будет использовано редакцией старообрядческого журнала «Церковь», опубликовавшей в 1912 г. статью «Герой Отечественной войны – старообрядец граф Платов» [4, с. 837–838]. Автор статьи не привел достаточных фактов, подтверждающих принадлежность графа М.И. Платова к старообрядцам. К сожалению, нет оснований также утверждать, что история прибытия Платова в Москву и освещения им церкви на Рогожском кладбище имела место быть на самом деле, поскольку подлинных свидетельств пребывания атамана в Москве не имеется.

В биографии атамана М.И. Платова также нет прямых свидетельств о его принадлежности

к старообрядцам. Метрические книги дают вполне очевидную информацию. Так, донской исследователь А.А. Кириллов пишет: «По метрическим книгам церкви св. апостолов Петра и Павла г. Черкаска, ч. 1, о родившихся за 1753 год, под № 22, значится, что у старшины Ивана Федоровича Платова 8 августа того года родился сын Матвей. Это и есть будущий войсковой атаман... сам М.И. Платов, и его отец с матерью, и двое его дядей по исповедным росписям принадлежали к новообрядческим церквям. Иван Федорович Платов с женой Анной Ларионовной и пятеро их детей исповедовались в черкасской церкви св. Петра и Павла [5, с. 9–12]. К этой же церкви относились и двое братьев Ивана – Демьян Федорович и Дмитрий Федорович Платовы. Таким образом, будущий атаман был крещен в православной среде и числился таковым. Умер М.И. Платов скоропостижно, в своем имении в слободе Еланчинской, в возрасте 67 лет. Похороны состоялись 10 января 1818 г. в Новочеркасске, затем прах перенесли в фамильный склеп у хут. Мишкина, близ Новочеркаска, а в 1912 г. останки были перезахоронены в усыпальнице при Новочеркасском кафедральном Соборе. В последний путь М.И. Платова также провожало не старообрядческое духовенство. Но большую роль в формировании памяти о Платове как о старообрядце играла народная молва, основанная на определенных жестах доброй воли М.И. Платова по отношению к старообрядчеству, которая настойчиво причисляет его к тайным староверам – поповцам [6, с. 225]. Насколько же справедливо говорить о Матвее Ивановиче Платове как защитнике староверов? В самом деле в период его атаманства произошел ряд событий или инцидентов, связанных со старообрядцами, в которых местная донская власть показала себя если не с позиций их противников, то уж точно не покровителей.

Об этом наглядно свидетельствует «Дело о дозволении в Черкаске старообрядцами построить церковь» [7]. Казаки-старообрядцы обратились с письмом к воронежскому епископу Арсению (Москвину) с прошением позволить построить в Черкаске старообрядческую церковь. В прошении говорилось: «Следуя исстари понавычке от предков своих отправлению богослужения по старопечатным книгам, не имеем у себя донныне в здешнем городе ни гласных священников, ни святой церкви, устроенной ко отправлению богослужения во всем по старопечатным книгам, чрез что самое многие из нас во

всякое – почти время ко отправлению необходимых по долгу христианства законных нужд, удаляются от своего места жительства, в другие в дальние места, где есть таковые церкви и священники, а между тем не редко случается, что многие и совсем без исповеди и причастия святых таин отходят от сея жизни, а рождающиеся младенцы без крещения пребывают... По примеру сему приняли неперменное намерение и мы, построить для себя в здешнем городе святую церковь Покрова Пресвятыя Богородицы на всех тех положениях, каковы в прошлом 1800-м году московскими старообрядцами приняты, и указом Его Императорского Величества покойного Государя Императора Павла Петровича на прошении поданном от них к высоко преосвященнейшему Платону Митрополиту Московскому и Калужскому разрешены, и иметь правильных священников на собственном нашем содержании» [7, л. 1–1 об.]. Казаки староверы ссылались на указы о единоверии и хотели хотя бы таким образом обрести свою собственную церковь.

Епископ Арсений принял к сведению прошение казаков и напрямую обратился к атаману М.И.Платову: «Написать о сем отношении от меня к господину войска Донского атаману генерал-лейтенанту и кавалеру Матфею Ивановичу Платову. Поелику войска Донского все жители на особых живут правах и большею частию из них находится в войсковой службе, и город Черкасск на другое переносится место – то не будет ли какого в сей части по их правам какого притеснения и в службе государственной помешательства – если дозволено будет по их войску быть старообрядческому храму» [7, л. 12 об.]. По данным прошением было вынесено решение войсковым атаманом М. И. Платовым в 1806 г. Он дает обоснование в целом отношения казачьих властей к старообрядцам: «Первое: что сии старообрядцы не все есть одного мудрования. Что одни из них приемлют, то другие в то же время опровергают. И позволение на построение церкви отнюдь не успокоит и не совокупит их в единомыслии, а заставит тех и других больше вымышлять свои затеи, которым следовать заставят и попов своих» [7, л. 19–21]. Платов утверждал, что на Дону много старообрядцев различного толка и удовлетворение потребностей одних может вызвать неудовольствие у других. Возможно, что у казачьих властей не было истинной картины о распространении старообрядчества на Дону. Более интересным вы-

глядит следующее утверждение о староверах: «Второе: те, кои просят сего дозволения, не останутся никогда одни со своими семействами при своем суеверии, и всегда будут стараться, как уже и стараются умножить число единомудренных и тем уменьшить число сынов церкви православных, противу которых пребудут они в общественной жизни в службе военной и гражданской дерзки, упрямы, не примиримы и крайне враждебны. Как то и действительно оказалось в бывшей здесь 794 года на Дону истории, что начало и корень всей противности противу власти, было раскольническое умствование» [7, л. 19–21].

Платов признает, что движение казаков 1792–1794 гг. во многом было спровоцировано старообрядцами, поскольку именно их воззвания и речи и привели к возмущению. Известно, что сам Платов в роли шефа трех Чугуевских полков регулярного Екатеринославского войска активно участвовал в подавлении этого движения [8, с. 40–41]. Войсковой атаман опасался, что удовлетворение интересов старообрядцев может привести к резкому увеличению популярности их идей среди православных казаков, что было недопустимо для казачьих властей. В документе Платов подробно изъяснял свои мысли по поводу старообрядчества. По его словам, «дозволение таковое старообрядцам не для чего больше им не нужно, как только чтобы сделать себя в глазах народа гласными, иметь больше возможности и способу уловлять простолудинов к преумножению своей секты, так как исповедники оной особенною себе должностью поставляют, мнимую святость свою рассеять всеместно, чрез что откроются тотчас новые толки и между гражданами одного города или селения выйдет явный раздор и ссора, могущие дойти до того, что один другого зачнет презрывать и потеряется всякое спокойствие и согласие, доселе между жителями бывшее» [7, л. 20].

Отношение атамана казачьего войска М.И. Платова, таким образом, кардинально не отличалось от его предшественников. Оно базировалось на неприятии староверия как религиозного явления, способствующего усилению в казачьей среде антиправительственных настроений, которые могли привести к различного рода волнениям. Воспринималось оно и как упрямое суеверие, и как невежественный отход от православной веры. В этом позиция самого атамана Платова по отношению к черкасским старообрядцам, которого, по сведениям некоторых

историков и деятелей из староверческой среды, причислили к старообрядцам и создали миф о некой сакральной роли М.И. Платова в расцвете и развитии старообрядчества на Дону.

В завершении документа, запрещающего строительство старообрядческого храма в Черкасске, следует: «Дабы не ослабить казачьей службы, многими монаршими милостями и похвальными грамотами одобренной, имеет всю должность пещись не о умножении кривотолковых, но о уменьшении их. Поколику войско в противном случае потеряет славу правоверными собственно предками его заслуженную и правоверными же, но отнюдь не раскольниками поддерживаемую и вновь производимую. Состояние раскольника в военном народе совсем терпимо быть не может; оно ослабит военную дисциплину, расстроит правила ее и казака доведет до негодности быть прямым казаком» [7, л. 21]. В этом и заключалась основа политики по отношению к старообрядцам в период пребывания Платова войсковым атаманом. Центральные и войсковые власти стремились не допустить роста числа старообрядцев на Дону.

Это только один из эпизодов истории старообрядчества на Дону в начале XIX в. В целом, несмотря на такое отношение к старообрядчеству со стороны казачьих властей, по существу М.И. Платов не мог ничего предпринять для подавления влияния староверия на рядовое казачество. Его единственная «заслуга» на этом поприще заключалась в том, что только в Черкасске так и не появился старообрядческий храм.

М.И. Платов – фигура безусловно величественная и он по праву занимает свое место в истории донского казачества, истории Отечественной войны 1812 г. В стремлении увековечить в памяти народа образ М.И. Платова в историографии стали создаваться некие мифологемы, одна из которых и была связана с преувеличением роли атамана в истории донского старообрядчества.

Литература

1. Сень Д.В. Казачество Дона и Северо-Западного Кавказа в отношениях с мусульманскими государствами Причерноморья (вторая половина XVII в. – начало XVIII в.). Ростов н/Д.: Изд-во ЮФУ, 2009. 280 с.

2. Пронштейн А.П., Мининков Н.А. Крестьянские войны в России XVII – XVIII веков и донское казачество. Ростов н/Д.: Изд-во РГУ, 1983. 420 с.

3. Мельников П.И. Очерки попощины // Полн. собр. соч. П.И. Мельникова (Андрея Печерского). СПб.; М.: Изд-во товарищества М.О. Вольфа, 1898. Т. 13. 396 с.

4. Церковь. 1908–1914. № 35.

5. Кириллов А. Войсковой атаман войска Донского граф Матвей Иванович Платов и его административная деятельность // Сборник Областного войска Донского статистического комитета. Вып. 11. Новочеркасск: Частная донская типография, 1913.

6. Вургафт С.Г., Ушаков И.А. Старообрядчество. Лица, предметы, события и символы. Опыт энциклопедического словаря. М.: Церковь, 1996. 316 с.

7. ГАРО. Ф. 226. Оп. 19. Д. 802.

8. Лесин В.И. Атаман Платов. М.: Молодая гвардия, 2005. 403 с.

References

1. Sen' D.V. (2009). *Cossacks of the Don and the North-Western Caucasus in relations with the Muslim states of the Black Sea region (second half of the 17th century - the beginning of the 18th century)*. Rostov-on-Don, SFU Press, 280 p. (in Russian).

2. Pronshtein A.P., Mininkov N.A. (1983). Peasant wars in Russia of the 17th - 18th centuries and the Don Cossacks. Rostov-on-Don, Russian State University Press, 420 p. (in Russian).

3. Melnikov P.I. (1898). Essays on priesthood. *Complete works of P.I. Melnikov (Andrey Pechersky)*. Saint Petersburg, Moscow, Publishing House of the M. O. Wolf Partnership, vol. 13, 396 p. (in Russian).

4. *Tserkov*. (1908-1914), No. 35. (in Russian).

5. Kirillov A. (1913). Military ataman of the Don Troops Count Matvey Ivanovich Platov and his administrative activities. *Collection of works of the Regional Troops of the Don Statistical Committee*. Iss. 11. Novocherkassk, Private Don Printing House. (in Russian).

6. Vurgaft S.G., Ushakov I.A. (1996). *Old Belief. Persons, objects, events and symbols. Experience of the encyclopedic dictionary*. Moscow, Tserkov Publ., 316 p. (in Russian).

7. *State Archive of the Rostov Region (SARR)*. Fund 226. In. 19. File 802. (in Russian).

8. Lesin V.I. (2005). *Ataman Platov*. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 403 p. (in Russian).

УДК 94(8)
doi 10.18522/2687-0770-2020-4-79-84

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОСЧЕТЫ ПРАВИТЕЛЬСТВА И ТРАНСФОРМАЦИЯ СТРАТЕГИИ «СЕНДЕРО ЛУМИНОСО» КАК ОСНОВНЫЕ ФАКТОРЫ ЭСКАЛАЦИИ НАПРЯЖЕННОСТИ В ПЕРУ В НАЧАЛЕ 2000-х ГОДОВ

© 2020 г. Р.М. Магомедов ^а

^а Дагестанский государственный университет, Махачкала, Россия

SOCIO-POLITICAL MISCALCULATIONS OF THE GOVERNMENT AND THE TRANSFORMATION OF THE “SENDERO LUMINOSO” STRATEGY AS THE MAIN FACTORS OF THE ESCALATION OF TENSION IN PERU IN THE EARLY 2000s

R.M. Magomedov ^а

^а Dagestan State University, Makhachkala, Russia

Магомедов Роберт Магомедович –
старший преподаватель,
кафедра всеобщей истории,
Дагестанский государственный университет,
ул. Коркмасова, 8, г. Махачкала,
Республика Дагестан, 367000, Россия.
E-mail: mrm21081979@mail.ru

Robert M. Magomedov -
Senior Lecturer,
Department of General History,
Dagestan State University,
Korkmasova Str., 8, Makhachkala,
Republic of Dagestan, 367000, Russia.
E-mail: mrm21081979@mail.ru

Исследуются причины обострения внутривнутриполитической ситуации в Перу в начале 2000-х гг. Анализируются научные труды, статистические данные и материалы средств массовой информации и периодических изданий, в которых затронута проблема внутривнутриполитического курса правительства Перу, а также активности повстанческих сил в начале XXI в. Отмечается несостоятельность социально-экономической политики перуанского правительства после разгрома леворадикальной организации «Сендеро Луминосо» в 1992 г. как одной из главных причин обострения внутривнутриполитической обстановки в начале 2000-х гг. Рассматриваются структурные изменения, имевшие место как в самой организации «Сендеро Луминосо», так и в ее тактике и стратегии. Подчеркивается значимость социальных программ, инспирированных либо силами самого государства, либо усилиями организаций международного формата в деле предотвращения перерастания проблем социального характера в состояние кровопролитного внутривнутриполитического конфликта.

Ключевые слова: левый радикализм, «Сендеро Луминосо», Рондас Компесинас, партизанская война, терроризм, наркобизнес, ФАРК.

The article is devoted to the problem of aggravation of the internal political situation in Peru in the early 2000s. During the research the author conducted in-depth analysis and review papers, presented in monographs, statistical studies, materials, media and periodicals, in which they touched upon the domestic policy of the government of Peru, and the activity of rebel forces in the early 21st century. Considerable attention is paid to the issue of the failure of the social and economic policy of the Peruvian government, after the defeat of the left-wing organization “Sendero Luminoso” in 1992, as one of the main reasons for the aggravation of the internal political situation in the early 2000s. The author analyzes the structural changes that took place both in the “Sendero Luminoso” organization itself and in its tactics and strategy. In conclusion, the author emphasizes the importance of social programs inspired either by the state itself or by the efforts of international organizations in preventing social problems from escalating into a state of bloody internal political conflict.

Keywords: left-wing radicalism, “Sendero Luminoso”, Rondas Compesinas, guerrilla warfare, terrorism, drug trafficking, FARC.

С началом холодной войны мир раскололся на два противостоящих лагеря, чья конфронтация длилась на протяжении всей второй половины XX в. Она отмечалась многообразием форм и методов ведения борьбы, к числу которых относилось и противоборство в идеологическом про-

странстве, когда обе стороны активно использовали пропаганду. Уже в 1950–1960-х гг. пропагандистская война широким фронтом развернулась в Западном полушарии. Одним из объектов борьбы за влияние между двумя полюсами холодной войны стала Латинская Америка, страны которой в силу особенностей своего исторического развития характеризовались наличием серьезных социальных и политических противоречий в обществе.

Именно этим обстоятельством и объясняется тот факт, что распространение коммунистической идеологии в регионе происходило не столько благодаря усилиям Советского Союза, сколько стремлением отдельных социальных групп к фундаментальным изменениям общественно-политического характера. Причем нередко это стремление выходило за рамки идеологического противостояния, обретая черты внутренних гражданских конфликтов. Доказательством этого являлись события, развернувшиеся на Кубе и в Никарагуа в 50–70-е гг. XX в.

В отличие от ситуации в этих странах, где внутреннее противостояние завершилось победой революционных сил, обстановка, сложившаяся в Перу в 1980-е гг. имела свои особенности и трактовалась отечественным исследователем А.А. Слинко как «террористическая война» [1, с. 150]. Предпосылки её складывались на протяжении длительного времени и уже в середине 70-х гг. материализовались в виде леворадикальной организации с ярко выраженным маоистским уклоном – Перуанской Коммунистической партии «Сендеро Луминосо» (далее – ПКП-СЛ).

Создавший и возглавивший ее Абимаэль Гусман в своей идеологии опирался на учение известного перуанского мыслителя и публициста, видного деятеля рабочего движения и борца за права коренного (индейского) населения Перу первой половины XX в. Хосе Карлоса Мариатеги. С момента своего образования ПКП-СЛ не имела никакой иной цели, кроме как ведение полномасштабной вооруженной борьбы с капиталистической системой, притеснявшей и эксплуатировавшей угнетаемые слои перуанского общества. Движущей силой организации являлось сельское население страны.

Хотя правительство Перу обладало информацией о данной организации и ее целях, выступление «Сендеро Луминосо» и развернутая А. Гусманом вместе с соратниками террористическая война застали перуанские власти врасплох. Для подавления мятежа сендеристов перу-

анским правительством предпринимались всевозможные шаги, в том числе реформистского характера. Так, Аякучо, являвшийся центром формирования леворадикального повстанчества и интеллектуальной базой ПКП-СЛ, был бедным регионом. Путем проведения земельных реформ и изменения в системе крупного частного поместья правительству удалось успокоить часть сельского населения, составлявшего ядро повстанческих отрядов. Кроме того, руководство страны пошло и на политические уступки. Так, 1980 г. ознаменовался отступлением от власти военных и возвращением к конституционному строю и свободным выборам в Перу, что подразумевало допуск к участию в них левых, марксистских организаций [2, р. 298].

В сложившихся условиях привлечение в ряды организации новых членов становилось проблематичным. Тем не менее нельзя утверждать, что в своей антиповстанческой борьбе официальные власти добились скорого успеха. По примеру соседних стран перуанские власти, не проанализировав в достаточной степени ситуацию и не разобравшись в причинах социальных выступлений, попытались решить проблему с повстанцами исключительно военными методами, которые не привели к желаемым результатам. Уже первые же неудачи на этом направлении заставили перуанское правительство изменить тактику.

Новый взгляд на проблему повстанчества заключался в сбалансированном сочетании военных действий с проведением планомерной политики в сельской местности, направленной на развитие ее социальной и экономической сфер. Во многом причина успеха правительства в данном вопросе заключалась в агрессивном отношении сендеристов к сельским жителям, заподозренным в сотрудничестве с правительством. Стимулируя развитие социально-экономической сферы, правительство активно привлекало местных крестьян к борьбе с «Сендеро Луминосо», создавая из них вооруженные отряды – так называемые Rondas Campesinas (Крестьянский патруль). Это предоставляло крестьянам возможность легально давать отпор жестким действиям сендеристов [3, р. 121–124].

Отсутствие полноценной поддержки в сельской местности заставило А. Гусмана изменить свою стратегию, заявившего, что партизанская война в деревне является пройденным этапом, и переместившего акценты в своей борьбе в города, в первую очередь в столицу Перу – Лиму. По мнению Гусмана, власти Перу были настолько ослаблены борьбой, что не могли противостоять

хорошо спланированным подрывным акциям сендеристов.

По плану Гусмана масштабные террористические атаки сендеристов на столицу должны были привести к исходу из столицы богатых лименос (зажиточных жителей Лимы), панике в банковской системе и бегству представителей финансовой олигархии. Это неизбежно повлекло бы за собой экономический и финансовый крах, что заставило бы правительство решиться на одобрение иностранного вмешательства для наведения порядка в столице. При таком раскладе «Сендеро Луминосо» превращался в главную силу националистического движения, способную бороться против иностранных агрессоров, опираясь на полную и беспрекословную поддержку населения [4].

Вера в избранную им тактику и стратегию сыграла злую шутку с главным радикальным оппозиционером Перу. Буржуазное правительство, находящееся, по его мнению, на последнем издыхании, сумело нанести удар сокрушительной силы. 12 сентября 1992 г. в результате спецоперации, тщательно спланированной и успешно проведенной совместными усилиями Департамента по борьбе с терроризмом и полиции, он был захвачен вместе с некоторыми соратниками [5].

После ареста Гусман сделал заявление, в котором призывал своих сторонников прекратить боевые действия против правительства. Результатом этих событий стало погружение «Сендеро Луминосо» – сложно структурированной организации, способной существовать лишь в условиях постоянной борьбы, в состояние временного анабиоза. Уже в течение полутора лет с момента ареста лидеров около 3600 партизан либо сдались властям, либо были схвачены в результате успешных действий полиции и армии. Кроме того, значительно сократилось число подрывных акций [6, р. 3–4]. «Сендеро Луминосо», по утверждению большинства представителей официальных властей, была уничтожена и рассеяна, а степень опасности, которую могли представлять оставшиеся на свободе террористы, была сведена к уровню малозначительной проблемы.

Разгром (как тогда казалось) «Сендеро Луминосо» стал причиной демонтажа силовых структур, сыгравших решающую роль в борьбе с сендеристами. В первую очередь ликвидации подверглось такое ведомство, как SIN (Sistema de Inteligencia Nacional), подразделения которой наряду с борьбой с сендеристами успели «прославиться» участием в массовых расправах над мирными сельскими жителями. А руководитель

подразделения В. Монтесинос был заключен под стражу. Не исключено, что этот радикальный шаг правительства был попыткой загладить вину перед сельскими жителями, пострадавшими от деятельности SIN. Однако в то же время проведение этих ярко выраженных популистских действий привело к ликвидации структуры, которая несла на себе основную тяжесть борьбы с ПКП-СЛ в сельской местности и обладала большим опытом борьбы с партизанским движением.

Наряду с изменениями в силовом секторе серьезные сдвиги стали происходить и в социально-экономической сфере. Правительство совершало недопустимые просчеты, что вызывало пагубные последствия. Снижение напряженности в сельской местности привело к полному свертыванию социально-экономических проектов, цель которых заключалась в развитии сельскохозяйственного сектора и главным образом отвлечении сельского населения от радикальных настроений. После относительного затишья появилась угроза возрождающегося влияния ПКП-СЛ. Особенно это проявилось в зоне, название которой на языке официальных властей звучит как VRAE (сокращение от Huallaga and the Valley of the Apurimac and Ene Rivers) – районы Уаллага, долины рек Апуримак и Эне.

Со второй половины 2000-х гг. в этом районе заметно активизировались антиправительственные акции. Так, 9 апреля 2009 г. сендеристы совершили нападение на два армейских патрульных отряда, что привело к гибели 15 военных [7]. 2 августа 2009 г. группа из 50 боевиков атаковала полицейский пост в Сан-Хосе-де-Сече, результатом чего стала гибель трех полицейских и двух гражданских лиц [8]. Так же 2 сентября 2009 г. боевикам «Сендеро Луминосо» удалось даже сбить армейский вертолет, направленный для эвакуации трех солдат, раненных во время перестрелки с партизанами. В результате двое членов экипажа погибли, а один получил ранения [9].

Таким образом, только за первую половину 2009 г. нападений на военных в Перу стало так много, что эти новости напоминали сводки с мест боевых действий. Не менее тревожным фактом стала трансформация стратегии, используемой «Сендеро Луминосо».

В начале так называемой революции население сельской местности, привлеченное идеей борьбы за справедливость, на добровольной основе обеспечивало повстанцев всем необходимым, в том числе и личным составом, представленным в основном молодежью. Однако впо-

следствии крестьяне, опасаясь ответных карательных акций государства и непосредственно силовиков, старались дистанцироваться от сендеристов. Со своей стороны руководство «Сендеро Луминосо» стало прибегать к рекрутированию молодежи через принуждение, что привело к миграции сельского населения, избегавшего втягивания его в конфликт. Таким образом, «к середине 1984 года сельское население жило меж двух огней: “Сендеро Луминосо”, действовавшим в горах, и Rondas Campesinas, проводивших совместные с войсковыми подразделениями мероприятия по зачистке долины» [10, р. 23].

После разгрома и ареста лидеров руководство организации на протяжении пяти лет проводило, что называется, работу над ошибками, завершившуюся утверждением новой стратегии ПКП-СЛ. Организация отказалась от большинства методов ведения борьбы, осуществляемых ею в период с 1980 по начало 1990-х гг. К их числу следует отнести убийства без суда и следствия, похищения людей, шантаж, захват домов [7].

Иными словами, новое поколение «Сендеро Луминосо» признало чрезмерное насилие в отношении мирного населения одной из главных причин провала движения. Главным посылом новой стратегии вновь становится необходимость получения народной поддержки. Для этого «Сендеро Луминосо» должно было взять на себя обязательства по решению социально значимых и наиболее сложных задач в сельской местности, например создание системы водоснабжения для обеспечения крестьян питьевой водой, способствование строительству школ, спортивных площадок и т. д. [11].

Приведенные в качестве примера акции сендеристов – это дополнительное доказательство смены тактики и стратегии организации. Разница в подходах к этой проблеме способов ведения борьбы до ареста Гусмана и после очевидна. Так, ранее в условиях ведения масштабной террористической войны главными целями повстанцев являлись в основном символы империализма. Например, химический завод Байера или американское посольство, нападение на которое было совершено 31 августа 1981 г., или даже статуя Кеннеди в Мирафлоресе – богатом пригороде Лимы [12, р. 99]. Теперь же, согласно новой стратегии, главным противником последователей Гусмана, извлекивших урок из разгрома 1992 г., были объявлены представители правоохранительных структур и весь силовой блок. Лидер одного из подразделений «Сендеро Луминосо» в зоне VRAE Виктор Куиспе Паломино однознач-

но дал понять, что отныне мишенью ПКП-СЛ являются не столько транснациональные корпорации или какие-либо негосударственные коммерческие структуры, сколько «вооруженные силы, полиция, осуществляющие так называемую борьбу с терроризмом и наркобизнесом» [13].

Эти высказывания в сочетании с крупномасштабными акциями против подразделений армии и полиции убедительно доказывают ошибочность и недальновидность утверждений официальных властей о том, что отряды ПКП-СЛ скатились до уровня службы безопасности наркотрафика и не более того. «Сендеро Луминосо» остается леворадикальной коммунистической повстанческой организацией и в настоящее время стратегия, выбранная ею, во многом близка стратегии колумбийского FARC (Революционные вооруженные силы Колумбии). Созданная в 1964 г. как боевое крыло Колумбийского коммунистического движения, эта организация на протяжении длительного времени использовала прибыль от наркобизнеса как для содержания своих бойцов, так и для проведения мероприятий, направленных на популяризацию движения среди населения. В этой связи наиболее разумную оценку возможных дальнейших перспектив дал командующий перуанской армией генерал Отто Гибович, заявивший: «Если нами не будут предприняты необходимые усилия, мы рискуем столкнуться со своим собственным FARC» [11].

Причины, по которым ПКП-СЛ вновь стала набирать силу в Уаллаге и VRAE, сегодня по сути те же самые, что позволили Гусману в 1970-е гг. создать свою организацию и распространить ее влияние. Эти регионы продолжают оставаться на задворках экономического благополучия страны, что делает их население восприимчивым к повстанческой пропаганде. Несмотря на опыт 1980-х и 1990-х гг., в Уанкавелике, Аякучо и Апуримак средний доход основной массы населения на 60–89 % ниже прожиточного минимума [14].

Безусловно, сегодня уровень безопасности в главном городе провинции Аякучо несоизмеримо выше, чем в последней четверти XX в., но вместе с тем необходимо отметить катастрофически низкий уровень экономического развития региона. Довольно остро стоит проблема ограниченных связей указанных районов с такими крупными, динамично развивающимися экономическими центрами страны, как Писко, Куско, Лима и др. [15].

Пути сообщения и другая инфраструктура, связывающая экономически отсталое нагорье с дина-

мично развивающимся побережьем, либо находятся в удручающем состоянии, либо их просто не существует. Лима с ее населением более 9 млн человек продолжает доминировать при распределении финансовых ресурсов и привлекать к себе основное внимание центральных властей [16].

Неудивительно, что такое несправедливое отношение правительства к проблемам провинции заставляет обращаться население окраин к любым способам заработка, в том числе и незаконным. Отсутствие правовых экономических перспектив привело к резкому росту численности населения, занятого в производстве и обороте кокаина. В начале 2000-х гг. страна занимала вторую позицию по производству кокаина в мире. Согласно анализу Организации Объединенных Наций, уровень культивирования коки и производства наркотиков в отмеченный период значительно возрос [17].

Сочетание нищеты, отсутствие внимания правительства к проблемным регионам, увеличение производства коки создают благоприятную почву для роста антиправительственных настроений, чем успешно пользуются пропагандисты ПКП-СЛ. Усугубляет ситуацию в регионе и ликвидация правительством подразделений сил безопасности, сыгравших решающую роль в разгроме сендеристов в начале 90-х гг. Отсутствие агентуры среди повстанцев, должного внимания властей к проблеме поддержания профессионализма как военных, так и подразделений полиции, значительно снизили их способность противостоять акциям уцелевших отрядов «Сендеро Луминосо» [18].

Кроме того, подразделения *Rondas Campesinas*, которые на протяжении длительного времени не привлекались к борьбе с боевиками, растеряли былой опыт и на сегодняшний день настолько непрофессиональны, что просто не в состоянии достойно противостоять усиливающемуся влиянию «Сендеро Луминосо». Их лидеры всерьез обеспокоены процессом маргинализации *Rondas Campesinas*, вдобавок власти не сдержали обещаний относительно предоставления им медицинских и социальных льгот и гарантий. Более того, ряд руководителей отрядов самообороны пошли на сотрудничество с производителями коки [15].

Сегодня «Сендеро Луминосо» не представляет угрозы для Перу в той степени, как это было в последней четверти XX в., хотя власти признают, что организация продолжает оставаться проблемой, требующей решения. Разумеется, активизация «Сендеро» в начале 2000-х гг. не могла быть

не замечена властями. Естественной реакцией правительства на участвовавшие нападения на военных и подразделения полиции стало увеличение силового присутствия в нестабильных регионах. Причем, сделав ставку на силовиков, власти не отказались от реализации социальных проектов.

Иначе говоря, в сложившихся обстоятельствах для победы над «Сендеро Луминосо» и стабилизации обстановки перуанские власти вынуждены постоянно комбинировать и сочетать стратегии разнонаправленного характера, ориентированные, с одной стороны, на борьбу с террористами, а с другой – на улучшение социально-экономических показателей населения [19].

Надо отметить, что высокую активность в сотрудничестве с правительством Перу в этом направлении проявляет американская администрация. Заметную роль здесь стало играть Агентство США по международному развитию (USAID) и следует признать, что его деятельность, предполагавшая разработку альтернативных программ развития региона, имела определенный успех. Для реализации планов со стороны перуанских властей в *VRAE* и Уаллаги при поддержке USAID предпринимались всевозможные межведомственные меры. Так, в период с 2002 по 2009 г. USAID инвестировал более 110 млн дол. США. Было реализовано 703 государственных и 54 976 региональных проектов. Причем при их выполнении применялись различные подходы, предусматривающие укрепление позиций правительства, обеспечение необходимой инфраструктуры, развитие путей сообщения, создание облегченного режима доступа населения к рынкам и облегчение доступа к услугам здравоохранения [14].

Остается лишь наблюдать, сумеет ли руководство Перу, используя эту поддержку, разрешить данный кризис, сочетая борьбу против вооруженных повстанцев с преобразованиями в социальной сфере.

Литература

1. *Слинько А.А.* Политические процессы в Перу: проблемы перехода к демократии в условиях кризисного развития : дис. ... д-ра полит. наук. М., 1994. 334 с.
2. *Wickham-Crowley T.P.* Guerrillas and Revolution in Latin America. Princeton University Press, 1992. 424 p.
3. *Fishel J.T., Manwaring M.G.* Uncomfortable Wars Revisited for a detailed analysis of the Peruvian strategy. University of Oklahoma Press, 2006. 309 p.
4. Interview with Enrique Obando (Lima, Peru, July 16, 2009).

5. Lane Ch. Superman Meets Shining Path: Story of CIA Success // *The Washington Post*. 2000. December 7.

6. Palmer D.S. History Politics and Shining Path in Peru // *Shining Path of Peru*. New York: St Martin's Press, 1994. 299 p.

7. Sendero Luminoso document, Balance de la primera contracampaña política y militar de la guerra popular democrática de resistencia nacional antiimperialista yanqui. Available at: <http://www.larepublica.pe/files/image/2009/enero/08/Documento%20Narcoterrorista.a.pdf> (accessed October 11, 2020).

8. Por lo menos 50 terroristas atacaron sede policial del poblado de San Jose de Secce // *El Comercio*. 2009. August 2.

9. Helicóptero Caído Cumplía Misión de Rescate de Heridos // *El Comercio*. 2009. September 3.

10. Del Pino P. Familia, cultura y "revolución". Vida cotidiana en Sendero Luminoso // *Los senderos insólitos del Perú: Guerra y sociedad, 1980–1995*, editado por Steve J. Stern. Lima: Instituto de Estudios Peruanos y Universidad Nacional de San Cristóbal de Huamanga, 2007. P. 161–191.

11. Si no hacemos algo tendremos unas FARC // *El Comercio*. 2009. April 19.

12. Gorriti G. The Shining Path: A History of the Millenarian War in Peru. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1999. 299 p.

13. Sendero Luminoso asume ataque del jueves contra Ejército que dejó 14 muertos // *El Comercio*. 2009. April 14.

14. USAID Peru Project Chart. 2009. 33 p.

15. Interview with Rondas Campesinas commander. Ayacucho, Peru, July 15, 2009.

16. Instituto Nacional de Estadística e Informática, Censos Nacionales 2007: XI Población y VI de Vivienda, 2007. Available at: <http://censos.inei.gob.pe/censos2007/documentos/ResultadoCPV2007.pdf> (accessed October 11, 2020).

17. UN World Drug Report. 2010. 234 p.

18. Obando E. Otra Vez Sendero // *El Comercio*. 2006. January 24.

19. Kilcullen D. Two Schools of Classical Counterinsurgency / Discussion on Small Wars Journal. January 27, 2007. Available at: <https://smallwarsjournal.com/blog/two-schools-of-classical-counterinsurgency> (accessed October 19, 2020).

2. Wickham-Crowley T.P. (1992). *Guerrillas and Revolution in Latin America*. Princeton University Press, 424 p.

3. Fishel J.T., Manwaring M.G. (2006). *Uncomfortable Wars Revisited for a detailed analysis of the Peruvian strategy*. University of Oklahoma Press, 309 p.

4. Interview with Enrique Obando (Lima, Peru, July 16, 2009).

5. Lane Ch. (2000). Superman Meets Shining Path: Story of CIA Success. *The Washington Post*, December 7.

6. Palmer D.S. (1994). History Politics and Shining Path in Peru. *Shining Path of Peru*. New York, St Martin's Press, 299 p.

7. Sendero Luminoso document, Balance de la primera contracampaña política y militar de la guerra popular democrática de resistencia nacional antiimperialista yanqui. Available at: <http://www.larepublica.pe/files/image/2009/enero/08/Documento%20Narcoterrorista.pdf> (accessed October 11, 2020).

8. Por lo menos 50 terroristas atacaron sede policial del poblado de San Jose de Secce. (2009). *El Comercio*, August 2.

9. Helicóptero Caído Cumplía Misión de Rescate de Heridos. (2009). *El Comercio*, September 3.

10. Del Pino P. (2007). Familia, cultura y "revolución". Vida cotidiana en Sendero Luminoso. *Los senderos insólitos del Perú: Guerra y sociedad, 1980–1995*, editado por Steve J. Stern. Lima, Instituto de Estudios Peruanos y Universidad Nacional de San Cristóbal de Huamanga, pp. 161–191.

11. Si no hacemos algo tendremos unas FARC. (2009). *El Comercio*, April 19.

12. Gorriti G. (1999). *The Shining Path: A History of the Millenarian War in Peru*. Chapel Hill, University of North Carolina Press, 299 p.

13. Sendero Luminoso asume ataque del jueves contra Ejército que dejó 14 muertos. (2009). *El Comercio*, April 14.

14. USAID Peru Project Chart. (2009). 33 p.

15. Interview with Rondas Campesinas commander. (2009). Ayacucho, Peru, July 15.

16. Instituto Nacional de Estadística e Informática, Censos Nacionales 2007: XI Población y VI de Vivienda. (2007). Available at: <http://censos.inei.gob.pe/censos2007/documentos/ResultadoCPV2007.pdf> (accessed October 11, 2020).

17. UN World Drug Report. (2010). 234 p.

18. Obando E. (2006). Otra Vez Sendero. *El Comercio*, January 24.

19. Kilcullen D. (2007). Two Schools of Classical Counterinsurgency. Discussion on Small Wars Journal. January 27, Available at: <https://smallwarsjournal.com/blog/two-schools-of-classical-counterinsurgency> (accessed October 19, 2020).

References

1. Slinko A. A. (1994). *Political processes in Peru: Problems of transition to democracy in a crisis development*. Dissertation Thesis. Moscow, 334 p. (in Russian).

Поступила в редакцию / Received

12 октября 2020 г. / October 12, 2020

УДК 94 (470.6) «18»: 325.3
doi 10.18522/2687-0770-2020-4-85-90

ФАКТОР НАСИЛИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ И СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ НА СЕВЕРО-ВОСТОЧНОМ КАВКАЗЕ В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XIX ВЕКА

© 2020 г. Д.К. Маркова ^а

^а Пятигорский государственный университет, Пятигорск, Россия

THE FACTOR OF VIOLENCE IN POLITICAL AND SOCIO-CULTURAL COMMUNICATION IN THE NORTH-EASTERN CAUCASUS IN THE LATE 18th - EARLY 19th CENTURY

D.K. Markova ^а

^а *Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia*

Маркова Дарья Константиновна –
аспирант, кафедра исторических
и социально-философских дисциплин,
востоковедения и теологии,
Пятигорский государственный университет,
пр. Калинина, 9, г. Пятигорск, 357532, Россия.
E-mail: mjiamlove@mail.ru

Daria K. Markova -
Postgraduate,
Department of the Historical and Socio-Philosophical
Subjects, Oriental Studies and Theology,
Pyatigorsk State University,
Kalinina Ave, 9, Pyatigorsk, 357532, Russia.
E-mail: mjiamlove@mail.ru

Рассматривается проблема использования насилия как аргумента в коммуникативных связях на Северо-Восточном Кавказе до начала активизации здесь российской политики. Дается оценка набеговой практики горцев на сопредельные территории. Более других от набегов страдала Грузия, которая даже вынуждена была откупаться от разбойных нападений, которые приобрели регулярный, сезонный характер. Выясняется влияние этого фактора на специфику российско-северокавказских отношений. После того как в крае стали появляться русские населенные пункты, вектор горских вторжений переместился с южного на северное направление. Это не могло не вызвать ответной, весьма жёсткой реакции империи. Поднимается вопрос о роли походов за добычей в социализации горского юношества. Разбираются обстоятельства использования набегов для уменьшения социальных противоречий внутри местных обществ, их роли в выделении знати. Одним из последствий таких шагов станет распространение торговли рабами. Выдвигается предположение, что сформировавшаяся в результате этих действий идеология в дальнейшем послужит фундаментом для учения мюридизма. Попытка Российской империи заставить горцев отказаться от таких действий вызовет враждебную реакцию и выльется в ожесточённое сопротивление.

Ключевые слова: граница, культура, общество, набеги, знать, Северный Кавказ, идеология, экономика.

The problem of the use of violence as an argument in communication in the North-East Caucasus before the start of Russian policy activation is considered. An assessment of the mountaineers' raiding practice to adjacent territories is given. That had the most painful effect on the situation in Georgia, which even had to buy off enemy invasions, which had acquired a regular, seasonal character. The influence of this factor on the specifics of Russian-North Caucasian relations is being clarified. After Russian settlements began to appear in the region, the vector of the mountain invasion moved from the south to the north. This could not but cause a response, a very harsh reaction from the empire. The question about the role of hunting trips in the socialization of mountain youths raised. The circumstances of the use of raids to reduce social contradictions within local societies, their role in the selection of the nobility are examined. One of the consequences of such steps will be the spread of the slave trade. It is suggested that the ideology formed as a result of these actions will become the foundation for the teaching of Muridism in the future. An attempt of the Russian Empire to force the mountaineers to abandon such actions will cause a hostile reaction and result in fierce resistance.

Keywords: border, culture, society, raids, nobility, North Caucasus, ideology, economy.

Обретение новой границы на юге и присоединение Картли-Кахетинского царства в начале XIX в. делали неизбежным распространение на народы Северного Кавказа российских импер-

ских порядков со всеми их благами и недостатками. Державный опыт отличался гибкостью и значительной терпимостью к «инаковости» своих полиэтничных окраин. Однако были и такие особенности местного уклада и менталитета, которые невозможно было встроить в государственное правовое пространство.

Насилие являлось одним из базовых аргументов в выстраивании межэтнической и межкультурной коммуникации на Северном Кавказе. Скудная экономическая база, хотя и могла обеспечить прожиточный минимум, но не давала возможности стимулировать социальное развитие местных сообществ. В этих обстоятельствах именно вооружённый захват добычи и одновременно предоставление услуг по защите своих соплеменников могли стать инструментом по приобретению привилегированного статуса, изменению положения как отдельного человека, так и его потомков. В условиях региона таким способом стала набеговая традиция, являвшаяся серьёзным раздражителем в выстраивании российско-северокавказских связей. Попытки Российской империи пресечь уже устоявшуюся практику грабежей и разбоев воспринимались как непонятное и чуждое вмешательство в естественное мироустройство.

Царские власти пытались оградить Грузию, которая с начала XIX в. стала частью государственного пространства России, от горских набегов. Непропорционально жёсткой (с точки зрения местных удальцов) была реакция русского правительства на попытки захватить добычу в казачьих станицах, число которых по мере укрепления империи в Предкавказье возрастало. Там, где раньше наказание ограничивалось ответным угоном скота или мстью конкретному кровнику и его близким, теперь происходили масштабные репрессалии и практиковалась коллективная ответственность всех без исключения соплеменников «набежчика».

Со временем число взаимных претензий и обид только нарастало. Помимо уже привычной статусной и материальной заинтересованности набеговый промысел стал восприниматься и как важный атрибут конфессиональной идентичности, в котором каждый «истинно» верующий был обязан доказать свою лояльность обществу, участвуя в войне против неверных – «джихаде». Российская власть не могла не реагировать на такое развитие ситуации, с каждым годом усиливая давление на непокорных. В свою очередь горцы заметно улучшили механизм набегового

промысла, придав ему невиданную доселе организованность и идеологическое обоснование [1, с. 11–12].

Но, как ни странно, именно через взаимную неприязнь и противоборство обе стороны лучше узнавали друг друга, перенимая отдельные элементы культуры и вместе вырабатывая принципы сосуществования. Неизбежность насилия не стала фатальной и непреодолимой преградой на пути формирования феномена «российскости» как доказавшего свою жизнеспособность способа долгосрочного исторического партнёрства [2, с. 7].

Набеговая система, к тому же являвшаяся ещё и элементом социализации для автохтонного населения региона, уже не раз становилась объектом пристального внимания исследователей [3, с. 109–146]. В той или иной степени она была характерна для всех обществ Северного Кавказа, но наибольший интерес вызывают её проявления в Дагестане, Чечне, Кабарде и Закубанье, т.е. там, где развернутся основные события, связанные с вооружённым противостоянием России части горцев.

Так, на северо-востоке региона такой деятельностью активно промышляли «вольные» общества, которые проживали преимущественно в горных районах края. Скудость местных ресурсов толкала население на поиск компенсирующего источника дохода, делала привлекательной опасную, но одновременно прибыльную экспансию на юг, в пределы Грузии. Это могли быть не только разорительные набеги, но и вполне легальное наёмничество, которое позволяло превратить в осязаемые материальные блага военно-охранительные услуги. Насилие весьма успешно коммерциализировалось и являлось востребованным и перспективным видом деятельности.

Размах его вызвал серьёзный политический и экономический кризис, который среди прочих причин поставил грузин на грань демографической катастрофы и стал одним из побудительных факторов в поиске надёжного покровителя, который в итоге и привёл страну под скипетр русского царя. Полученная прибыль измерялась не только материальными благами, но могла конвертироваться ещё и в социальный капитал. Успешный предводитель пользовался уважением у соплеменников, мог рассчитывать на высокий статус и, соответственно, власть над ними.

Набеговая экспансия с её культом насилия служила ещё и средством этнического сплочения, снимала возможные социальные противопо-

речия, решая внутренние проблемы посредством внешней агрессии. Отмечается «двоякое значение экспансии: с одной стороны – усиление власти, рост богатства и влияния феодализовавшейся знати, а с другой – удовлетворение минимальных материальных запросов общинников и благодаря этому сглаживание внутри общества социальных противоречий; за счёт войны, набегов внутренние противоречия выносились как бы вовне общины и разрешались за счёт соседей. Через военную демократию прошли общества, где война стала регулярной функцией народной жизни и где в походы, завоевания и переселения вовлекалось большинство населения» [3, с. 117].

Данное явление зародилось задолго до появления России на Кавказе. Однозначно определить начало экспансии горцев на сопредельные территории вряд ли возможно, но как система набеговая практика сложилась уже в XVII в. Тогда она получила социальную мотивацию, первоначально связанную с обычной миграцией и постепенно приобрела всё более brutальные черты. Первой мишенью набегов стала Кахетия, но затем масштабы вторжений возрастают. Доходит до того, что местный правитель вынужден был перенести свою столицу, а почувствовавшие свою мощь «набежчики» к середине XVIII в. не покушались разве что на морские побережья Закавказья. Подсчитано, что ежегодно разорялись в среднем до 300 дымов, а наиболее желанной добычей становились пленные и скот, т.е. то, что можно было угнать без использования дополнительного транспорта. Вторжения осуществляли как небольшие ватаги «удальцов», так и крупные отряды из нескольких тысяч человек. Малочисленные воинские контингенты царской армии, которые появились в Грузии согласно условиям Георгиевского трактата, также не могли противостоять столь грозной силе.

Набегам подвергались и народы Северного Кавказа. Так, могущественный Умма-хан, возглавлявший Аварию, в 70–80-е гг. XVIII в. собирал со своих соседей ежегодно до 85 тыс. рублей серебром. Этот предводитель сумел объединить вокруг себя соплеменников, которые, будучи вольными узденями, при этом готовы были подчиняться ему, отдавая должное воинским талантам и удачливости хана. Ведь «дополняя недостаток материальных средств дерзкою предприимчивостью и необыкновенною неустрашимостью, он обратил на себя внимание

всех лезгин» [4, с. 34]. Хан сумел направить военный и социальный потенциал горцев на повышение эффективности набегового промысла, выведя его на качественно новый уровень. При нём «лезгины до того сделались страшными, что цари Грузии, ханы пограничных областей Персии и паши турецкие, принуждаемы были откупаться ежегодною данью» [5, с. 14].

Политика силы, проводимая от имени и под руководством Умма-хана, стала причиной зарождения новой социально-политической и культурной реальности, меняя не только отношение к Аварскому ханству у соседей, но и выстраивая новую социальную конструкцию среди самих подданных этого феодального владельца. Это был своеобразный предтеча предводителей и идеологов мюридизма, так как он имел тот же общественный фундамент, что и легендарные три имама [3, с. 121]. С помощью насилия занимали свои посты и другие феодализирующиеся лица на Северо-Восточном Кавказе, «чему примеров очень много» [6, с. 6].

Насилие как инструмент использовалось для формирования государственности у местных народов и в дальнейшем легло в основу появившегося здесь теократического образования. Никакие другие виды коммуникаций не могли сравниться с ним в своей эффективности, так как скудость экономической базы, культурная обособленность, вызванная географическим изоляционизмом, делали другие виды совместной деятельности в лучшем случае вспомогательными факторами. Лишь участвуя в общем военном предприятии, горцы начинали ощущать своё единство, в том числе и духовное. Всё это было связано «с трансформацией и видоизменением старых, родовых по своему происхождению органов управления, с приспособлением их к усложнившейся социальной структуре» [7, с. 96].

Насилие оказалось весомым доводом и в выстраивании диалога с властями Персии и Османской Порты. Эти государства видели в территории Закавказья часть своих владений и какое-то время пытались остановить горскую экспансию. Однако если возникала необходимость использовать разрушительный потенциал этих обществ для ослабления соперников, к дагестанцам отправлялись посланники от шаха и султана с призывом усилить набеги. Для самих горцев политическая сторона вопроса была второстепенной, а на первое место выходила экономическая целесообразность. Наёмничество

стало прибыльной сферой деятельности, независимо от конфессиональной и этнической принадлежности нанимателя. Отсюда возникала и мнимая «недоговороспособность» местных сообществ. Они легко меняли политические предпочтения, вступая в недолговечные союзы, принимая и нарушая клятвы. Неизменным оставались лишь интересы, направленные на получение социально-экономической выгоды от набеговой практики. Всё это выглядело как война всех против всех, ибо нападению подвергались не только дальние, но и ближние соседи, возникали «междоусобные брани и родовая вражда племён» [6, с. 5].

Когда Россия попыталась убедить горцев отказаться от такой деятельности, она столкнулась с жёстким сопротивлением с их стороны. Оказалось, что достойной альтернативы практике насилия ни в политической, ни в социокультурной коммуникации просто не существовало, а потому уговоры, эпизодические репрессалии, торговая блокада, которые устраивала Россия, ожидаемого результата не приносили. Более того, градус вражды только усиливался, и какое-то время был определяющим во взаимоотношениях царизма и приверженцев мюридистского учения. Вектор набегов переориентировался с южного на северное направление, и теперь уже русские города, станицы и сёла сделались желанной мишенью для отрядов горских удальцов. Отмечалось, что они «весьма наклонны к грабежу и разбою, в коих беспрерывно упражняясь, получили навык и охоту продолжать сколько прибыльный, столько же и безопасный для них промысел» [8, с. 314].

При этом местные племена не ограничивались только акциями на суше, а стремились найти прибыль и в пиратских нападениях на неосторожно приблизившиеся к их владениям купеческие суда. Как констатировал С. Броневский, рассказывая о ситуации на Каспии в первых десятилетиях XIX в., «неискусные лодманы, плавая на ненадёжных судах, не смеют отдаляться от берегов, усеянных подводными камнями и мелями, от чего при малейшей непогоде случаются кораблекрушения. Каракайдаки стерегут таковые происшествия, бросаются в лодки и довершают несчастье погибающих, расхищая товар и забирая людей в плен» [8, с. 315]. Всё это сильно напоминает злоключения русского купца Афанасия Никитина, столкнувшегося с подобным видом «приработка» ещё в XV в. [9, с. 6], и лишний раз показывает, что

разбойный промысел был обыденным для местных реалий, и российский фактор не являлся породившей его причиной.

В Чечне размах набегов начал возрастать ещё до того времени, как здесь стала укрепляться власть империи. У. Лаудаев объяснял это явление падением нравов, что, видимо, было связано с попыткой удачливых предводителей отрядов «набежчиков» – бяччи – возвысить и закрепить свой статус среди соплеменников. Прежний эгалитаризм, «обычай отцов», основанные на адате, лишь мешали таким успешным воинам становиться хозяевами новой жизни. Лозунг этих людей – «Мир наш, кто, кроме нас, на свете!». Попытка избрать иной способ укрепления своего статуса приводила к падению авторитета, а доблестью считались лишь грабёж и воровство. Чеченцы начали осваивать хозяйственную нишу, которую ранее закрепили за собой адыги, а именно – захват и продажа «живого товара» в соседние государства. Примечательно, что такого рода «буйствования» могли совершать как отдельные удальцы, так и целые сильные фамилии, которые «убивали и резали друг друга почти без причины» [10, с. 26].

По мнению М.М. Блиева, такая ситуация была связана с подъёмом экономики, вызванным массовым переселением чеченцев на равнинные земли и развитием частной собственности [3, с. 125]. Для нас важно в данном случае то, что насилие стало для них способом поддержания этих трансформаций. Их неизбежность и предопределённость вызвала серьёзные сомнения. Они могли быть прерваны как под влиянием неблагоприятной внешней конъюнктуры, в частности, жёсткой конкуренцией со стороны уже освоившихся на равнине народов, так и в процессе сопротивления собственных патриархально-родовых институтов. Чеченская история знает немало примеров, когда укрепившаяся элита изгонялась или даже уничтожалась при попытке институализировать своё положение в обществе [10, с. 26].

Россия своей политикой создала условия для освоения вайнахами (чеченцами и ингушами) равнинных территорий. В Петербурге рассчитывали получить за это лояльность и преданность со стороны местных сообществ. Но по мере усиления экономического, а затем и военного могущества чеченцев они всё чаще прибегали к насилию и отнюдь не стремились иметь какие-либо обязательства перед империей. Даже воинские отряды теперь не всегда могли спра-

виться с их возросшими возможностями – достаточно вспомнить провальную экспедицию полковника Пиери летом 1785 г., в ходе которой его войска «были совершенно разбиты; убитых было такое множество, что из кольев, которым был огорожен аул и на которые выставлены были головы русских, остались без трофея только два кола» [10, с. 61].

Столь демонстративное отношение к телам павших неприятелей стало неотъемлемой частью той культуры насилия, которая сложилась среди местных сообществ. Это был посыл к соперникам и конкурентам, невербальная форма воздействия, призванная подавить волю к сопротивлению [11, с. 171–176].

Во время выступления шейха Мансура была впервые опробована новая, надэтническая идеология, которая должна была сплотить разрозненные племена под знамёнами джихада и усилить возможности набеговой практики. Сопровождаясь религиозной экзальтацией общества, эта стихия приобрела не только экономическое звучание. Она стала инструментом по формированию новой элиты, чей статус оправдывался вкладом в борьбу против «неверных». Произошла легитимизация насилия уже на качественно новом уровне. Отныне это был убедительный довод в пользу переустройства общества на основе неравенства и обособления социальной верхушки. Верховная власть сосредоточивалась в руках родовой знати, пока ограничиваясь временем похода (набега), но в перспективе она должна была сохраняться и в остальное время. Для наиболее сильных родов (тайпов) на первое место выходили не столько совместные хозяйственные интересы, сколько военно-карательные функции, которые оказались куда как прибыльнее, хотя и опаснее прежних занятий [3, с. 136].

Таким образом, России пришлось столкнуться с обществами, которые выработали весьма эффективную модель мобилизации своего воинского потенциала для отражения любых попыток навязать им новый образ жизни. Уже имеющиеся традиции выглядели оптимальными и доказавшими свою жизнестойкость. Они решали проблему социализации юношества, которые, участвуя в набегах, получали «путёвку в жизнь», доказывали свою состоятельность и готовность защитить себя и своих сородичей. Они приносили доход и повышали авторитет, позволяя зарабатывать символический капитал в виде уважения сородичей к храброму, удачливому и щедрому удальцу. Наконец, они служили

механизмом смягчения внутриэтнических противоречий, переключая имеющиеся проблемы на соседей, становившихся мишенью для грабежа.

Империя с её непонятным и откровенно чуждым призывом к абстрактному порядку и гуманизму, попытками монополизировать насилие вызывала отторжение. Её богатства становились провоцирующим фактором, переориентировали вектор горской агрессии на новую цель. Соседи-горцы, которые исповедовали похожие ценности, были понятным и приемлемым раздражителем. Конфликт с ними имел затяжной характер и мог то разгораться, то надолго затихать. Он не покушался на глубинную суть их социокультурных основ. Россия же демонстрировала совершенно новый миропорядок, а её реакция на горскую «удаль» была направлена не столько на компенсацию своих потерь, сколько на принуждение местных сообществ принять державные ценности. Поэтому очень скоро она делается главным противником для всех тех, кто не желал отказываться от привычного уклада и готов был с оружием в руках отстаивать своё право на его сохранение.

Литература

1. Клычников Ю.Ю. Северный Кавказ: старые промыслы в новом измерении (Историко-политологические очерки) / под ред. и с предисл. С.Л. Дударева. Пятигорск : ПГЛУ, 2016. 99 с.
2. Виноградов В.Б. Современные аспекты российского кавказоведения (Мозаика новейших публикаций). Москва; Армавир, 2007. 60 с.
3. Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война. М. : Росет, 1994. 592 с.
4. Неверовский А.А. Краткий исторический взгляд на Северный и Средний Дагестан до уничтожения влияния лезгинов на Закавказье. СПб., 1848. 42 с.
5. Милотин Д. Описание военных действий 1839 года в Северном Дагестане. СПб., 1850. 144 с.
6. Гаджи-Али. Сказание очевидца о Шамиле // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1873. Вып. VII. С. 1–76.
7. Хазанов А.М. «Военная демократия» и эпоха классового образования // Вопросы истории. 1968. № 12. С. 87–97.
8. Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823. 465 с.
9. Хожение за три моря Афанасия Никитина / подгот. Я.С. Лурье и Л.С. Семенов. Л. : Наука, 1986. 214 с.

10. Лаудаев У. Чеченское племя // Сборник сведений о кавказских горцах. 1872. № 6, ч. I. С. 1–62.

11. Клычников Ю.Ю. «Труп холодный мертвеца / в землю с честью не лег...» (отношение к павшим в реалиях войны на Кавказе) // Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Северного Кавказа за 2003 год. Дикаревские чтения (10). Краснодар : Мир Кубани, 2004. С. 171–176.

References

1. Klychnikov Yu.Yu. (2016). *The North Caucasus: Old trades in a new dimension (historical and political studies)*. S.L. Dudarev (Ed.). Pyatigorsk, PSLU Press, 99 p. (in Russian).

2. Vinogradov V.B. (2007). *Modern aspects of Russian Caucasian studies (Mosaic of the latest publications)*. Moscow, Armavir, 60 p. (in Russian).

3. Bliев M.M., Degoeв V.V. (1994). *Caucasian War*. Moscow, Roset Publ., 592 p. (in Russian).

4. Neverovsky A.A. (1848). *A brief historical look at Northern and Middle Dagestan before the destruction of the influence of the Lezgins in the Transcaucasus*. Saint Petersburg, 42 p. (in Russian).

5. Milyutin D. (1850). *Description of military operations in 1839 in Northern Dagestan*. Saint Petersburg, 144 p. (in Russian).

6. Haji-Ali (1873). An eyewitness account about Shamil. *Collection of information about the Caucasian highlanders*. Tiflis, iss. VII, pp. 1-76. (in Russian).

7. Khazanov A.M. (1968). “Military democracy” and the era of class formation. *Voprosy istorii*, No. 12, pp. 87-97. (in Russian).

8. Bronevsky S. (1823). *The latest geographical and historical news about the Caucasus*. Moscow, 465 p. (in Russian).

9. *Voyage across three seas of Afanasy Nikitin*. (1986). Edition prepared by Ya.S. Lurie and L.S. Semenov. Leningrad, Nauka Publ., 214 p. (in Russian).

10. Laudaev U. (1872). Chechen tribe. *Collection of information about the Caucasian highlanders*, No 6, part I, pp. 1-62. (in Russian).

11. Klychnikov Yu.Yu. (2004). “The corpse of a cold dead man / in the ground with honor did not lie...” (attitude towards the fallen in the realities of the war in the Caucasus). *Results of folklore and ethnographic studies of ethnic cultures of the North Caucasus for 2003. Dikarev's readings (10)*. Krasnodar, Mir Kubani Publ., pp. 171-176. (in Russian).

Поступила в редакцию / Received

22 сентября 2020 г. / September 22, 2020

УДК 94 (41/99)
doi 10.18522/2687-0770-2020-4-91-101

ВЕЙМАРСКАЯ РЕСПУБЛИКА И ФРАНЦИЯ: ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ДВУХ НЕПРИМИРИМЫХ СОПЕРНИКОВ В ПОСТВЕРСАЛЬСКИЙ ПЕРИОД

© 2020 г. Н.Е. Пуховская^а

^а Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

THE WEIMAR REPUBLIC AND FRANCE: RELATIONSHIP PROBLEMS BETWEEN TWO BITTER RIVALS IN THE POST-VERSAILLES PERIOD

N.E. Pukhovskaya^а

^а Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Пуховская Наталья Евгеньевна –
кандидат исторических наук, доцент,
Южный федеральный университет,
ул. Большая Садовая, 33, г. Ростов-на-Дону,
344082, Россия.
E-mail: nepuhovskaya@sfnu.ru

Natalia E. Pukhovskaya -
Candidate of History, Associate Professor,
Southern Federal University,
Bolshaya Sadovaya St., 33, Rostov-on-Don,
344082, Russia.
E-mail: nepuhovskaya@sfnu.ru

Рассматривается процесс трудного, конфронтационного взаимодействия двух давних европейских соперников – Франции и Германии. На конкретных исторических примерах и событиях исследуются не только стиль политико-дипломатического поведения двух стран, но и укоренившиеся коллективные представления французов и немцев в отношении друг друга. Конкретно-исторический анализ позволяет сделать вывод о формировании устойчивого национального стереотипа «врага», укоренившегося в сознании в условиях обострения франко-германских отношений. Исследование феномена франко-германских взаимоотношений в постверсальский период позволяет оценить политико-дипломатические, эмоционально-психологические, социально-экономические и международные последствия противостояния двух стран, основой которого явилось коллективное противостояние, пропитанное взаимной неприязнью и враждебностью.

Ключевые слова: Версальский договор, Франция, Веймарская республика, репарационные платежи, оккупация Рура, немцы, французы, левый берег Рейна, оккупационный режим, Германия, франко-германские отношения, конференция, демилитаризованная зона, План Дауэса, План Юнга.

The article considers the process of difficult, confrontational interaction between two long-standing European rivals, France and Germany. Using specific historical examples and events, the author explores not only the style of political and diplomatic behaviour of the two countries, but also the deep-rooted collective perceptions of the French and Germans in relation to each other. The specific historical analysis carried out within the framework of this article allows concluding that a stable stereotype of the 'enemy' was formed and rooted in the people's minds on both ends of aggravated Franco-German relations. The study of the phenomenon of Franco-German relations in the post-Versailles period makes it possible to assess the political and diplomatic, emotional and psychological, socio-economic and international consequences of the confrontation between the two countries, the basis of which was a collective confrontation saturated with mutual dislike and hostility.

Keywords: Treaty of Versailles, France, the Weimar Republic, reparation payments, occupation of the Ruhr, Germans, French, left bank of the Rhine, occupation regime, Germany, Franco-German relations, conference, demilitarized zone, Dawes Plan, Young Plan.

Версальский мирный договор явился поворотным пунктом в исторической судьбе послевоенной Германии. Крайне негативное отношение немецкой нации к версальским договоренностям было вполне оправданным, поскольку жесткие и несправедливые условия основыва-

лись на принципах карательной «справедливости» в отношении поверженной Германии. Адмирал А. фон Тирпиц так охарактеризовал послевоенное положение страны: «Новая эра начала свое господство с того, что в дополнение ко всем несчастьям нашего народа отняла у него

честь, отдала его на позор всему миру и позволила нашим врагам беспощадно уничтожить нас, ибо теперь они могли внушить всему свету..., что мы являемся преступниками и не заслуживаем иного обращения» [1].

Несмотря на вполне оправданное немецкое недовольство позицией держав-победительниц, особенно непримиримостью Франции, немцы прекрасно понимали, что самым главным для Германии было то, что договор не представлял угрозу целостности государства. Как раз наоборот, можно сказать, что война и революция подтвердили сформированное в 1871 г. внутреннее единство страны [2, с. 144].

2 сентября 1919 г., выступая в Палате депутатов от имени правительства Франции и предлагая ратифицировать Версальский договор, А. Тардьё заявил: «Мы получили все, что требовали и даже больше» [3, с. 7]. Французский политик старался быть убедительным в своих доводах, утверждая, что Франции удалось переписать карту Европы согласно своим планам, однако Тардьё откровенно и неприкрыто лицемерил, отдавая себе отчет в том, что его слова далеки от истины.

Пафосные выступления французских политиков были ширмой для прикрытия новых страхов и опасений перед германской угрозой в недалеком будущем. Несмотря на жесткие, пропитанные германофобскими нотками статьи Версальского договора, он отнюдь не являлся победой французской дипломатии, поскольку ей не удалось убедить своих союзников-партнеров в необходимости территориального расчленения Германии. Первостепенной задачей для французов было добиться их согласия на то, чтобы отделить от Германии левый берег Рейна. Ставилась также задача выделить Баварию из состава рейха в качестве самостоятельного государства. Расчленение Германии – такова была заветная мечта и стратегическая цель французских националистов. Отторжение от Германии западного (левого) берега Рейна и подчинение его французскому влиянию и было частью этого замысла [4, с. 80].

Французы не скрывали своей заинтересованности в Рейне и значимости этой реки в решении проблемы послевоенной безопасности. С точки зрения Тардьё, «вопрос Рейнской области полностью обусловлен Рейном. Эта река регулирует все. Если являешься господином Рейна, являешься господином всего края. Если не находишься на Рейне, значит, все потерял» [3,

с. 161]. Продолжая рассуждать на эту столь актуальную для Франции тему, Тардьё замечал: «До тех пор, пока мы будем держать барьеры Рейна, мы будем полностью и с малыми издержками господами на левом берегу. Если же, напротив, мы покинем Рейн, то ... неприятель сможет в любую минуту, когда он только захочет, напасть на нас» [3, с. 161].

Причина французских притязаний в отношении Рейна была четко проанализирована в 1920 г. британским журналом «Economist». Долина Рейна, согласно этому анализу, обладала богатством, не имеющим себе равного в мире. Хотя Рейн – не самая большая река, но ни у одной другой нет таких громадных и разнообразных богатств. На левобережье расположены самые богатые в Европе железорудные залежи Лотарингии и Люксембурга, а в непосредственном соседстве с правым берегом Рейна – огромные угольные копи Рурского бассейна, которые содержат в себе гораздо больше угля, чем во всей Великобритании. В малозаселенных горах в верхнем течении Рейна находятся самые богатые в Европе ресурсы гидравлической силы, которую можно превратить в дешевую электроэнергию. Таким образом, сравнительно незначительная территориально Рурская область может стать величайшим промышленным центром в Европе, а возможно, и во всем мире, так как сосредоточивает в себе одновременно и колоссальные ресурсы гидравлической силы, и неисчислимые сырьевые ресурсы руды и угля [4, с. 80].

Выполнение двух весьма значимых для Франции задач – решение Рейнской проблемы и отделение Баварии – было возложено на Тардьё, который в ходе работы Парижской мирной конференции приложил для этого немало усилий и блестяще представлял доводы французской стороны, обосновывая необходимость территориального дробления Германии и отделения левого берега Рейна. Доводы Тардьё сводились к тому, что реализация предложенных французской делегацией планов лишит Германию возможности осуществлять свои агрессивные, захватнические проекты в будущем, от чего напрямую зависела безопасность Франции.

Однако французам пришлось столкнуться с решительным сопротивлением со стороны англичан и американцев, которые блокировали эти требования. Согласно версальским договоренностям, левый берег Рейна, оставаясь в составе Германии, был объявлен демилитаризованной зоной, разделенной на четыре оккупационные

зоны (французскую, бельгийскую, британскую, американскую); Кёльн находился в английской зоне оккупации [4, с. 85].

Англичане и американцы предложили французам в качестве компенсации за отказ от требований отделения левого берега Рейна заключить особые, так называемые «гарантийные договоры», которые позволили бы прийти на помощь Франции в случае нападения со стороны Германии. Более того, чтобы погасить французские волнения и страхи по отношению к германской угрозе, союзники предложили еще один инструмент, позволяющий регулировать поведение Германии, суть которого сводилась к возможности продления оккупационного режима в случае невыполнения немецкой стороной ее репарационных обязательств.

Англо-американские предложения не внушали доверия французам, которые справедливо полагали, что Версальский мирный договор мог обеспечивать полные гарантии только на срок в 5 лет, в течение которого Германия, несомненно, не в состоянии причинять вред. «По мере того как германское государство снова начнет крепнуть и опасность станет возрастать, ценность гарантий будет снижаться, пока к концу 15 лет они окончательно не перестанут существовать», – возражали члены французской делегации [3, с. 161].

Однако французам пришлось пойти навстречу своим союзникам, что вызвало откровенное негодование со стороны некоторых представителей французской элиты. Президент Р. Пуанкаре пророчески предупреждал премьер-министра Ж. Клемансо, что «Англия и Америка практически никогда не окажут Франции поддержки в применении договора» [5, с. 42]. Как показало будущее, Пуанкаре был абсолютно прав в своих суждениях.

Подтверждением французских опасений является дневниковая запись генерала Г. Аллена, который возглавлял американские оккупационные войска в Германии с 1919 по 1923 г. Так, в январе 1920 г. Аллен записал в своем дневнике: «Германия является государством, наиболее способным успешно отразить большевизм. Расширение Германии за счет России на длительное время отвлекло бы немцев на Восток и уменьшило бы тем самым напряженность в их отношениях с Западной Европой» [6, S. 51].

Генерал не скрывал заинтересованность США в сдерживании амбиций французоз и лишении Франции статуса ведущей европейской

державы; именно по этой причине американская сторона стремилась повлиять на изменение статуса Германии для превращения ее в сильную державу. Усилить позиции Германии американцы могли бы, укрепляя финансовую зависимость немцев от американских капиталов. Попав под влияние США, немцы должны были не только понизить градус французских притязаний, воспрепятствовать проникновению и распространению большевистских революционных идей в Европе, но и стать проводниками американского влияния на европейском континенте.

Президент Пуанкаре, потрясенный англо-американской несговорчивостью, приведшей к провалу французских послевоенных планов, вынужден был уйти в отставку. По мнению маршала Ф. Фоша, «если нам не будет предоставлена эта военная граница (по левому берегу Рейна. – *Н.П.*), то Франция и Бельгия останутся открытыми для вторжения и нас снова ожидает разгром...» [5, с. 41]. Отсутствие маршала Фоша на процедуре подписания Версальского мирного договора являлось свидетельством его несогласия и протеста против отклонения французских требований союзными державами.

Аналогичной точки зрения придерживались и некоторые другие представители политической и интеллектуальной элиты Франции. Так, например, историк Ж. Гуайо с сожалением констатировал, что французской делегации не удалось добиться подписания Версальского мирного договора с каждым государством, которое входило в состав имперской Германии. Мир был подписан с одной только Веймарской республикой, что не возлагало ответственности на все немецкие государства [5, с. 44]. Реакция некоторых представителей французской элиты вполне логична, поскольку французы понимали собственную уязвимость с внешнеполитической точки зрения.

Версальский договор обнажил узловые проблемы и серьезные разногласия в стане стран-победительниц, что во многом предопределило неустойчивый и крайне противоречивый характер международных отношений в межвоенный период.

Версальский мир, целью которого было исключить возможность будущих международных конфликтов, в действительности стал новым источником для этих конфликтов [7, с. 31]. Даже при создании Лиги Наций – первой международной организации, призванной обеспечивать мир и безопасность, ведущие европейские

политики преследовали свои прагматичные цели, которые противоречили идее безопасности в Европе. Если для Пуанкаре Лига Наций – это орган, который должен следить за соблюдением договоров и тем самым служить инструментом обеспечения безопасности Франции, то для Макдональда Лига Наций представляла собой организацию для примирения и инструмент для пересмотра договоров без применения военной силы [5, с. 40].

Таким образом, модель послевоенного мирного переустройства Европы с точки зрения стран-победительниц выглядела по-разному. Их отношение к поверженной Германии было диаметрально противоположным, а потому в будущем в решении сложных внешнеполитических проблем они будут проявлять несговорчивость и бескомпромиссность, «пока не заведут Европу в страшный тупик, из которого рано или поздно будет, конечно, найден выход, но только отнюдь не версальскими путями» [7, с.31].

Несмотря на нежелание немцев выполнять статьи Версальского мирного договора, возможностей для активного сопротивления мирным договоренностям у них не было, а потому довольно скоро реалиями будничной жизни немецких бюргеров стал ненавистный оккупационный режим.

В качестве примера можно обратиться к трудностям взаимодействия, возникшим между немецким населением и английскими оккупационными войсками. Так, пока Версальский договор не был ратифицирован, общение между английскими оккупационными войсками и жителями Кельна было крайне ограничено, а потому возникало мало конфликтов. Гарнизон, отгороженный от внешнего мира, вел свою жизнь с проведением футбольных матчей, игрой на собственных крикетных площадках и т.п. Однако после 10 января 1920 г., когда Версальский договор вступил в силу, ситуация стала принципиально меняться: в Кельн начали прибывать семьи военных, служивших в оккупационных войсках, что не могло не повлиять на жизнь города. В Кельне появились английская школа, большой магазин специально для англичан, английские питейные заведения и булочные, предлагавшие традиционный британский ассортимент [8, с. 137]. В начале 1921 г. в британской колонии насчитывалось уже около 15 тыс. человек [8, с. 137].

Безусловно, постепенно начинали возникать конфликты, в основном на бытовой почве.

Немцам приходилось предоставлять англичанам комнаты в своих больших квартирах или домах, что порождало не только недовольство немецких семей, вынужденных «уплотняться» в своих жилищах, но еще большее недовольство вызывало у педантичных немецких хозяек то, как временные и непрошеные гости обращаются в их домах с мебелью и кухонной утварью [8, с. 137]. В «Бюро по делам оккупации» поступали многочисленные жалобы на то, что оккупанты и члены их семей ведут себя, как вандалы, к тому же многие английские солдаты, изнывающие от безделья, злоупотребляли крепкими напитками [8, с. 137].

Едиственный выход из сложившейся ситуации представляла собой изоляция английской колонии от местного немецкого населения, для чего было начато строительство специального военного городка, предназначенного для офицеров и их семей, а также чиновников из оккупационной администрации. Однако эта мера не вызвала особого восторга, поскольку в это время в Кельне было около 12 тыс. бездомных немцев, которым необходимо было свое жилье [8, с. 138].

Помимо всех тягот и невзгод, связанных с оккупационным режимом, не менее ужасным испытанием для немцев стали выплаты репарационных платежей. Именно после Первой мировой войны международное право претерпело существенное изменение: теперь контрибуции были заменены репарациями, т. е. возмещением материального ущерба странам, пострадавшим от войны. Согласно зафиксированной в Версальском договоре статье о вине за развязывание войны и вытекающей из нее обязанности компенсации общего ущерба, не установленного в точном количественном выражении, Германия обязана была «возместить нанесенный другим странам ущерб (в соответствии с этим принципом Германия должна была заплатить, даже если бы она победила в войне)» [9, с. 52].

Однако попытка практической реализации этого положения выявила целый ряд серьезных, а порой и неразрешимых проблем. Существенной недоработкой явилось то, что страны-победительницы, в первую очередь Франция, требовали от Германии денежных выплат и поставок продукции, исходя из величины материального ущерба, не учитывая при этом платежеспособность немецкой экономики. Именно поэтому первоначальная сумма репараций была предельно высока и составила 226 млрд золотых

марок. В мае 1921 г. репарационная комиссия разработала по просьбе союзных правительств, собравшихся в Лондоне, «Положение о платежах», согласно которому устанавливались сроки и формы платежей, возложенных на Германию. Именно тогда было принято решение о снижении суммы репарационных выплат до 132 млрд золотых марок и дополнительном взимании 26 % стоимости германского экспорта. Несмотря на существенное уменьшение общей суммы репарационных выплат, тем не менее финансовая кабала для немцев была несоразмерной с экономическими возможностями Веймарской республики, однако французов вовсе не интересовали немецкие финансовые проблемы.

С целью соблюдения всех репарационных обязательств был создан Гарантийный комитет, возглавляемый представителями Франции. В июне 1921 г. Гарантийный комитет отправился в Веймарскую республику и констатировал начавшийся в стране экономический кризис. В последующие месяцы немецкие деньги начали обесцениваться, в связи с чем в самом начале 1922 г. немцы обратились с просьбой о моратории, которая была частично удовлетворена репарационной комиссией 21 марта 1922 г.

В ноябре того же года в Веймарской республике было сформировано правительство В. Кунно, приход к власти которого совпал с углублением экономического кризиса в Германии, а одним из следствий явилось усиление инфляционных тенденций. Денег для выплаты репарационных платежей катастрофически не хватало, поэтому новый рейхсканцлер был сторонником отказа от выполнения репарационных обязательств, а финансовую проблему в стране он решал путем выпуска в обращение новых денег, что привело к увеличению денежной массы в стране и безудержному росту инфляции.

На фоне инфляции, стремительно набирающей обороты, уже в конце 1922 г. правительство Веймарской республики объявило о невозможности выплаты платежей в 1923 и 1924 гг. Немецкая валюта резко обесценивалась, в январе 1923 г. «стоимость одного американского доллара в Веймарской республике составляла 4,2 млрд немецких марок» [10, S. 132]. Подобная ситуация требовала согласованной ответной меры со стороны англичан и французов, однако обсуждение столь деликатной проблемы обнажило серьезное расхождение во мнениях союзников. Франция была непоколебима в своих требованиях, считая, что не стоит предоставлять

немцам «никаких мораториев без гарантий и без залогов» [11, с. 167]. Отсутствие компромиссного варианта привело к провалу Парижской конференции (2–4 января 1923 г.).

Для решения репарационной проблемы у французов было два возможных варианта. Суть первого сводилась к захвату Рурской области и обеспечению залогов, данного плана придерживался Пуанкаре. Другой вариант заключался в создании в Берлине финансового совета, а если его деятельность окажется мало результативной, то придется прибегнуть к коллективным санкциям. Второй вариант, безусловно, выглядел более деликатным.

Однако развитие событий пошло по первому варианту. 10 января 1923 г. Пуанкаре сообщил германскому послу о мерах, которые приходится предпринимать Франции вследствие невыполнения Германией поставок леса и угля. Пуанкаре заявлял, что целью вводимых в Рурскую область французских войск является «обеспечение безопасности контрольной комиссии, которой поручено наблюдать за действиями угольного синдиката» [11, с. 167].

Французы действовали без промедления, поэтому уже 11 января 1923 г. пять французских и одна бельгийская дивизии перешли р. Рейн и заняли Эссен и его окрестности. 14 января франко-бельгийские войска оккупировали Дюссельдорф, Бохум и Дортмунд. 17 января в разгар оккупации Рура Пуанкаре направил еще одно письмо немецкой стороне, где утверждал, что принятые меры «совершенно не имеют характера военной операции» [11, с. 167].

28 января 1923 г. французскими войсками численностью в 100 тыс. человек был установлен пограничный контроль на границе оккупированной Рурской области, что фактически отрезало ее от территории остальной Германии. Таким образом, в результате было оккупировано около 7 % послевоенной территории страны, обеспечивавшей добычу угля (72 %) и производство чугуна и стали (более 50 %) [12]. Несмотря на заверения Пуанкаре о мирном характере оккупационных войск, акты насилия и несчастные случаи, спровоцированные оккупантами, привели к тому, что к августу 1924 г. насчитывалось 137 убитых и 603 раненых немцев [12].

В Веймарской республике развернулось активное сопротивление франко-бельгийской оккупации со стороны немецких праворадикальных диверсионных отрядов, которые взрывали

мосты и железные дороги, чтобы не допустить вывоза репарационных товаров; они также захватывали французские и бельгийские посты, в результате чего погибло 8 человек со стороны оккупационных войск [12]. Общий экономический ущерб от оккупации Рурской области составил 3,5–4 млрд марок [12]. «Поддержка населения, затронутого оккупацией, стоила немецкому правительству к середине сентября 1923 г. головокружительной суммы – 3500 трлн марок» [13, с. 133].

23 ноября 1923 г. был заключен договор между французскими и германскими промышленниками о порядке эксплуатации германских угольных шахт, расположенных в оккупированных областях. Кроме того, предстояло также отрегулировать механизм систематической выплаты репарационных платежей, исключавший непредвиденные срывы.

14 октября 1923 г. в Германии был сформирован новый правительственный кабинет, который возглавил Г. Штресеман, что способствовало прекращению пассивного сопротивления и дало французскому правительству надежду на конструктивное решение репарационной проблемы. Уже 26 октября 1923 г. французы ответили англичанам согласием на формирование комитета экспертов, которых должна была назначать репарационная комиссия, при условии, что в него не будут включены немцы. При этом французская сторона настаивала на предоставлении экспертному комитету консультативной функции и, самое главное, отсутствии любых уступок Германии. Это последнее условие повлекло за собой срыв переговоров. Американская сторона сразу же заявила о бесполезности создания комитета экспертов, если эта структура будет ограничена желаниями и требованиями Франции. Позиция британцев по этому вопросу тоже была скептической, они заявляли, что Франция «требует пилуль во время землетрясения» [11, с. 181].

3 ноября 1923 г. репарационная комиссия приняла решение о формировании двух экспертных комитетов; в задачи одного из них входило изучение проблемы бюджетного равновесия и стабильности немецкой валюты, а другого – проблема утечки капиталов.

15 января 1924 г. французский политик Луи Барту, который в период 1923–1926 гг. являлся председателем Репарационной комиссии, принял решение о создании обоих комитетов. «Надо, в конце концов, к чему-то прийти, – за-

явил он. – Не только кредиторы Германии, но и сама Германия заинтересованы в урегулировании вопроса репараций. Не будет преувеличением сказать, что от этого зависит мирное равновесие во всем мире» [11, с. 181].

В ходе очередной Лондонской конференции, проходившей в июле – августе 1924 г., по инициативе американской стороны был принят «План Дауэса», в котором первым пунктом стало решение о выводе французских войск из Рурской области до 31 июля 1925 г., что означало фиаско французских притязаний в европейской политике. Согласно «Плану Дауэса», ежегодные репарационные выплаты были снижены до 1 млрд марок в 1924 г.; 1,2 млрд – в 1925 г.; 1,2 млрд – в 1926 г., а далее – по 2,5 млрд марок в год. Кроме того, «План Дауэса» предусматривал предоставление Германии англо-американской финансовой помощи в виде кредитов, что открывало новые перспективы для немецкой экономики. В 1924–1929 гг. Германия в рамках «Плана Дауэса» получила 2,5 млрд дол. от США и 1,5 млрд дол. от Великобритании, что позволило немцам провести существенное обновление производственного оборудования и создать тем самым базу для будущего восстановления военного производства [14, с. 34].

В 1924 г. наметилась тенденция к улучшению франко-германских отношений в связи с победой на выборах 11 мая Э. Эррио, ставшего премьер-министром и министром иностранных дел Французской республики. Его политическая позиция в отношении Германии заключалась в отказе от применения силы и следовании политике сотрудничества с Веймарской республикой. Аналогичной позиции придерживался и немецкий канцлер Штресеман, который заявлял, что «Германия должна играть картой примирения с Францией» [5, с. 48]. Бесспорно, подобного рода политическое единодушие лидеров двух враждебных держав являлось вынужденной мерой и было продиктовано исключительно прагматичными целями.

«Политика согласия» эры Штресемана принесла первые положительные для Германии результаты. По замечанию немецкого историка И. Феста, в стране начались перемены, которые выражались «не столько в каких-то отдельных конкретных успехах, сколько в улучшившейся психологической ситуации в стране», «в плане Дауэса уже проглядывало решение проблемы репараций»; к числу положительных моментов стоит отнести и намерение французов покинуть

Рур, а также возможность заключения «соглашения о безопасности»; появились перспективы вступления Германии в Лигу Наций, а поступление американских кредитов сыграло существенную роль в поддержке немецкой экономики» [15, с. 36–37]. Как отмечал Фест, «безработица, чьи серые краски еще вчера определяли картины нищеты на углах улиц, в очередях перед кухнями для бедных и за социальными пособиями, заметно сократилась» [15, с. 37].

В 1925 г. на смену свергнутому правительству Эррио пришло правительство Р. Пуанкаре – А. Бриана, которое не было заинтересовано во франко-германском сближении, а нежелание конструктивно решать вопрос о репарациях способствовало еще большему размежеванию в лагере стран Антанты [5, с. 59].

1 июля 1925 г. началась эвакуация оккупационных войск кельнской зоны Рурской области. Газеты объявили о прекращении межсоюзнического военного контроля с 1 января 1926 г. Немцы не скрывали своих восторженных эмоций по поводу завершения британской оккупации в районе Кельна. Подтверждением подобного рода настроений является речь кельнского обер-бургомистра К. Аденауэра, произнесенная 31 января 1926 г. в честь освобождения Кельна из-под британской оккупации: «Настал час, которого мы так ждали, наконец-то мы обрели свободу! Мы должны быть благодарны Богу за то, что он укрепил нас в самые трудные времена ... Мы снова едины с нашим Отечеством и нашим народом» [16].

С 5 по 16 октября 1925 г. в Локарно состоялась международная конференция, на которой должен был быть определен статус западных и восточных границ Веймарской республики, а также перспективы ее вступления в Лигу Наций. На конференции был окончательно согласован и принят Рейнский гарантийный пакт, в соответствии с которым устанавливалась неприкосновенность послевоенных границ Франции и Бельгии и их защита от германской агрессии. На Францию и Бельгию было возложено обязательство не нарушать версальские договоренности по отношению к демилитаризованной Рейнской зоне и решать возникающие споры с Германией исключительно мирным путем. Гарантами Рейнского договора стали Великобритания и Италия.

Принципиально иным стало решение конференции о восточных границах Германии с Польшей и Чехословакией. Не удалось подпи-

сать пакт по образцу Рейнского, гарантирующий их неприкосновенность, так как Германия заняла непримиримую позицию и категорически возражала против международных гарантий в отношении своих послевоенных границ на востоке. Ей удалось добиться уступок от Великобритании и Италии, которые отказались быть гарантами неприкосновенности восточных границ Веймарской республики и удовлетворились ее обещанием не использовать силу против восточных соседей. В результате между немецкой стороной и Польшей с Чехословакией были подписаны только арбитражные договоры, не содержавшие признания нерушимости восточных границ Германии.

Итак, в рамках Локарнской конференции страны-участницы пошли на первую, но отнюдь не единственную уступку немцам, выразившуюся в закреплении «двойного стандарта» германских границ, что открывало перспективу пересмотра в будущем территориальных статей Версальского договора, а значит, ревизии послевоенного европейского миропорядка.

В 1927 г. Германия вступила в Лигу Наций на правах постоянного члена в Совете Лиги, в то время как Польше было предоставлено место непостоянного члена. Подобного рода перемены в политико-дипломатической судьбе Веймарской республики не только демонстрировали возвращение международного статуса стране, но и позволяли немцам быть уверенными в проявлении уступчивости со стороны отдельных европейских стран в решении германского вопроса в будущем.

Франция, авторитет и престиж которой стремительно снижались, старалась укрепить свое пошатнувшееся положение путем заключения новых союзных договоров. В дополнение к уже существующим договорам с Польшей (1921 г.) и Чехословакией (1924 г.) она заключила договоры с Румынией (1926 г.) и Югославией (1927 г.). Несмотря на активные и решительные действия со стороны Франции, следует признать, что ее позиции заметно пошатнулись в отличие от Германии, которая заметно укрепила свое положение в Европе во многом благодаря благосклонности со стороны Великобритании.

Воспользовавшись благоприятной ситуацией, правительственные круги Веймарской республики настойчиво добивались пересмотра «Плана Дауэса» с целью снижения суммы репарационных выплат, а также изменения сроков платежей. Западные державы проявляли в ре-

шении этого вопроса благосклонность. Именно поэтому в 1928 г. был создан комитет экспертов по репарационному вопросу во главе с американским финансистом, президентом компании «Дженерал электрик» О. Юнгом. Комитет экспертов в начале 1929 г. выступил с инициативой замены «Плана Дауэса» новым модифицированным вариантом взимания репарационных платежей с целью ослабления финансового гнета и экономического контроля со стороны стран Антанты.

План Юнга, который приняла Гаагская конференция по репарациям 1929–1930 гг., предусматривал меры по снижению репарационного бремени для Германии и продемонстрировал готовность западных стран идти на уступки немцам. Согласно Плану Юнга, общая сумма репараций сократилась до 113,9 млрд марок. Ежегодные репарационные платежи должны были составлять по 2 млрд марок на протяжении 37 лет. По истечении 37-летнего срока размер ежегодных платежей снижался до суммы, предназначенной для покрытия межсоюзнических долгов [17, с. 174].

На фоне бесспорных преференций, которые получала Германия, прибавилась еще одна, но весьма значимая: в мае – июне 1930 г. французские войска покидали Рейнскую область. Свою реакцию на вывод французской армии из Рейнской оккупационной зоны отразил в письме своему отцу Ш. де Голль, который возглавлял 19-й егерский оккупационный полк: «Эвакуацию с берегов Рейна так давно предвещали и ожидали, что общественное мнение даже не выразило никакой реакции на этот счет» [18, с. 37]. Действительно, во Франции прощание с Рейном прошло совершенно незаметно.

А между тем де Голль пророчески предвещал, что «не следует сомневаться в том, что близок аншлюс, затем Германия, во что бы то ни стало, вернет себе то, что у нее отняли и присоединили к Польше. А после этого у нас потребуют Эльзас» [18, с. 34]. По справедливому замечанию де Голля, «тон официальной Германии нам скоро покажет, что ей только этого и было нужно. А мы, утерев этот рычаг управления, уступим шаг за шагом весь Версальский договор» [18, с. 37]. Разумеется, французы не могли не осознавать свою уязвимость и незащищенность перед будущей германской угрозой, но ситуация складывалась отнюдь не в их пользу.

30 июня 1930 г. единственный французский батальон, который находился в Майнце, двинулся по пустынным улицам города к вокзалу, чтобы покинуть немецкую территорию. Если в первой половине дня город казался пустынным и необитаемым, то к полудню, как только французы уехали, Майнц преобразился до неузнаваемости. Город к 5 часам вечера был заполнен радостными, не скрывающими своего ликования немцами. «Это была шумная, восторженная масса людей, через которую с трудом могла пробить себе дорогу первая рота немецких полицейских, прибывших из неоккупированной части Германии» [5, с. 115]. Так восторженно встречали немцы окончание оккупации и обретение Германией свободы.

Немцы отчетливо понимали, что они находятся лишь в начале пути по достижению успеха в деле возвращения Германии былого величия. Так, в немецкой газете «Lokal Anzeiger» 1 июля 1931 г. появилась статья, в которой провозглашалось наступление нового этапа: «Погасли огни праздника освобождения. Вчерашний успех – это только отправная точка для новых усилий. В течение многих лет мы обращали свои взоры на Запад. В продолжение этого времени немецкие меньшинства должны были вести жестокую борьбу за сохранение своего германского духа. Для Германии теперь настало время поддержать их всеми своими силами» [5, с. 115]. Суждения подобного рода стали обычными для тогдашней Германии, в которой праворадикальные силы переживали стремительный взлет, а их риторика была наполнена дерзкими внешнеполитическими вызовами.

Начало 30-х гг. ознаменовалось для Веймарской республики не только экономическим кризисом, но и принципиальным изменением партийно-политической ситуации, которая характеризовалась падением позиций немецкой демократии и укреплением национал-социалистических сил. Весной 1930 г. ушло в отставку коалиционное правительство во главе с социал-демократом Г. Мюллером, на смену ему пришло правительство Г. Брюнинга, которое назвали «кабинетом фронтовых солдат». Действительно, в кабинет вошли фронтовики Первой мировой войны, 6 министров в свое время были награждены за доблесть «Железным крестом» I степени [19, с. 60]. Новый правительственный кабинет состоял в основном из политиков с правыми взглядами.

Уже в июле 1930 г. между правительством и рейхстагом возникли непреодолимые разногласия при обсуждении бюджета страны, что привело к роспуску парламента. Последствия такого правительственного шага стали губительными для Веймарской демократии. Роспуск рейхстага означал переход к открытой президентской системе с диктаторской властью рейхспрезидента. Более того, Брюнинг недооценил политическую ситуацию и общественные настроения соотечественников, которые все больше отдавали предпочтение национал-социалистам [19, с. 71]. Таким образом, в Германии началось постепенное свертывание демократических основ и стартовал период президентских правительств 1930–1933 гг.

На выборах в рейхстаг, состоявшихся 14 сентября 1930 г., НСДАП набрала 6 млн 800 тыс. голосов избирателей (рейтинг партии возрос в 7 раз), в то время как на предыдущих выборах 1928 г. лишь 800 тыс., и 107 депутатских мандатов (в 1928 г. их было 12). [20, с. 93]. Настоящим триумфом для нацистов станет 1932 г., когда на парламентских выборах в июле за них проголосовали 13,7 млн немецких граждан, а НСДАП стала одной из самых крупных фракций в немецком парламенте и наиболее влиятельной политической силой в Германии [20, с. 95]. Во время президентских выборов Гитлер занял второе после Гинденбурга место, значительно опередив двух других кандидатов. Усиление позиций нацистов во властных структурах Германии послужило поводом для усиления французского беспокойства и тревог.

В условиях начавшегося мирового экономического кризиса и бесконечного возмущения немцев по поводу неплатежеспособности страны президент США Гувер в 1931 г. объявил мораторий на выплату немцами репараций сроком на 1 год. С 16 июня по 9 июля 1932 г. проходила Лозаннская конференция, которая получила негласное название «конференция по репарациям» и завершилась подписанием соглашения о том, что Германия получает право выкупа за 3 млрд золотых марок своих репарационных обязательств, причем выкупные облигации должны быть погашены в течение 15 лет. Однако после прихода нацистов к власти стало ясно, что немцы не намерены заниматься выплатой репарационных долгов. За весь репарационный период Веймарской республикой было получено иностранных кредитов на 39 млрд марок, при этом выплаты в счет репараций составили

21,8 млрд марок, т. е. лишь 17,2 % от установленного объема обязательств [9, с. 53].

В 1932 г. в Женеве состоялась конференция по разоружению, на которой Германия открыто заявила свои претензии на предоставление ей военного паритета в вооружении с другими европейскими державами. Французы были обеспокоены амбициозными милитаристскими заявлениями немецкой делегации и настаивали на недопущении уступок в пользу Германии. В результате конференцию пришлось прервать, она возобновила свою работу в 1933 г., когда Гитлер уже занимал пост рейхсканцлера. Ввиду того, что милитаристские требования не были удовлетворены, немецкая делегация 14 октября 1933 г. покинула Женевскую конференцию, а 19 октября Германия вышла из Лиги Наций. Демонстративный выход Германии из Лиги Наций подрывал доверие и авторитет этой международной организации. Лондон относительно спокойно воспринял выход Германии из Лиги Наций, однако на Париж это подействовало, как холодный душ [21, с. 77].

С утверждением у власти нацистов, которые не скрывали своего ярко выраженного враждебного отношения к Франции, становилось очевидным, что ее ожидают трудные времена, связанные с усилением страхов перед германской агрессией, а также поисками выхода из сложной внешнеполитической ситуации. От решения этих вопросов во многом зависела судьба не только Франции, но и всей Европы.

Таким образом, жесткие и трудновыполнимые статьи Версальского договора явились не только актом возмездия в отношении поверженного врага в лице Германии, но и доказательством долговременных патологических французских страхов и фобий по поводу германской агрессии. Попытка Франции добиться расчленения Германии была обречена на провал, что свидетельствовало о том, что французские инициативы по уничтожению Германии встретили сопротивление со стороны американцев и англичан. Серьезные разногласия между странами Антанты не позволили им создать систему европейского равновесия, а поверженная Германия стала «разменной монетой» в противоборстве и соперничестве Франции с американско-британским блоком.

Не сумев лишить Германию левого берега Рейна, потерпев тем самым сокрушительное политико-дипломатическое поражение, французы надеялись кардинально изменить ситуацию в

свою пользу в период оккупации Рурской области. Однако англо-американское вмешательство в решение рурского кризиса со всей очевидностью продемонстрировало Франции зыбкость ее положения. Американцы и англичане, используя свои финансово-экономические и политико-дипломатические возможности, способствовали экономическому возрождению Германии, а также ее возвращению в ранг равноправной европейской державы. Усиление Веймарской республики, начавшееся с середины 20-х гг., вызвало серьезные опасения у французов, которые, напротив, с каждым годом уступали свои позиции, постепенно утрачивая статус великой европейской державы. Французы и немцы в пост-версальский период не только не смогли разрешить уже имеющиеся проблемы, но их взаимно-конфронтационное поведение, основанное на устойчивых коллективных психоэмоциональных стереотипах, сформированных многовековым противоборством за лидерство в Европе, способствовало формированию новых противоречий, которые превращались во враждебные, что не исключало возможности очередного серьезного конфликта между странами.

Литература

1. *Тирпиц фон А.* Воспоминания. М.: Воениздат, 1957. URL: [http:// militera.lib.ru/memo/german/tirpitz/20.html](http://militera.lib.ru/memo/german/tirpitz/20.html) (дата обращения: 15.05.2020).
2. *Штолляйс М.М.* История публичного права в Германии. Веймарская республика и национал-социализм. М.: РОССПЭН, 2017. 661 с.
3. *Тардьё А.* Мир : пер. с фр. / под ред. и вступит. ст. Штейна. М.: Госполитиздат, 1943. 432 с.
4. *Молодяков В.* Франко-германские этюды // Вопросы национализма. 2017. № 2 (30). С. 80–98.
5. *Табуи Ж.* 20 лет дипломатической борьбы : пер. с фр. / вступит. ст. и ред. В.И. Антюхиной-Московченко. М.: Изд-во иностранной лит-ры, 1960. 463 с.
6. *Allen H.* Mein Rheinland. Tagebuch. Berlin: Verlag Berlin Hobbing, 1923. 386 S.
7. Версальский мирный договор : полн. пер. с фр. / под ред. Ю.В. Ключникова и А. Сабанина; вступит. ст. Ю.В. Ключникова. М.: Литиздат НКВД, 1925. 198 с.
8. *Уильямс Ч.* Аденауэр. Отец новой Германии : пер. с англ. М.: АСТ, 2002. 669 с.
9. *Болдырев Р.Ю., Невский С.И., Плюмне В.* Репарационная политика в отношении Германии // Новая и новейшая история. 2016. № 6. С. 51–66.

10. *Löwenstein H.* Deutsche Geschichte von den Anfängen bis zur jüngsten Gegenwart. München: Heyne Verlag, 1982. 783 S.

11. *Эррио Э.* Из прошлого. Между двумя войнами 1914–1936 / пер. с фр. О.В. Волкова и В.Б. Княжинского. М.: Изд-во иностранной лит-ры, 1958. 772 с.

12. *Sturm R.* Kampf um die Republik 1919-1923. URL: [https:// www.bpb.de/geschichte/ nationalsozialismus/ dossier-nationalsozialismus/39531/kampf-um-die-republik-1919-1923?p=all](https://www.bpb.de/geschichte/nationalsozialismus/dossier-nationalsozialismus/39531/kampf-um-die-republik-1919-1923?p=all) (дата обращения: 27.02.2020).

13. *Меллер Х.* Веймарская республика. Опыт одной незавершенной демократии. М.: РОССПЭН, 2010. 311 с.

14. История Великой Отечественной войны : в 6 т. М.: Воениздат, 1960. Т. 1. 600 с.

15. *Фест И.* Адольф Гитлер. Биография : пер. с нем. / под ред. С.З. Случа и П.Ю. Рахшмира. Пермь : Алетея, 1993. 477 с.

16. *Adenauer K.* 31. Januar 1926: Ansprache zur Feier anlässlich der Räumung Kölns von britischer Besatzung. URL: [https://www.konrad-adenauer.de/ quellen/ reden/1926-01-31-rede](https://www.konrad-adenauer.de/quellen/reden/1926-01-31-rede) (дата обращения: 10.09.2020)

17. *Зотова Е.К.* Урегулирование немецкой репарационной проблемы в контексте англо-германских отношений (до 1931 г.) // Власть. 2015. № 2. С. 172–176.

18. *Арзаканян М.* Де Голль. М.: Молодая гвардия, 2017. 301 с.

19. *Ерин М. Е.* Генрих Брюнинг. Канцлер и политик: биография. Ярославль : Изд-во Ярославского гос. ун-та им. П.Г. Демидова, 2010. 319 с.

20. *Аникеев А.А., Кольга Г.И., Пуховская Н.Е.* НСДАП: идеология, структура и функции. Ставрополь : Изд-во СГУ, 2000. 323 с.

21. *Шубин А.* Мир на пути к войне. СССР и мировой кризис 1933–1940 гг. М.: Алгоритм, 2016. 496 с.

References

1. Tirpitz von A. (1957). *Memories*. Moscow, Voenizdat Publ. Available at: [http:// militera.lib.ru/memo/german/tirpitz/20.html](http://militera.lib.ru/memo/german/tirpitz/20.html) (accessed May 15, 2020). (in Russian).
2. Stolleis M.M. (2017). *The history of public law in Germany. Weimar Republic and National Socialism*. Moscow, ROSSPEN Publ., 661 p. (in Russian).
3. Tardieu A. (1943). *Peace*. Transl. from French, Stein (Ed.). Moscow, Gospolitizdat Publ., 432 p. (in Russian).
4. Molodyakov V. (2017). Franco-German studies. *Voprosy natsionalizma*, No. 2 (30), pp. 80-98. (in Russian).
5. Tabouis G. (1960). *Twenty years of diplomatic struggle*. Transl., V.I. Antyukhina-Moskovchenko (Ed.).

Moscow, Foreign Literature Publishing House, 463 p. (in Russian).

6. Allen H. (1923). *Mein Rheinland. Tagebuch*. Berlin, Verlag Berlin Hobbing, 386 S.

7. Treaty of Versailles. (1925). Transl. from French, Yu.V. Klyuchnikov, A. Sabanin (Eds.). Moscow, Litizdat NKID Publ., 198 p. (in Russian).

8. Williams C. (2002). *Adenauer. Father of new Germany*. Trans. from English. Moscow, AST Publ., 669 p. (in Russian).

9. Boldyrev R.Yu., Nevsky S.I., Plumpe V. (2016). Reparation policy towards Germany. *Novaya i noveishaya istoriya*, No. 6, pp. 51-66. (in Russian).

10. Löwenstein H. (1982). *Deutsche Geschichte von den Anfängen bis zur jüngsten Gegenwart*. München, Heyne Verlag, 783 S.

11. Erriot E. (1958). *From the past. Between the two wars 1914-1936*. Transl. from French by O.V. Volkov and V.B. Knyazhinsky. Moscow, Foreign Literature Publishing House, 772 p. (in Russian).

12. Sturm R. Kampf um die Republik 1919-1923. Available at: <https://www.bpb.de/geschichte/nationalsozialismus/dossier-nationalsozialismus/39531/kampf-um-die-republik-1919-1923> (accessed February 27, 2020).

13. Meller H. (2010). *Weimar Republic. An experience of one unfinished democracy*. Moscow, ROSSPEN Publ., 311 p. (in Russian).

14. *History of the Great Patriotic War*. (1960). In 6 vol. Moscow, Voenizdat Publ., vol. 1, 600 p. (in Russian).

15. Fest I. (1993). *Adolf Hitler. Biography*. Transl. S.Z. Sluch, P.Y. Rakhshmir (Eds.). Perm, Aleteya Publ., 477 p. (in Russian).

16. Adenauer K. 31. Januar 1926: Ansprache zur Feier anlässlich der Räumung Kölns von britischer Besatzung. Available at: <https://www.konrad-adenauer.de/quellen/reden/1926-01-31-rede> (accessed September 10, 2020).

17. Zotova E.K. (2015). The settlement of the German reparation problem in the context of Anglo-German relations (until 1931). *Vlast'*, No. 2, pp. 172-176. (in Russian).

18. Arzakanyan M. (2017). *De Gaulle*. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 301 p. (in Russian).

19. Erin M.E. (2010). *Heinrich Brüning. Chancellor and Politician: A Biography*. Yaroslavl, Yaroslavl State University Press, 319 p. (in Russian).

20. Anikeev A.A., Kolga G.I., Pukhovskaya N.E. (2000). *NSDAP: ideology, structure and functions*. Stavropol, Stavropol State University Press, 323 p. (in Russian).

21. Shubin A. (2016). *The world on the way to the war. USSR and the world crisis of 1933-1940*. Moscow, Algoritm Publ., 496 p. (in Russian).

Поступила в редакцию / Received

25 октября 2020 г. / October 25, 2020

УДК 94 (470)
doi 10.18522/2687-0770-2020-4-102-106

РОЛЬ КУЛЬТУРНОГО ВОЛОНТЕРСТВА В ФОРМИРОВАНИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

© 2020 г. В.Н. Ратушняк ^а, В.В. Касьянов ^а, О.В. Ратушняк ^а
^а Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия

THE ROLE OF CULTURAL VOLUNTEERISM IN SHAPING THE HISTORICAL MEMORY OF MODERN RUSSIAN YOUTH

V.N. Ratushnyak ^а, V.V. Kasyanov ^а, O.V. Ratushnyak ^а
^а Kuban State University, Krasnodar, Russia

Ратушняк Валерий Николаевич –
доктор исторических наук, профессор,
кафедра истории России,
Кубанский государственный университет,
ул. Ставропольская, 149, г. Краснодар,
350040, Россия.
E-mail: ratushnyak_vn@mail.ru

Valery N. Ratushnyak -
Doctor of History, Professor,
Department of Russian History,
Kuban State University,
Stavropolskaya Str., 149, Krasnodar,
350040, Russia.
E-mail: ratushnyak_vn@mail.ru

Касьянов Валерий Васильевич –
доктор исторических наук,
доктор социологических наук, профессор,
заведующий кафедрой истории России,
Кубанский государственный университет,
ул. Ставропольская, 149, г. Краснодар,
350040, Россия.
E-mail: culture@kubsu.ru

Valery V. Kasyanov -
Doctor of History, Doctor of Sociology, Professor,
Head of the Department
of Russian History,
Kuban State University,
Stavropolskaya Str., 149, Krasnodar,
350040, Russia.
E-mail: culture@kubsu.ru

Ратушняк Олег Валерьевич –
доктор исторических наук, доцент, профессор,
кафедра всеобщей истории
и международных отношений,
Кубанский государственный университет,
ул. Ставропольская, 149, г. Краснодар,
350040, Россия.
E-mail: oleg_ratushnyak@mail.ru

Oleg V. Ratushnyak -
Doctor of History, Associate Professor, Professor,
Department of General History
and International Relations,
Kuban State University,
Stavropolskaya Str., 149, Krasnodar,
350040, Russia.
E-mail: ratushnyak_vn@mail.ru

Рассматривается формирование исторической памяти современной российской молодежи посредством развития культурного волонтерства. Показано как происходит сохранение объектов духовного, исторического и культурного наследия, проведение культурно-просветительских и творческих мероприятий, приобщение населения к лучшим мировым образцам искусства. Волонтерство в сфере культуры не только помогает сохранить культурно-историческое наследие страны, погрузиться молодежи в историю своего народа и приобщить население к лучшим мировым образцам искусства, но и позволяет самим молодым людям становиться частью истории страны, организуя и реализуя крупномасштабные мероприятия.

Ключевые слова: память, историческая память, историко-культурное наследие, ценности, волонтерство, волонтерская деятельность, добровольчество, культурное волонтерство, молодежь, российская молодежь.

Currently, one of the main strategic tasks of the Russian state is to preserve the cultural and civilizational code of Russia. In this regard, issues related to historical memory are being updated. Despite the development of the problem field of research, the authors of this work chose a non-standard approach to the problem and set a goal - to consider the formation of the historical memory of modern Russian youth through the development of cultural volunteerism. The example of cultural volunteering shows how objects of spiritual, historical and cultural heritage are preserved, cultural, educational and creative events are held, and the population gets acquainted with the world's best examples of art. Dur-

ing the analysis, the authors came to the conclusion that volunteering in the field of culture helps not only to preserve the cultural and historical heritage of the country, to immerse young people in the history of their people and to acquaint the population with the best world examples of art, but also allows young people to become the part of the country's history by organizing and conducting large-scale events.

Keywords: *memory, historical memory, historical and cultural heritage, values, volunteering, volunteer activity, volunteerism, cultural volunteerism, youth, Russian youth.*

Многонациональное российское население объединено единым культурно-цивилизационным кодом, характеристиками которого являются сохранение и развитие русской культуры и языка, исторического и культурного наследия всех народов Российской Федерации, интеграция лучших достижений народов, проживающих на территории России, в единую российскую культуру.

В настоящее время одной из основных стратегических задач российского государства является сохранение культурно-цивилизационного кода посредством «поддержки этнокультурного и языкового многообразия Российской Федерации, сохранения и приумножения духовного, исторического и культурного наследия Российской Федерации (российской нации), повышения интереса к изучению истории, культуры и языков народов Российской Федерации, значимых исторических событий, ставших основой государственных праздников и памятных дат, связанных с реализацией государственной национальной политики Российской Федерации» – говорится в Указе Президента РФ от 19.12.2012 г. № 1666 «О стратегии государственной национальной политики Российской Федерации и на период до 2025 г.».

На наш взгляд, именно современная российская молодежь может выступить в качестве мощного ресурса, который послужит неким проводником накопленных традиций и культурных достижений последующим поколениям. Развитие российского общества во многом зависит от того, каким образом молодежь интерпретирует культурно-исторический код страны, в которой проживает. В свою очередь культурно-исторический код через традиции, ценности, нормы, правила, события истории, праздничные даты формирует социальное поведение молодежи [1, p. 9553].

Российская молодежь является объектом многих исследований [2, 3]. Особое внимание со стороны ученых уделяется социально-историческим, теоретическим и методологическим принципам, определяющим положение и роль молодежи в общественном воспроизводстве, а также состоянию и динамике реального сознания и поведения молодежи [4]. Отдельным аспектом выделяется волонтерская деятельность, которая позволяет

молодым людям лучше самоорганизовываться и сохранять свое социальное здоровье [5–7].

Так как в рамках данного исследования мы обращаемся к культурно-историческому коду российского государства, то важную роль могут сыграть труды, которые анализируют такой феномен, как историческая память. В настоящее время существует множество научных работ, посвященных осмыслению и интерпретации исторической, социальной, коллективной памяти, а также различным аспектам влияния памяти на социум. Очень широк и междисциплинарен характер данных трудов [8–11].

Анализ проблемного поля исследования показывает, что, несмотря на разработанность отдельных аспектов (роль молодежи в общественном развитии, волонтерство и значимость исторической памяти), в настоящее время очень актуальным и недостаточно проработанным является вопрос значимости культурного волонтерства в формировании исторической памяти современной российской молодежи. Связано это с тем, что историческая память способствует сохранению историко-культурного наследия страны, которое в свою очередь выступает важнейшим ресурсом для социально-экономического развития России.

Для достижения поставленной цели – рассмотреть роль культурного волонтерства в формировании исторической памяти современной российской молодежи, – мы должны уточнить рабочий инструментарий исследования.

Начнем с определения. Волонтерство представляет собой разновидность социальной деятельности, значимые действия субъекта в различных сферах жизнедеятельности, целью которых может быть удовлетворение экономических, социальных, политических, идеологических интересов [12, с. 302]. Под волонтерской деятельностью подразумевается деятельность, осуществляемая людьми бесплатно, направленная на достижение актуальных жизненных целей.

Обращаясь к краткой истории возникновения волонтерства в России, отметим, что на Руси сначала оно называлось благотворительностью и стало набирать обороты после принятия христианства. В период с 988 г. вплоть до 1551 г. существовало «нищелюбие». «Человеколюбие у

наших предков было то же, что нищелюбие, и любить ближнего значило прежде всего – накормить голодного, напоить жаждущего, посетить заключенного в темнице...» [13, с. 259].

Во времена Ивана Грозного происходит становление системы общественного призрения. Особое внимание уделялось учреждениям для детей. При Алексее Михайловиче стала развиваться государственная благотворительность. Вплоть до октябрьской революции в обществе сохранялись древние традиции взаимопомощи. В период советской власти благотворительности не предавали первостепенного значения, но образ добровольца присутствует во всех значимых событиях советского периода истории России. Начиная с 90-х гг. XX в. и по сей день государством активно развивается добровольческая деятельность как форма социальной взаимопомощи.

В данной работе мы рассматриваем культурное волонтерство. Оно определяется как «волонтерская деятельность, направленная на сохранение культурного наследия и проведение культурно-просветительских и творческих мероприятий, приобщение населения к лучшим мировым образцам искусства. Основной задачей культурного волонтерства является сохранение и продвижение культурно-исторического достояния страны, формирование культурной идентичности, популяризация культурной сферы среди населения, развитие всеобщей ответственности за сохранение культурного достояния, сохранение “исторической памяти”» [14, с. 126].

Рассматривая дефиницию «историческая память», следует отметить, что данный термин используется в категориальном поле многих междисциплинарных исследований. Историческая память выступает в качестве важного компонента исторического сознания человека, с которым связано, «хранение исторических образов и понятий, их воспроизводство посредством трансляции, а также высвобождаемых воспоминаний об исторических событиях, фактах, лицах в условиях современной социальной и повседневной действительности» [15, с. 7]. Благодаря исторической памяти, событиям прошлого, традициям человек имеет возможность сохранять идеалы и ценности, с помощью которых не утрачивается способность аксиологически относиться к действительности.

Глубокие исследования исторической памяти приводятся в работах М. Хальбвакса. Он выделяет три формы памяти: индивидуальную, или автобиографическую, коллективную и историче-

скую. Индивидуальная хранит личные воспоминания человека, а вот коллективная и историческая имеет следующие критерии: размер социальной группы, характер воспоминания и передача памяти. Коллективную можно связать с традицией передачи воспоминаний устно, а вот историческая хранится в письменных источниках. Коллективная память работает, когда есть живые свидетели событий, а историческая набирает обороты, когда живых свидетелей произошедшего уже нет.

Наш современник Ж.Т. Тощенко отмечает, что историческая память – это сознание, отражающее особую значимость и актуальность информации о прошлом в тесной связи с настоящим и будущим [8, с. 3]. Историческая память представляет собой выражение процесса организации, сохранения и воспроизводства прошлого опыта народа, страны, государства для его возможного использования в деятельности людей [15, с. 8].

Для того чтобы сформировать свои жизненные стратегии, молодым людям необходимо опираться на культурно-исторические образцы и опыт прошлых поколений, что в свою очередь помогает сделать более осознанный выбор тех социальных ориентаций, которые в дальнейшем транслируются молодежи в обществе.

На наш взгляд, формированию в молодежной среде сознания, отражающего особую значимость и актуальность информации о прошлом в тесной связи с настоящим и будущим, может способствовать культурное волонтерство, так как данная деятельность направлена на сохранение культурно-исторического наследия народов Российской Федерации, в том числе исторического облика малых городов.

В настоящее время в России осваивается федеральный проект «Создание условий для реализации творческого потенциала нации» («Творческие люди») национального проекта «Культура», в рамках которого действует подпрограмма «Волонтеры культуры».

Благодаря работе данной подпрограммы 29 проектов получили ресурсную поддержку на организацию и проведение мероприятий, направленных на сохранение и восстановление объектов культурного наследия и деревянного зодчества с привлечением добровольцев. В 35 субъектах Российской Федерации при активном участии региональных органов исполнительной власти в сфере охраны памятников, отделений Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК), добровольческих

градозащитных объединений с привлечением волонтеров проведено более 90 мероприятий по ремонту объектов культурного наследия и благоустройству территорий. Региональными органами власти в сфере культуры и охраны памятников оказана необходимая организационная и экспертно-методическая помощь волонтерам. Всего в 2019 г. волонтеры провели работы по благоустройству на 981 объекте культурного наследия. Также благодаря данной подпрограмме реализован пилотный проект «Практическая сессия “Волонтеры наследия”». За 8 смен продолжительностью от 7 до 14 дней 2 000 добровольцев из 38 регионов Российской Федерации своим трудом сохраняли исторический облик одного из древнейших городов России – Печоры Псковской области.

Культурное волонтерство вовлекает молодых людей в активную деятельность, направленную на создание этнокультурного пространства российского государства. Молодежь активно погружается в историю страны, самостоятельно формирует условия для развития познавательного туризма, патриотизма, изучения истории, задает правильный вектор развития современной молодежи, организуя и активно принимая участие в культурно-массовых мероприятиях, мастер-классах, днях культур народов России. Благодаря культурному волонтерству в среде современной российской молодежи формируется историческое сознание, что в свою очередь очень важно для общественного развития в целом.

Нельзя не согласиться с высказыванием Д.С. Лихачева: «Улицы, площади, каналы, отдельные дома, парки напоминают, напоминают... Ненавязчиво и ненастойчиво входят впечатления прошлого в духовный мир человека, и человек с открытой душой входит в прошлое. Он учится уважению к предкам и помнит о том, что в свою очередь нужно будет для его потомков. Он начинает учиться ответственности – нравственной ответственности перед людьми прошлого и одновременно перед людьми будущего» [16, с. 186]. Современному молодому человеку очень важно сохранить не только сами объекты наследия, но и ту среду, в которой они существуют. Таким образом, мы формируем историческую память, создаем связь с будущими поколениями, которые будут жить на территории России.

Анализ показал, что сохранение культурно-цивилизационного кода России осуществляется посредством формирования исторической памяти молодого поколения. Одним из эффективных механизмов такого формирования является куль-

турное волонтерство. Посредством волонтерской деятельности в сфере культуры российская молодежь получает важные сведения о прошлом опыте человечества, что способствует ее обогащению историческими научными сведениями. Также культурное волонтерство воспитывает у молодого поколения уважение к историческому прошлому своей страны. Культурное волонтерство – это деятельность, направленная на сохранение исторического облика малых городов, что в свою очередь позволяет туристам и гостям получать более глубокое представление об истории страны через социокультурное пространство. Культурное волонтерство задает правильный вектор развития современной молодежи через организацию и ее активное участие в культурно-массовых мероприятиях по формированию культурной идентичности и популяризации культурной сферы среди российского населения.

Литература

1. *Lubsky A.V., Kolesnykova E.Y., Lubsky R.A.* Mental Programs and Social Behavior Patterns in Russian Society // *International Journal of Environmental and Science Education*. 2016. Vol. 11, № 16. P. 9549–9559.
2. *Касьянов В.В., Шкуротий О.И., Гафигатулина Н.Х.* Специфика социальной адаптации молодежи как механизм профилактики поведенческих аддикций // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2019. № 12. С. 70–74.
3. *Зубок Ю.А., Чупров В.И.* Смысложизненные ценности в культурном пространстве российской молодежи // *Научный результат. Социология и управление*. 2018. Т. 4, № 3. С. 3–13.
4. *Горшков М.К.* Российская молодежь: к истории и роли в современном обществе // *Гуманитарий Юга России*. 2019. Т. 8(38), № 4. URL: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/hsr/article/view/6646/6548> (дата обращения: 23.10.2020).
5. *Певная М.В.* Волонтерство как социальный феномен: управленческий подход: дис. ... д-ра социол. наук. Н. Новгород, 2016. 368 с.
6. *Кисленко А.В.* Волонтерство: потенциал самоорганизации российской молодежи // *Научный результат. Социология и управление*. 2018. № 1. С. 63–71. URL: <http://r sociology.ru/media/sociology/2018/1/63-71.pdf> (дата обращения: 23.10.2020).
7. *Касьянов В.В., Латышева А.Т., Гафигатулина Н.Х.* Волонтерская деятельность как ресурс повышения социального здоровья российской молодежи // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2020. № 2. С. 61–66.

8. Тощенко Ж.Т. Историческое сознание и историческая память. Анализ современного состояния // Новая и новейшая история. 2000. № 4. С. 3–14.

9. Савельева И.М., Поletaев А.В. «Историческая память»: к вопросу о границах понятия // Феномен прошлого. М. : ГУ-ВШЭ, 2005. С. 170–220.

10. Голдик Н.В. Культурно-историческая память и достоинство личности // Вестн. Ленинградского гос. ун-та им. А.С. Пушкина. 2012. Т. 2, № 2. С. 67–76.

11. Резник И.И. Важность исторической памяти // Национальные приоритеты России. 2020. № 1(36). С. 38–41. URL: [http://rusnatprior.ru/files/files/1\(36\)2020/%D0%A1.38-41%20%D0%A0%D0%B5%D0%B7%D0%BD%D0%B8%D0%BA%20%E2%84%96%201%20%2836%29.pdf](http://rusnatprior.ru/files/files/1(36)2020/%D0%A1.38-41%20%D0%A0%D0%B5%D0%B7%D0%BD%D0%B8%D0%BA%20%E2%84%96%201%20%2836%29.pdf) (дата обращения: 22.10.2020).

12. Социологический энциклопедический словарь / ред.-координатор Г.В. Осипов. М. : Норма: НОРМА-ИНФРА М, 2000. 480 с.

13. Ключевский В.О. Литературные портреты. М. : Современник, 1991. 461 с.

14. Паклина Е.А. Культурное волонтерство как инновационный вид деятельности добровольцев // Труды Санкт-Петербургского гос. ин-та культуры. 2018. Т. 216. С. 125–134.

15. Кутыкова И.В. Историческая память нового поколения в условиях социокультурной трансформации // Труды Санкт-Петербургского гос. ин-та культуры. 2015. Т. 208. С. 7–15.

16. Лихачев Д.С. Письма о добром и прекрасном. М. : Дет. лит.-ра, 1985. 207 с.

References

1. Lubsky A.V., Kolesnykova E.Y., Lubsky R.A. (2016). Mental Programs and Social Behavior Patterns in Russian Society. *International Journal of Environmental and Science Education*, vol. 11, No. 16, pp. 9549-9559.

2. Kas'yanov V.V., Shkuropiy O.I., Gafiatulina N.Kh. (2019). Specificity of social adaptation of young people as a mechanism for the prevention of behavioral addictions. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*, No. 12, pp. 70-74. (in Russian).

3. Zubok Yu.A., Chuprov V.I. (2018). Life-meaning values in the cultural space of Russian youth. *Nauchnyi rezul'tat. Sotsiologiya i upravlenie*, vol. 4, No. 3, pp. 3-13. (in Russian).

4. Gorshkov M.K. (2019). Russian youth: on the history and role in modern society. *Gumanitarii Yuga Rossii*, vol. 8 (38), No. 4. Available at: <https://www.jour.fnisc.ru/>

index.php/hsr/article/view/6646/6548 (accessed October 23, 2020).

5. Pevnaya M.V. (2016). *Volunteering as a social phenomenon: management approach*. Dissertaion Thesis. N. Novgorod, 368 p. (in Russian).

6. Kisilenko A.V. (2018). Volunteering: the potential for self-organization of Russian youth. *Nauchnyi rezul'tat. Sotsiologiya i upravlenie*, No. 1, pp. 63-71. Available at: <http://rirsociology.ru/media/sociology/2018/1/63-71.pdf> (accessed October 23, 2020). (in Russian).

7. Kas'yanov V.V., Latysheva A.T., Gafiatulina N.Kh. (2020). Volunteering as a resource for improving the social health of Russian youth. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*, No. 2, pp. 61-66. (in Russian).

8. Toshchenko Zh.T. (2000). Historical consciousness and historical memory. Analysis of the current state. *Novaya i noveishaya istoriya*, No. 4, pp. 3-14. (in Russian).

9. Savel'yeva I.M., Poletayev A.V. (2005). "Historical memory": to the question of the boundaries of the concept. *Phenomenon of the past*. Moscow, GU-VSHE Press, pp. 170-220. (in Russian).

10. Golik N.V. (2012). Cultural and historical memory and dignity of the individual. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina*, vol. 2, No. 2, pp. 67-76. (in Russian).

11. Reznik I.I. (2020). The importance of historical memory. *Natsional'nye priority Rossii*, No. 1(36), pp. 38-41. Available at: [http://rusnatprior.ru/files/files/1\(36\)2020/%D0%A1.38-41%20%D0%A0%D0%B5%D0%B7%D0%BD%D0%B8%D0%BA%20%E2%84%96%201%20%2836%29.pdf](http://rusnatprior.ru/files/files/1(36)2020/%D0%A1.38-41%20%D0%A0%D0%B5%D0%B7%D0%BD%D0%B8%D0%BA%20%E2%84%96%201%20%2836%29.pdf) (accessed October 22, 2020). (in Russian).

12. *Sociological encyclopedic dictionary*. (2000). G.V. Osipov (Ed.). Moscow, Norma: NORMA-INFRA M Publ., 480 p. (in Russian).

13. Klyuchevskii V.O. (1991). *Literary portraits*. Moscow, Sovremennik Publ., 461 p. (in Russian).

14. Paklina E.A. (2018). Cultural volunteering as an innovative activity of volunteers. *Trudy Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury*, vol. 216, pp. 125-134. (in Russian).

15. Kutykova I.V. (2015). Historical memory of a new generation in the context of sociocultural transformation. *Trudy Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury*, vol. 208, pp. 7-15. (in Russian).

16. Likhachev D.S. (1985). *Letters about the good and the beautiful*. Moscow, Delovaya literatura Publ., 207 p. (in Russian).

УДК 94(41/99)
doi 10.18522/2687-0770-2020-4-107-113

ПЕРВЫЙ СЪЕЗД СОВЕТОВ ДОНСКОЙ СОВЕТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ 1918 ГОДА В КОНТЕКСТЕ ОБЩЕРОССИЙСКОЙ ВНУТРИ- И ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОВЕСТКИ

© 2020 г. В.Р. Сахранов ^{a, b}

^a Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия,

^b Законодательное Собрание Ростовской области, Ростов-на-Дону, Россия

FIRST CONGRESS OF SOVIETS OF THE DON SOVIET REPUBLIC IN THE CONTEXT OF THE ALL-RUSSIAN DOMESTIC AND FOREIGN POLICY PROGRAM

V.R. Sakhranov ^{a, b}

^a Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

^b Legislative Assembly of the Rostov region, Rostov-on-Don, Russia

Сахранов Виктор Романович –
аспирант, Институт истории
и международных отношений,
Южный федеральный университет,
ул. Б. Садовая, 33, г. Ростов-на-Дону,
344082, Россия;
консультант заместителя председателя,
Законодательное Собрание Ростовской области,
ул. Социалистическая, 112, г. Ростов-на-Дону,
344050, Россия.
E-mail: vicsakhranov@ya.ru

Viktor R. Sakhranov -
Postgraduate, Institute of History
and International Relations,
Southern Federal University,
Bolshaya Sadovaya St., 33, Rostov-on-Don,
344082, Russia;
Consultant to the Vice-Chairman,
Legislative Assembly of the Rostov region,
Sotsialisticheskaya St., 112, Rostov-on-Don,
344050, Russia
E-mail: vicsakhranov@ya.ru

Рассматривается процесс советизации Дона в 1917–1918 гг. как неотъемлемой части общественно-политических процессов, происходивших в это время в России. Определяются место и роль I съезда Советов Донской советской республики 9–14 апреля 1918 г. в контексте общероссийской внутри- и внешнеполитической повестки. Описывается взаимное влияние процессов, происходивших на общероссийском и на региональном уровне. Анализируется важнейшее учредительное событие в советизации Дона, имеющее существенное значение в условиях Гражданской войны и военной интервенции со стороны Германии. Рассматриваются события регионального уровня в неотъемлемой связи с процессами, происходившими на национальном уровне. Затрагиваются такие вопросы, как место и роль общегосударственных мероприятий и событий в подготовке и проведении съезда Советов на Дону, влияние опасности вторжения Германии на территорию Донской советской республики, отношение донского руководства к Брестскому мирному договору, и иные. Следовательно, факт проведения I съезда Советов Донской советской республики отвечал целям общероссийской внешней и внутренней политики.

Ключевые слова: Россия, Гражданская война, революция, Первая мировая война, Донская советская республика, государственное строительство, советизация, большевики, советская власть.

The article is devoted to the process of sovietization of the Don region in 1917-1918 as an integral part of the socio-political processes that took place in Russia at that time, namely, the place and role of the First Congress of Soviets of the Don Soviet Republic on April 9-14, 1918 in the context of the all-Russian domestic and foreign policy program. The article describes in detail the mutual influence of processes that took place at the national and regional levels. The purpose of the article is to review and analyze the most important constituent event in the sovietization of the Don region, which is of high significance in the conditions of the Civil war and military intervention by Germany. The scientific novelty of the article lies in the consideration of regional events in an integral connection with the processes that took place at the national level. The study puts forward questions such as the place and role of national measures and events in the preparation and holding of First Congress of Soviets of the Don region, the effect of the danger of German invasion into the terri-

tory of the Don Soviet Republic, the relation of the Don to the leadership of the Brest peace Treaty and others. As a result of the research, it was possible to conclude that the fact of holding First Congress of Soviets of the Don Soviet Republic met the goals of the all-Russian foreign and domestic policy.

Keywords: *Russia, Civil War, Revolution, World War I, Don Soviet Republic, state building, sovietization, bolsheviks, soviet power.*

Процесс государственного строительства советских республик в России и в том числе на Дону происходил на фоне значимых исторических событий: Первая мировая война, революции 1917 г. и Гражданская война в России со всеми включенными в них социально-политическими процессами. В большинстве своем данные события и выступили в качестве предпосылок создания советских республик.

После революции 1917 г. ситуация на Юге России была достаточно сложной. Политические партии и движения боролись за симпатии местного населения и его лояльность. Казачество Дона задумывалось о самоопределении и автономии. Помимо этого ситуация на Дону осложнялась приграничным статусом с Украиной, которая отделилась от России, но фактически оказалась под управлением Германии, чьи войска находились на ее территории.

Цель нашей статьи – рассмотрение и анализ взаимовлияния значимых общегосударственных событий и проводимой политики России и организационных мероприятий регионального масштаба по установлению советской власти на примере I съезда Советов Донской советской республики.

Процесс государственного строительства на Дону в 1918 г. освещался в работах как советских, так и уже российских ученых. Среди исследований советского периода можно отметить работы Н.Л. Янчевского [1] и И. Борисенко [2]. Они одними из первых рассмотрели государственно-политические процессы на Дону этого периода. Я.Н. Раенко [3] провел историографический обзор и комплексный анализ предшествующих исследований по данной проблематике. Ю.К. Кириенко [4, 5] оценил события 1917–1918 гг. с позиции влияния казачества на процесс советского государственного строительства на Дону. Интерес представляют также работы А.И. Козлова [6, 7] о месте и роли казачества советского и российского периодов. В.Н. Сергеев [8, 9] большое внимание уделяет общественно-политическим процессам на Юге России как с позиции государственного строительства, местного самоуправления, партийной организации, так и с позиции настроений народных масс

и представителей различных слоев общества 1917–1918 гг.

Источниковую базу исследования составляют сборники документов о событиях в указанных хронологических рамках на Дону, нормативные документы государственного и регионального уровня по вопросам военного противоборства в рамках Гражданской войны и Первой мировой войны, а также организационного обеспечения, выступления общественно-политических деятелей.

Исследование проводилось с использованием методов контент-анализа, ивент-анализа, биографической реконструкции, классических специальных исторических методов: историко-системного, историко-сравнительного, историко-типологического.

Деятельность Советов на всероссийском уровне имела решающее значение для советизации отдельных регионов, в том числе и Дона:

– организационно – на II Всероссийском съезде Советов были заложены основы структуры власти и управления;

– идеологически – обращения съездов и органов власти;

– политически – принятие таких фундаментальных документов, как декреты и Декларации прав народов России, имевших большое значение для приграничного, аграрного, со сложной социальной и национальной структурой Дона [10].

Одним из важных результатов работы III Всероссийского съезда Советов становится одобрение 12.01.1918 г. Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа, разработанной и принятой на заседании ВЦИК 03.01.1918 г. Данный документ определил советские республики элементами, составляющими Российскую советскую республику как федеративное государство на основе их свободного и самостоятельного выбора, который жители таких республик могут сделать посредством съезда Советов соответствующего уровня [11].

В резолюции «О федеральных учреждениях», также принятой на III Всероссийском съезде Советов, упоминается понятие «областная Советская республика». Способом стимулирования процесса создания советских республик на ме-

стах явилось наделение региональных структур особыми полномочиями, которые должны были осуществляться «немедленно, по образовании областных Советских республик» [12].

Таким образом, на общероссийском уровне велась активная работа по созданию правовых и организационных основ будущего федеративного государства и оснований для создания суверенных республик в его составе.

Очередным значимым событием всероссийского уровня становится соглашение между блоком РКП (б) и партией левых эсеров, выражавшей интересы крестьянства [13], в результате чего была расширена социальная база Советов. Соглашение также имело большое значение для формирующихся республик – ускорились процессы советизации их территорий и подготовки первых республиканских съездов Советов.

К октябрю 1917 г. организационный этап советизации на Дону был завершен – советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов на территории Области войска Донского были созданы в более или менее крупных территориальных образованиях – городах, станицах, шахтах, хотя широкие территории все же оставались неохваченными.

В октябре 1917 – январе 1918 г. начинается деятельность по созданию структуры органов власти (региональные функционеры равнялись на общероссийские преобразования властного аппарата, за основу была взята структура органов власти, сформированная на II Всероссийском съезде Советов) и по подготовке к созыву областного съезда Советов, что являлось главной политической и организационно-государственной целью большевиков на Дону. Большевики понимали, что их положение может быть подкреплено и легитимизировано только лишь подобным институциональным способом. На необходимость организации такого съезда указывал и В.И. Ленин в своей телеграмме В.А. Антонову-Овсеенко 28.02.1918 г. [14, с. 365].

Важной особенностью в случае с Донской республикой было то, что она задумывалась как государственное образование не какого-то конкретного сословия или класса, но как республика всего народа, проживающего на данной территории. Ее создание отвечало принципам социальной и исторической справедливости, так как до этого многочисленное неказачье население по сути было лишено представительства и тех привилегий, которыми пользовались казаки на территории Области войска Донского. Разу-

меется, деятельность по созданию республики имела целью не только социальную справедливость, но и куда более значимую – консолидацию населения, сил и ресурсов в военное время в условиях реальной угрозы миру и стабильности территории как изнутри – со стороны белоказачьего движения, так и извне – со стороны Германии. Кроме того, целью создания республики также являлась попытка лишить германские войска оснований для вторжения на территорию республики – государственного образования федеративного государства, обладающего своим собственным суверенитетом, в связи с чем процесс создания республики приобретал особое значение для суверенитета России [2].

В целях обеспечения лояльного большевикам состава делегатов на съезде было решено провести перевыборы в тех Советах, где большинство было за меньшевиками и правыми эсерами. Среди таких Советов был и наиболее значимый Ростово-Нахичеванский. Такие перевыборы прошли в первые месяцы 1918 г. Естественно, победа досталась большевикам и левым эсерам [9].

Центральными властями поощрялось проведение съездов Советов на местах, в особенности учредительных. Однако в 1917 г. созвать съезд Советов на Дону не удалось ввиду слабости партийной организации и структуры как у большевиков, так и у их союзников по блоку – левых эсеров. Также против играли и донские традиции сословной государственности, и военное вмешательство А.М. Каледина.

Активная фаза подготовки съезда Советов на Дону начинается в феврале 1918 г. В ходе подготовки политические деятели Дона руководствовались инструкцией наркомата внутренних дел от 24.12.1917 г. «О правах и обязанностях Советов» [15]. Инструкция являлась описанием того, что из себя должны представлять Советы на местном уровне.

20 марта 1918 г. Донской областной ВРК опубликовал обращение о созыве съезда Советов Донской области [16, с. 283–285]. А 23 марта Донской областной военно-революционный комитет выпускает еще одно воззвание – «Об образовании Донской советской республики» со столицей в городе Ростове-на-Дону и «в кровной связи с Российской Советской Республикой». Важное место в возвании занимает опасность германского вторжения на юг России. Именно данная проблема наибольшим образом волновала умы жителей Дона. В возвании отмечалось, что, несмотря на все тягости мирного

договора, на которые пошло советское правительство, Германия не остановится, пока белое движение не захватит власть на всем юге России, восстановив прежние порядки и снабдив продовольствием Германию [6, с. 67].

В этом же воззвании вновь образованному Совету Народных Комиссаров Донской советской республики дается первое поручение – установить связь с ближайшими субъектами Советской России в целях совместной обороны от германских сил и дальнейшей совместной борьбы за установление социализма.

Таким образом, к моменту съезда Советов Дон подошел уже в статусе советской республики.

В преддверии I съезда Советов Донской советской республики в Ростов-на-Дону был направлен представитель Совета Народных Комиссаров РСФСР и Центрального комитета РСДРП (б) Г.К. Орджоникидзе. Уже будучи принимающим участие в съезде был принят декрет о статусе чрезвычайного комиссара СНК РСФСР Г.К. Орджоникидзе как председателя Временного Чрезвычайного комиссариата Южного района (в который помимо Донской республики входили территории Крыма, Терской области, Черноморской губернии, Северный Кавказ, а также Черноморский флот) с целью проведения в жизнь политики центральных советских властей и усиления их позиций, борьбы с контрреволюцией на подконтрольной территории. При этом в его полномочия входил полный контроль за деятельностью всех советских структур в зоне Южного района как представителя центральной советской власти. Центральными властями, в том числе в лице В.И. Ленина, уделялось пристальное внимание съездам Советов в регионах и в особенности в приграничных территориях – Донской советской республике – на фоне опасности вторжения германских военных сил.

Официально I съезд Советов Донской советской республики начал свою работу 9 апреля 1918 г. в Ростове-на-Дону.

В начале работы съезда выступил заместитель председателя СНК Донской советской республики С.И. Сырцов, доложив о текущем моменте в делах Донской советской республики: он отметил, что настоящая революция на Дону происходит только сейчас, в оторванности от февральских и октябрьских событий, что, безусловно, оказывает негативное влияние на советизацию Дона, виной чему явилась деятельность

Каледина, однако эти обстоятельства придают особую значимость происходящему на съезде. Также С.И. Сырцов назвал достижения советского правительства на Дону: национализация ряда крупных предприятий и банков, введение рабочего контроля на иных предприятиях, перестройка системы государственного управления, передача земли крестьянам.

На открытии присутствовали 759 человек (656 делегатов с правом решающего голоса и 103 – с правом совещательного голоса) [16, с. 315; 17, с. 267]. В работе съезда также принимали участие представители Центрального исполнительного комитета Украины, Армении и Кубани, лидеры партии левых эсеров Б.Д. Камков, В.А. Карелин, И.З. Штейнберг, Я.М. Фишман. Председателем съезда был единодушно избран большевик В.С. Ковалев.

В президиум выбрали 10 большевиков и 9 левых эсеров, а также Г.К. Орджоникидзе и Ф.Г. Подтелкова [16, с. 310–312].

10 апреля проходили совещания по фракциям. На повестке дня стоял вопрос отношения к Брестскому миру, где Г.К. Орджоникидзе настаивал на его единогласной поддержке в том виде, в котором его предложил В.И. Ленин. Однако группа делегатов во главе с С.И. Сырцовым (в состав этой группы входили и руководящий состав Донской советской республики) выступили против безоговорочного признания Брестского мира, аргументируя свою позицию тем, что на Дону имеется объективная необходимость в консолидации народных масс в условиях угрозы вторжения германских войск. Также С.И. Сырцов в своей речи сказал о том, что Брестский мир нельзя одобрять и потому, чтобы в лице народных масс разрушить стереотип о связи большевиков и Германии, а также о необходимости создания вооруженных сил. Однако данная группа противников Брестского мира оказалась в меньшинстве, и ее позиция была отвергнута.

Вечером 10 апреля Г.К. Орджоникидзе докладывал И.В. Сталину по телефону о работе съезда [16, с. 315].

На третий день работы съезда проходило обсуждение Брестского мира уже в целом, где столкнулись позиции большевиков и левых эсеров. От большевиков выступал С.С. Турло, аргументировавший необходимость поддержки Брестского мирного договора неспособностью РСФСР противостоять германской армии, необходимостью укрепления внутривнутриполитической

обстановки и формирования сильной армии. Ему оппонировал эсер Б.Д. Камков (партия которого в отличие от большевиков рассчитывала провести в жизнь линию против Брестского мира за счет патриотических настроений населения на фоне угрозы вторжения Германии) с тезисом о том, что, несмотря на подписанный мирный договор, германцы продолжают вести боевые действия, продвигаясь в глубь страны.

Также левые эсеры считали, что, согласившись на условия Брестского мира, Россия потеряет достижения революции, поэтому необходимо, напротив, поддержать революционные настроения на Украине и поднять там восстание против Германии, организовать оборону совместно с другими советскими республиками на юге России. Разумеется, такие дискуссии на местах не могли повлиять на принятие решения о заключении мирного договора на предлагаемых условиях, однако показателен сам факт отсутствия единства в данном вопросе, хотя решение было принято В.И. Лениным и партийным руководством. Далее в дискуссию вступили Г.К. Орджоникидзе и В.С. Ковалев с защитой позиций, изложенных в докладе С.С. Турло.

Неожиданным для делегатов съезда стало выступление меньшевика Гроссмана как организационно (выступление не было заявлено в повестке), так и по содержанию. Докладчик заявлял, что власть Советов приведет Россию к гибели, предложил не признавать Брестский мирный договор и добровольно отдать власть учредительному собранию. Далее выступили представители округов: Хохлачев (Сальский), Петрушенко (Ростовский), В.Ф. Ларин (Черкасский) – за одобрение Брестского мирного договора, представители Хоперского и 2-го Донского округов – против. По итогу для голосования было предложено три резолюции: большевистская (резолюцию оглашал Г.К. Орджоникидзе), левозэсеровская и меньшевистская.

Таким образом, данная тема вызвала бурную полемику среди делегатов съезда, однако в связи с тем, что противники мирного договора опасались вторжения немцев на Дон, итоговая большевистская резолюция была одобрена [16, с. 312–313]. При этом в первоначальной повестке съезда вопрос о Брестском мире не значился вовсе, однако объективные обстоятельства потребовали внимательного обсуждения данного вопроса. В самой резолюции отмечалось, что Донская республика, являясь частью Советской России, одобряет мирный курс СНК РСФСР,

принимает Брестский мирный договор в качестве обязательного к исполнению. Согласование итоговой резолюции в большевистской формулировке, безусловно, было значимой победой для большевиков на Дону, которая воспринималась как возможность предотвратить вторжение германцев на Дон. На общегосударственном уровне победа большевиков на съезде в сельскохозяйственном регионе, где традиционно значимая часть народа разделяла эсеровские взгляды, также имела существенное значение.

Четвертый день съезда, 12 апреля был подготовительным и прошел в обсуждении вопроса организации власти в Донской республике. Г.К. Орджоникидзе информировал ВЦИК о принятии большевистской декларации на фоне опасения делегатов вторжения Германии на Дон. В этот же день в СНК РСФСР была направлена телеграмма с промежуточными итогами работы съезда [16, с. 313–314].

На пятый день работы съезда продолжались обсуждения по вопросу организации власти – между делегатами разразилась серьезная дискуссия относительно способа формирования ЦИК Донской советской республики. Были выдвинуты две точки зрения – по спискам и по округам. В результате обсуждений приняли решение о выборах по округам, где голосование должно проводиться по партийным спискам.

В тот же день В.И. Ленин в своей телеграмме к съезду Советов Донской республики приветствовал его решения, особо курс на раскулачивание казаков [16, с. 314–315]. Интересно отметить, что в телеграмме не было ни слова о перспективе вторжения Германии на Дон и о Брестском мирном договоре в целом.

Наконец 14 апреля съезд приступил к выборам состава ЦИК Донской советской республики. По итогам голоса разделились следующим образом: 271 голос за левых эсеров – 24 члена ЦИК, в том числе 2 избраны в президиум ЦИК; 284 голоса за большевиков – 26 членов ЦИК, в том числе 3 избраны в президиум ЦИК.

Таким образом, за исключением вопроса о Брестском мирном договоре, между большевиками и левыми эсерами сохранялся результат в голосованиях, близкий к паритету.

На этом фоне съезду поступила телефонограмма от М.А. Фетисова – предводителя восстания казаков Бессергеновской, Заплавской и Раздорской станиц, захвативших к этому времени Новочеркасск и направлявшихся к Ростову [17].

Решением съезда восставшим было направлено предложение подчиниться Советской власти, а советским войскам поручить подавить восстание. На таком непростом этапе руководство Донской советской республики приняло решение прекратить работу съезда [18, 19].

В итоге на I съезде Советов Донской советской республики окончательно были сформированы органы власти Донской советской республики и выработаны основные направления проводимой политики, задачи на ближайшее будущее и принципы дальнейшего проведения в жизнь революционных преобразований. Съезд явился важнейшим учредительным этапом установления Советской власти на Дону. Его организационные основы были заложены на общегосударственном уровне, без которых ни его проведение, ни создание Донской советской республики были бы невозможны. Сам же факт проведения I съезда Советов Донской советской республики отвечал целям общероссийской внешней и внутренней политики: создание суверенных государственных образований на пути германской интервенции в целях лишения оснований таковой, дальнейшая советизация регионов России и легитимизация Советской власти на местах, консолидация сил для борьбы с белогвардейским движением.

Литература

1. Янчевский Н.Л. Гражданская борьба на Северном Кавказе. Ростов н/Д.: Севкавказ, 1927. Т. 2. 159 с.
2. Борисенко И. Советские республики на Северном Кавказе в 1918 году. Ростов н/Д.: Северный Кавказ, 1930. Т. 1. 271 с.
3. Раенко Я.Н. Великая Октябрьская социалистическая революция на Дону, Кубани и Ставрополье в исторической литературе: тез. докл. межвуз. науч. конф. Ростов н/Д.: Кн. изд-во, 1959.
4. Из истории Дона (XVII – XX вв.): сб. ст. Ростов н/Д.: Кн. изд-во, 1956. Т. 1. С. 181–211.
5. Кириенко Ю.К. Октябрь на Дону и Северном Кавказе. Ростов н/Д.: Кн. изд-во, 1977. 302 с.
6. Козлов А.И. На историческом повороте. Ростов н/Д.: Изд-во РГУ, 1977. 214 с.
7. Козлов А.И. Казачья окраина России. Ростов н/Д., 1992. 181 с.
8. Сергеев В.Н. Донская республика. Ростов н/Д.: Изд-во РГУ, 2005. 416 с.
9. Сергеев В.Н. Многопартийность и государственная власть на Юге России в 1905–1920 гг. М.: Вузовская книга, 2012. 416 с.

10. Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. М.; Л.: Гос. изд-во, 1928. 179 с.

11. Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа // Конституция общенародного государства. М.: Политиздат, 1978. 290 с.

12. Резолюция III Всероссийского съезда Советов «О федеральных учреждениях Российской республики». URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5321/> (дата обращения: 17.10.2020).

13. Декреты Советской власти. Т. I: 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. М.: Политиздат, 1957. 640 с.

14. Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. М.: Политиздат, 1970. Т. 50. 624 с.

15. Инструкция Народного комиссариата внутренних дел «О правах и обязанностях Советов». URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5317/> (дата обращения: 18.10.2020).

16. Борьба за власть Советов на Дону 1917–1920 гг.: сб. док. Ростов н/Д.: Кн. изд-во, 1957. 528 с.

17. Бугаев А.В. Очерки истории гражданской войны на Дону (февраль – апрель 1918 г.). Ростов н/Д.: Книга, 2014. 384 с.

18. Дон в годы революции и Гражданской войны. 1917–1920: сб. док.: в 2 т. Т. 1: Март 1917 – май 1918. Ростов н/Д.: Альгаир, 2017. 460 с.

19. Пролетарская революция на Дону: сб. 4-й. М.; Л.: ГИЗ, 1924. 272 с.

References

1. Yanchevsky N.L. (1927). *Civil struggle in the North Caucasus*. Rostov-on-Don, Sevkaukniga Publ., vol. 2, 159 p. (in Russian).
2. Borisenko I. (1930). *Soviet Republics in the North Caucasus in 1918*. Rostov-on-Don, Severnyi Kavkaz Publ., vol. 1, 271 p. (in Russian).
3. Raenko Ya.N. (1959). *The Great October Socialist Revolution on the Don, Kuban and Stavropol territory in historical literature*. Theses of reports of inter-university scientific conference. Rostov-on-Don, Publishing House. (in Russian).
4. *From the History of the Don (17th-20th centuries)*. (1956). Collection of articles. Rostov-on-Don, Publishing House, vol. 1, pp. 181-211. (in Russian).
5. Kiriyenko Yu. K. (1977). *October on the Don and the North Caucasus*. Rostov-on-Don, Publishing house, 302 p. (in Russian).
6. Kozlov A.I. (1977). *On the historical turn*. Rostov-on-Don, RSU Press, 214 p. (in Russian).
7. Kozlov A.I. (1992). *Cossack outskirts of Russia*. Rostov-on-Don, 181 p. (in Russian).
8. Sergeev V.N. (2005). *Don Republic*. Rostov-on-Don, RSU Press, 416 p. (in Russian).

9. Sergeev V.N. (2012). *Multiparty system and state power in the South of Russia in 1905-1920*. Moscow, Vuzovskaya kniga Publ., 416 p. (in Russian).
10. *2nd all-Russian Congress of soviets of workers and soldiers deputies*. (1928). Moscow, Leningrad, State Publishing House, 179 p. (in Russian).
11. Declaration of the rights of the working and exploited people. (1978). *Constitution of the national state*. Moscow, Politizdat Publ., 290 p. (in Russian).
12. *Resolution of the 3rd all-Russian Congress of soviets "On federal institutions of the Russian Republic"*. Available at: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5321/> (accessed October 17, 2020). (in Russian).
13. *Decrees of the soviet government*. (1957). Vol. 1. 25 October 1917 - March 16, 1918. Moscow, Politizdat Publ., 640 p. (in Russian).
14. Lenin V.I. (1970). *Complete set of works*. 5th ed. Moscow, Politizdat Publ., vol. 50, 624 p. (in Russian).
15. *Instruction of the People's Commissariat of internal affairs "On the rights and duties of Soviets"*. Available at: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5317> (accessed October 18, 2020). (in Russian).
16. *Struggle for power of the soviets on the Don 1917-1920*. (1957). Collection of documents. Rostov-on-Don, Publishing House, 528 p. (in Russian).
17. Bugaev A.V. (2014). *Essays on the history of the Civil War on the Don (February-April, 1918)*. Rostov-on-Don, Kniga Publ., 384 p. (in Russian).
18. *Don in the years of revolution and Civil War. 1917 - 1920*. (2017). Collection of documents. In 2 vol. Vol. 1: March, 1917 - May, 1918. Rostov-on-Don, Al'tair Publ., 460 p. (in Russian).
19. *Proletarian revolution on the Don*. (1924). 4th coll. Mosco, Leningrad, GIZ Publ., 272 p. (in Russian).

Поступила в редакцию / Received

27 октября 2020 г. / October 27, 2020

УДК 433

doi 10.18522/2687-0770-2020-4-114-121

**ГОРСКАЯ АССР И ПРОБЛЕМЫ
НАЦИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ
КАБАРДИНСКОГО И БАЛКАРСКОГО ОКРУГОВ (1921–1922 годы)**

© 2020 г. А.Ж. Шереузов ^а

^а Кабардино-Балкарский научный центр РАН, Нальчик, Россия

**GORSK ASSR AND PROBLEMS OF NATIONAL SELF-DETERMINATION
OF KABARDIN AND BALKAR DISTRICTS (1921-1922)**

A.Zh. Shereuzhev ^а

^а Kabardino-Balkarian Scientific Center, Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia

Шереузов Аскер Жилибиевич –
аспирант, кафедра отечественной истории
и этнологии,
Кабардино-Балкарский научный центр РАН,
ул. Балкарова, 2, г. Нальчик,
Кабардино-Балкарская Республика,
360010, Россия.
E-mail: asker.shereuzhev@mail.ru

Asker Zh. Shereuzhev -
Postgraduate, Department of National History
and Ethnology,
Kabardino-Balkarian Scientific Center,
Russian Academy of Sciences,
Balkarova Str., 2, Nalchik, Kabardino-Balkar
Republic, 360010, Russia.
E-mail: asker.shereuzhev@mail.ru

Рассматриваются факторы, способствовавшие выводу Кабардинского и Балкарского округов из состава Горской АССР в начале 20-х гг. XX в. В данный период жизни горских народов происходили важные административно-территориальные преобразования и закладывались основы национально-государственного строительства. В результате из состава Горской АССР 1 сентября 1921 г. вышла Кабарда, а 9 января 1922 г. – Балкария. Образование Кабардино-Балкарской автономной области произошло 16 января 1922 г. Рассматривается формирование единой автономии Кабардино-Балкарии на фоне борьбы представителей кабардинской и балкарской политических элит за право на выход из состава Горской АССР и последующее объединение.

Ключевые слова: Горская АССР, Кабардинский округ, Балкарский округ, национально-государственное строительство, Кабардино-Балкарская автономная область.

The factors that contributed to the secession of the Kabardin and Balkar districts from the Gorsk ASSR and the formation of the Kabardino-Balkarian Autonomous Region on January 16, 1922 are considered. Attention is drawn to the fact that during this period in the history of Kabardino-Balkaria important administrative-territorial transformations took place and the foundations of state building, the result of which was the gradual exit first of Kabarda on September 1, 1921, and then of Balkaria on January 9, 1922 from the Mountain ASSR and the formation of the Kabardino-Balkarian Autonomous Region on January 16, 1922. The article considers the formation of a unified autonomy of Kabardino-Balkaria against the background of the struggle of representatives of the Kabardian and Balkarian political elites for the right to secede from the Gorsk ASSR and subsequent unification.

Keywords: Gorsk Autonomous Soviet Socialist Republic, Kabardin District, Balkar District, nation-state building, Kabardino-Balkarian Autonomous Region.

В октябре 1920 г. на краевом совещании, в котором приняли непосредственное участие коммунистические организации Дона и Кавказа, была предложена идея создания Горской АССР. Чуть позже, 17 ноября 1920 г. съезд народов Терской области провозгласил ее образование, а официальной датой считается 20 января 1921 г.,

когда ВЦИК РСФСР принял соответствующий декрет [1, с. 73–74]. Механизмы выстраивания административной системы ГАСССР были провозглашены И. В. Сталиным 17 ноября 1920 г. [2, с. 166–167]. В своем выступлении он отмечал, что у каждого из народов, входящих в состав создаваемой Горской республики, должен

быть свой национальный Совет, который управлял бы делами своего народа в соответствии с особенностями его быта и хозяйства [2].

26 ноября 1920 г. в Нальчик прибывает С.М. Киров, который должен был обсудить вопросы вхождения Кабардинского и Балкарского округов в состав ГАСССР [3, с. 314]. На состоявшемся съезде представителей Нальчикского округа С. М. Киров выступил с докладом, посвященным организационным моментам вхождения Кабардинского и Балкарского округов в состав ГАСССР. На этом съезде помимо организационных моментов было принято постановление о создании Нальчикского окружного исполнительного комитета, состоявшего из 25 человек, и избраны делегаты VIII Всероссийского съезда Советов – Б. Э. Калмыков и М. А. Энеев [3].

К провозглашению ГАСССР руководители Кабардинского и Балкарского округов отнеслись по-разному. Руководство Балкарии поддержало это решение, так как М. А. Энеев 18 ноября 1920 г. был избран балкарскими фракциями в качестве делегата и члена комиссии для разработки конституции будущей Горской республики [3, с. 313]. Представители же кабардинской политической элиты неоднозначно отнеслись к факту образования ГАСССР. Опасаясь, что вхождение Кабардинского округа в состав ГАСССР приведет к потере части своих территорий в пользу других национальных образований, входивших в состав ГАСССР, они в лице председателя исполнительного комитета Кабардинского округа Б. Э. Калмыкова выступили против вхождения Кабардинского округа в состав Горской республики. Однако вскоре вынуждены были кардинально изменить свои позиции. Как считает профессор А. Г. Кажаров, определяющую роль в том сыграл земельный вопрос, адекватное решение которого было одним из основных условий вхождения Кабардинского округа в состав ГАСССР [3].

В результате официальным постановлением от 20 января 1921 г. была образована ГАСССР [4, с. 32]. В декрете об образовании ГАСССР указывалось, что в состав Горреспублики включаются территории, которые занимали в ту пору жители Чечни, Осетии, Ингушетии, Кабарды, Балкарии и Карачая, и земли, населенные казаками [2, с. 168], а также определялись механизмы административно-территориального устройства и формирования системы органов власти в ГАСССР [3, с. 324].

В административно-территориальном отношении ГАСССР состояла из шести округов: Ка-

бардинского, Балкарского, Чеченского, Ингушского, Осетинского и Карачаевского. Административными центрами, согласно декрету, были назначены города Владикавказ и Грозный, которые подчинялись непосредственно ЦИКу и СНК ГАСССР [5, с. 72]. Органами государственной власти в ГАСССР стали окружные съезды Советов рабочих, горских, красноармейских и казачьих депутатов, которые избирались в соответствии с Конституцией 1918 г. Избирательным правом обладали только трудящиеся [5]. Окружные исполкомы были ответственны перед окружным съездом Советов, а также были подотчетны ЦИКу и Совнаркому ГАСССР. В ведении окружных исполкомов находились проблемы, связанные с экономическим и культурным развитием в ГАСССР [5]. Исполнительный комитет состоял из 10 комиссариатов: внутренних дел, юстиции, просвещения, здравоохранения, социального обеспечения, земледелия, продовольствия, финансов, совета народного хозяйства с отделами путей сообщения, почты и телеграфа; рабоче-крестьянской инспекции и труда [2, с. 169]. Комиссариаты просвещения, здравоохранения, юстиции, внутренних дел, земледелия несли ответственность только перед ЦИКом РСФСР [3, с. 323].

Иностранные дела и внешняя торговля, как и прежде, были подведомственны центральным органам РСФСР [2, с. 169]. Военными делами занимался Горский краевой комиссариат, подчинявшийся Северо-Кавказскому комиссариату [2]. Как видим, все жизненно важные вопросы по-прежнему целиком вели центральные органы РСФСР.

Что касается основных причин образования ГАСССР, то, по мнению Е. Ф. Кринко, такое решение было продиктовано стремлением советского руководства обеспечить политическую лояльность северокавказских народов, вовлечь их в общее советское русло, а также избежать межнациональных конфликтов между горскими народами и казаками [6, с. 100]. Советскому руководству удалось реализовать все свои планы и добиться нейтралитета со стороны северокавказских народов по отношению к себе еще до образования ГАСССР. Полагаем, что решающую роль в этом сыграл выдвинутый большевиками лозунг о всеобщей «свободе слова и вероисповедания», оказавший определяющее воздействие на все народы Северного Кавказа.

В годы Гражданской войны пропаганда большевиков содержала тезис «о совместности

и взаимной дополняемости шариата и коммунизма» [7, с. 163]. Этот тезис привлек к ним многих «шариатистов» Северного Кавказа. В Кабарде шариатское движение возглавлял Н.А. Катханов.

После вхождения Кабарды в состав ГАСССР, в округе стали происходить важные административно-территориальные преобразования. Они начались с разделения с. Ашабово (ныне с. Малка) на два самостоятельных селения: Верхне-Ашабовское и Нижне-Ашабовское. Такое решение было принято на заседании Нальчикского окрисполкома 5 марта 1921 г. [8, л. 71]. Забегая вперед, стоит отметить, что административно-территориальные преобразования в указанный период не были проведены в Балкарском округе. Через несколько месяцев, а именно 1 августа 1921 г., вышел приказ Ревкома «об административно-территориальном делении Кабардинского округа» на районы. Согласно этому приказу, Кабардинский округ был поделен на Баксанский, Нальчикский, Урванский и Мало-Кабардинский округа [9, л. 2] и назначены председатели окрревкомов Х. Пачев, М. Казиев, Л. Бозиев и Х. Т. Карашаев соответственно [9]. В обязанности окрревкомов входило назначение сельских ревкомов в составе председателя, одного заместителя, трех членов ревкома, с секретарем в том числе [9]. Также в сельских ревкомах должность председателя и его заместителя занимали председатели бывшего исполкома и его заместители [9]. Все должностные лица и сельская милиция на местах оставались в прежнем составе.

Практически на все руководящие должности назначались представители местного населения, зарекомендовавшие себя активными борцами за советскую власть, ведь советское руководство всегда опиралось на местные кадры, и это было одной из форм проведения советской национальной политики на местах.

Этот период знаменателен не только административно-территориальными изменениями, но также важнейшими событиями, связанными с земельным вопросом, которые в итоге привели к конфликтам между национальными округами, входившими в состав ГАСССР. Для решения земельного вопроса на Северном Кавказе (в частности, для отторжения от Кабардинского округа части его территории для передачи ее малоземельным народам Горреспублики) была создана и направлена во Владикавказ комиссия во главе с В. И. Невским [3]. В этот период комиссия не обращала специального внимания на проблему,

связанную с границами Кабардинского округа, так как в тот момент руководство Кабардинского округа, рассчитывая на справедливое разрешение земельного вопроса, не поднимало вопроса о выходе Кабарды из ГАСССР [10, с. 43].

Казачье и горское население Ингушского и Чеченского округов должно было выдвинуть по два представителя с последующим включением их в состав комиссии [10]. С. М. Киров, приехавший в тот момент во Владикавказ, посчитал целесообразным включить в ее состав и представителей народов Кабардинского и Осетинского округов, обосновывая свою точку зрения тем, что решение земельного вопроса так же важно для кабардинцев и осетин, как для чеченцев и ингушей [10]. Однако члены комиссии от Осетинского, Чеченского и Ингушского округов были против включения в состав комиссии представителей от Кабардинского округа, считая, что в решении земельного вопроса они находятся в равных условиях, и что кабардинцы в свою очередь, так же как они, должны поступиться землей [10]. Комиссия, работая с 28 февраля по 8 марта 1921 г. провела четыре заседания, окончившихся безрезультатно, так как не смогла выработать общую позицию, которая устроила бы все народы [10, с. 43–44]. В последний день работы исполнительному комитету Владикавказского (Осетинского) округа был предоставлен проект переустройства границ [10]. Он состоял в том, чтобы удовлетворить землей крестьян-беженцев за счет выселения казачьих станиц ГАСССР и переселения всех малокабардинских сел за Терек [10]. Содержание этого проекта окончательно убедило руководство Кабардинского округа в том, что за счет их земель хотят решить земельный голод соседних регионов, входящих в состав Горреспублики, и оно не могло с этим смириться. Также до определенной степени были накалены отношения с Карачаевским округом. Весь этот комплекс причин заставил руководство Кабардинского округа призадуматься по поводу дальнейшего пребывания в составе ГАСССР. Вследствие того, что такая земельная политика ущемляла территориальную целостность Кабарды, руководство Кабардинского округа было вынуждено поставить вопрос о своем выходе из состава ГАСССР.

Впервые это произошло на совместном заседании Кабардинского окрисполкома и парткома 21 мая 1921 г. Руководители Кабардинского округа заявили о выходе из ГАСССР с тем, чтобы образовать самостоятельную автономную еди-

ницу, непосредственно связанную с РСФСР. Необходимо отметить, что многие руководители были изначально против вхождения Кабардинского округа в состав коллективной автономии. Б. Э. Калмыков неоднократно выражал свое отношение по этому поводу. С 10 по 13 июня 1921 г. состоялся IV съезд Советов Кабардинского округа, где обсуждалась сложившаяся ситуация [11, с. 26–27]. Когда члены Совнаркома ГАССР узнали, что Кабардинский округ хочет выделиться из его состава, то стали всячески препятствовать тому. Для оказания давления на руководителей Кабардинского округа Совет народных комиссаров ГАССР перестал направлять финансовые средства, выделяемые ему из центра [1, с. 74 – 75]. Несмотря на экономическое давление, руководство Кабардинского округа было непреклонным в своем решении. И IV съезд Советов Кабардинского округа обратился с прошением к высшим органам власти РСФСР и ГАССР выделить народ Кабарды и находящихся среди них инородцев в Автономную Кабардинскую область [2, с. 171].

Следует обратить внимание на выступление на этом съезде Б. Э. Калмыкова. Он озвучил мысль, что предложение о выходе Кабардинского округа из ГАССР в самом начале исходило от трудящихся [5, с. 71]. Вызывает большое сомнение, что трудящиеся непосредственно ставили вопрос о выходе Кабардинского округа из состава Горреспублики, потому что большинство населения в ту пору было неграмотным и вряд ли они знали о самом факте нахождения Кабардинского округа в составе ГАССР. Скорее всего такие пожелания исходили от представителей кабардинских политических элит. Наверное, Б. Э. Калмыков еще раз хотел подчеркнуть всю важность этого вопроса.

16 июня 1921 г. Президиум Горского областного партийного комитета своим постановлением дал ход решению съезда Советов Кабардинского округа, а также счел обязательным присутствие в ходе заседания пленума всех лиц, входивших в него, делегатов от Кабарды и тех округов, которых ближе всего касается выделение Кабардинского округа из ГАССР [2, с. 172]. Несмотря на такое решение, руководство ГАССР отказывалось выделять Кабарду из своего состава. Оно не хотело терять богатый земельными ресурсами регион. Тем не менее на Пленуме Кавбюро ЦК РКП (б), который прошел в Тифлисе 3 июля 1921 г., было принято решение не оказывать противодействия Кабардин-

скому округу в этом вопросе [5, с. 71]. А присутствующие на пленуме Г. К. Орджоникидзе и С. М. Киров фактически одобрили выделение Кабардинского округа из состава ГАССР. Это было весомым аргументом. 30 июля 1921 г. окрисполком Кабардинского округа был упразднен, и вместо него был создан ревком Кабардинской автономной области [2, с. 172–173]. Сообщение о том поступило в Кавказский Центральный комитет РКП [12, л. 191]. В документе говорилось, что исполком Кабардинского округа с 30 июля 1921 г. передал все свои полномочия ревкому Кабардинской автономной области [12]. В связи с выделением Кабардинского округа из ГАССР в рамках автономной области и образования облревкома, который имеет непосредственное отношение с центром, не допускалось выполнять никаких распоряжений, исходящих от руководства ГАССР, кроме переписок общего характера [12]. Тогда же, в день заседания ревкома, был избран президиум областного ревкома в составе председателя (Б. Э. Калмыков) и шести членов (Д. Котов, Ф. Фаддеев, А. Кокожев, М. Ткаченко, Б. Павлович и Д. Прохоров) [2, с. 173]. Все отделы бывшего Кабардинского окрисполкома были переименованы в областные отделы ревкома [2].

10 августа 1921 г. состоялось заседание Большого Совнаркома ГАССР, на котором присутствовали С. Такоева, А. Гацолаев, И. Датиев, Квенский, Саламов, Мальсагов, В. Кесаев, Духвинский, Артемюк, Калибердин, Макаров, В.И. Ленин, Бенедиктов, Фукин, К. Бутаев, Ионисиани, Т. Э. Эльдарханов, а также кабардинская делегация во главе с Б. Калмыковым. На этом заседании в соответствии с протоколом № 23 обсуждался вопрос «О выделении Кабардинской автономной области имущества и финансов» (из ГАССР) [13, л. 197]. На основании заявления председателя Совнаркома ГАССР Т. Э. Эльдарханова, а также представителей Кабардинского округа и ряда руководителей Наркомов по этому вопросу Совнарком ГАССР постановил:

а) предложить Народным комиссарам Горреспублики выделить Кабардинской автономной области причитающееся ей как бывшему округу имущество, полученное на Горреспублику из Центра до 1-го августа 1921 г.;

б) финансировать Кабардинскую область впредь до получения ими непосредственно денежных знаков из Центра, но не открывать кредита;

в) часть выполнения продналога возложить на Кабардинскую область, сообщив об этом в Центр» [13].

Получается, что Кабардинский округ полностью подготовился к выделению из состава ГАССР в качестве автономной области. Присутствовавший на этом заседании В. И. Ленин подчеркнул важность поднятого на нем вопроса для руководства советского государства.

1 сентября 1921 г. ВЦИК РСФСР постановил, что Кабардинский округ будет выделен из состава ГАССР на правах автономии, напрямую связанной с РСФСР. На основании этого постановления произошло определение административно-территориальной структуры Кабардинской автономной области (далее – КАО). В составе КАО оказались округа Баксана, Нальчика, Урвани и Малой Кабарды [2, с. 173–174]. Административно-территориальная граница КАО совпадала с административной границей, установленной в 1917 г. [5, с. 72]. Также при наркомнаце РСФСР имело место образование Национального представительства Кабардинской автономной области. Учредительный съезд Советов КАО в конце ноября 1921 г. послужил завершением ее организационного образования. На съезде был избран исполнительный комитет КАО, в состав которого вошли Б. Э. Калмыков, Х. Т. Карашаев, Ф. И. Фаддеев, Н. А. Катханов, А. Х. Кокожев, Д. П. Шекихачев, М. И. Ткаченко, Л. Т. Бозиев, И. Н. Боровицкий, З. Б. Мидов, Х. Ж. Кошоков, А. П. Крутов, М. Сокуров, К. Максидов, М. Хаджиев, Х. Пачев и др. [3, с. 375–376]. Их выбор был не случайным, все они являлись видными общественными и политическими деятелями в регионе и принимали активное участие в революционных событиях и Гражданской войне. В состав Президиума облисполкома были избраны Б. Э. Калмыков (председатель), Ф. И. Фаддеев, Н. А. Катханов, И. Н. Боровицкий, З. Б. Мидов, Б. И. Павлович, А. Х. Кокожев, М. И. Ткаченко и Манжуло [3]. Итогом всему этому явилось то, что КАО стала частью субъектов РСФСР.

Решающую роль в этом вопросе сыграл Б. Э. Калмыков. Как уже было отмечено, он всегда выступал против нахождения Кабардинского округа в составе ГАССР и несколько раз ставил вопрос о выходе оттуда. На I Учредительном съезде Советов КАО Б. Э. Калмыков произнес торжественную речь в адрес Советского правительства, в которой говорилось, что после завершения Гражданской войны, согласно кон-

ституции, выработанной рабоче-крестьянской властью и коммунистами, все национальности получили право на самоопределение. Перед трудящимися кабардинцами был поставлен вопрос об автономии, о самоопределении, и их голос был услышан, а их желание удовлетворено. Это означало, что трудящиеся Кабарды получили право строить свою жизнь, как пожелают [14, л. 1–1 об.].

КАО в качестве автономной единицы просуществовала недолго. В ноябре 1921 г. началось обсуждение вопроса об объединении Кабарды и Балкарии в единую область. Что касается выхода Балкарского округа из состава ГАССР, то об этом руководство Балкарского округа заговорило на заседании Кабардинского парткома 2 июня 1921 г. Свидетельством этому является заявление М. А. Энеева, занимавшего должность председателя окрисполкома Балкарии, сделанное им в ходе обсуждения вопроса, касавшегося выхода Кабарды из ГАССР. Им было заявлено, что выделение Кабарды и Балкарии из состава ГАССР и вхождение их в состав РСФСР окажет положительное влияние на их дальнейшее культурное и экономическое развитие [15, л. 1]. Также он отметил, что Балкария связана во всех отношениях с Кабардой, и вследствие этого она обязана согласиться с тем решением, которое будет принято на съезде Советов Кабардинского округа [15].

Получалось так, что Балкария была готова в дальнейшем объединиться с Кабардой в рамках одной автономной области. После выхода Кабарды из состава ГАССР оставаться Балкарии в ее составе не было уже смысла. Экономически и территориально Балкария была более связана с Кабардой нежели с другими народами, входившими в состав ГАССР. В географическом плане Балкарский округ был отделен от других национальных округов, входивших в состав ГАССР, горными хребтами. К тому же кабардинцы и балкарцы всегда поддерживали экономические и этнотерриториальные связи между собой.

7 декабря 1921 г. на заседании Президиума исполкома КАО выступил представитель ВЦИК РСФСР В. С. Муромцев. Он изложил свой доклад, посвященный вопросу выхода Балкарского округа из состава ГАССР и последующему объединению Кабарды и Балкарии в рамках единой автономной области. Объединение Кабарды и Балкарии было признано возможным [2, с. 175]. Условия объединения должны были быть разработаны Кабардинским

областным и Балкарским окружным съездами Советов [2]. На этом заседании было вынесено на обсуждение два альтернативных варианта. Согласно первому варианту, в рамках РСФСР должна была быть создана самостоятельная автономная область. В соответствии же со вторым вариантом Кабарда и Балкария должны были соединиться в единую Кабардино-Балкарскую автономную область. Коллегия народного комиссариата по делам национальностей от 9 декабря 1921 г. получила доклад Балкарского окружного исполкома. Представители балкарской политической элиты выступили за первый вариант, аргументируя свою позицию тем, что, по их мнению, объединение Кабарды и Балкарии на данном этапе выглядело бы нецелесообразно, поскольку между этими народами сохранялось национальное недоверие и напряженность [3, с. 386–387].

На IX Всероссийском съезде Советов, проходившем в Москве в канун нового 1922 г., приняли участие представители Кабарды и Балкарии. Выделение Балкарского округа из ГАССР обсуждалось на съезде и состояло в списке ключевых вопросов. 29 декабря 1921 г. «Горская Правда» (№ 188) сообщила о решении исполкома КАО объединить Кабарду и Балкарию в единую автономию [1, с. 95]. Вопрос о выделении Балкарского округа из ГАССР был окончательно решен 6 января 1922 г. 9 января 1922 г. Народный комиссариат, занимавшийся делами национальностей РСФСР, принял на заседании решение образовать Балкарскую автономную область (далее – БАО), и сделать Долинск ее административным центром. Также было принято решение об образовании вместе с КАО единой автономной области, непосредственно связанной с РСФСР [2, с. 175–176]. Надо отметить, что этим событиям предшествовала докладная записка, которую направил в Москву член ВЦИК РСФСР В. С. Муромцев. В ней он согласился с решением выделить Балкарию из ГАССР, но отверг мнение о том, что Балкария не может объединиться с Кабардой. В. С. Муромцев утверждал, что, хотя политическая и экономическая зависимость Балкарии от Кабарды была уничтожена революцией 1917 г., их тесная экономическая связь сохраняется [5, с. 73–74]. Препятствий, мешающих объединению этих двух народов, он не видел. Аргументы В. С. Муромцева сыграли решающую роль в вопросе объединения Кабарды и Балкарии в единую национальную автономию.

Постановление ВЦИК РСФСР «Об образовании объединенной Кабардино-Балкарской автономной области» от 16 января 1922 г. установило, что необходимым является образование объединенной Кабардино-Балкарской области, непосредственно связанной с РСФСР, для чего необходимо выделить из состава ГАССР территорию, которую в данный период занимают кабардинцы, и объединить Балкарию с Кабардой [16, л. 185]. То есть постановлением ВЦИК РСФСР была образована Кабардино-Балкарская автономная область (далее – КБАО).

В соответствии с этим постановлением в рамках КБАО была определена территория КАО, которая указана в декрете ВЦИК РСФСР от 1 сентября 1921 г. в составе округов Баксана, Нальчика, Урвани, Малой Кабарды, а также территория БАО в составе районов (округов) Верхнего Баксана, Верхнего Чегема, Хулама, Безенги и Нальчика [16].

Устанавливалось, что съезды Советов Кабарды и Балкарии должны были избираться на общих основаниях. Каждый в отдельности формировал собственные исполкомы, которые должны были составляться на паритетных началах из своих представителей. Общий объединенный Кабардино-Балкарский областной исполком получал права губернского исполкома [16].

Нальчик был выбран местом пребывания Кабардинского и Балкарского исполкомов. Для руководства советскими органами как объединенных Кабарды и Балкарии, так и нацобъединений, было решено следующее: во главе Кабарды и Балкарии должны стоять собственные национальные исполкомы, избираемые на общих основаниях. Во главе объединенной КБАО был создан общий областной исполком, сформированный из представителей вышеозначенных исполкомов на равных началах [2, с. 175–176]. Было предусмотрено создание Большого Президиума из 7 человек: 2 русских, 2 кабардинцев, 2 балкарцев и одного секретаря обкома РКП (б) [17, с. 73]. Также предполагалось создание Малого Президиума, состоявшего из 5 человек (1 председателя, 2 заместителей, 1 из заместителей предисполкома Балкарии, 1 секретаря обкома РКП (б)). Согласно постановлению ВЦИК РСФСР от 16 января 1922 г. пленум облисполкома должен был собираться как минимум один раз в 2 месяца, Большой Президиум – не менее одного раза в неделю [17].

Передача аппаратов управления территории Балкарии, отошедшей от Горреспублики, долж-

на была быть произведена не позже 1 марта 1922 г. [16, л. 185]. Стоит отметить, что фактическое слияние аппаратов управления Кабарды и Балкарии произошло только 17 августа 1922 г., когда состоялось объединенное заседание Кабардинского обкома и Балкарского оргбюро, на котором было утверждено «Положение по объединению Кабарды и Балкарии» [18, л. 48].

Таким образом, на основании вышеизложенного можно сделать вывод, что важнейшим этапом в процессе самоопределения Кабарды и Балкарии и в последующем их объединении является выход этих народов из состава ГАССР. Позиция руководства Кабардинского и Балкарского округов по вопросу вхождения их в состав ГАССР была разной. Если балкарское руководство воспринимало этот факт положительно, то кабардинское – негативно. Причина заключалась в опасениях потери части своих территорий в пользу других народов. Однако в скором времени Кабардинский округ вошел в состав ГАССР. Руководство Кабарды заверили в справедливом решении земельного вопроса. В период нахождения Кабардинского округа в составе ГАССР произошли важные административно-территориальные преобразования, направленные на усовершенствование системы управления в округе. Более трети территории Кабарды были урезаны в пользу соседних народов. Постоянно возникали конфликтные ситуации между субъектами, входящими в ГАССР. После выхода Кабардинского округа из состава ГАССР Балкарский округ фактически не мог оставаться в составе ГАССР, потому что он еще больше, чем Кабардинский, становился оторванным от нее. Все это привело к выходу сначала Кабардинского, а затем и Балкарского округов из состава ГАССР и образованию КБАО.

Литература

1. Административно-территориальные преобразования в Кабардино-Балкарии. История и современность : сб. док. / гл. ред. А. Х. Каров. Нальчик : Эльфа, 2000. 729 с.
2. Абазов А.Х., Дышеков М.В. Хрестоматия по истории государства и права Кабардино-Балкарской Республики (последняя треть XVIII – начало XXI в.) : учеб. пособие. Нальчик : Каб.-Балк. ун-т, 2015. 268 с.
3. Кажаров А.Г. Становление национальной автономии Кабардино-Балкарии: предпосылки, альтер-

нативы, истоки (1917–1920-е гг.) : дис. ... д-ра ист. наук. Ставрополь, 2019. 593 с.

4. Даудов А.Х. Государственное устройство Горской АССР // Вестн. Санкт-Петербургского гос. ун-та. Сер. 2. 2012. Вып. 1. С. 31–41.
5. Кажаров А.Г. Становление советской автономии в Кабардино-Балкарии // Концепт. 2014. Т. 13. С. 71–75. URL: <http://e-koncept.ru/2014/64098.htm> (дата обращения: 03.02.2019).
6. Кринко Е.Ф. Горская АССР и ее руководящий состав: из опыта нацистроительства на Северном Кавказе в начале 1920-х годов // Вестн. Оренбургского гос. пед. ун-та. 2014. № 2 (10). С. 100–105.
7. Мамсиоров Х. Б. Модернизация культур народов Северного Кавказа в 20-е годы XX века (на материалах Адыгеи, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии). Нальчик : Эльбрус, 2004. 328 с.
8. Управление Центрального государственного архива Кабардино-Балкарской республики (УЦГА КБР). Ф.Р-201. Оп. 1. Д. 20.
9. УЦГА КБР. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 11.
10. Кармов А. Х. Выделение Кабарды из Горской АССР и образование Кабардинской автономной области // Ист. вестн. Ин-та гум. исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. 2008. Вып. VII. С. 42–58.
11. Темуев А. И. Этнополитические процессы в Кабардино-Балкарии в период системной трансформации Российского общества: особенности и основные тенденции. Нальчик : Принт-Центр, 2018. 239 с.
12. УЦГА КБР. Ф. Р-15. Оп. 1. Д. 43.
13. УЦГА КБР. Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 43.
14. УЦГА КБР. Ф. Р-64. Оп. 1. Д. 4.
15. УЦГА КБР. Ф. Р-2. Оп. 2. Д. 7.
16. Управление Центра документации новейшей истории Кабардино-Балкарской республики (УЦДНИ КБР). Ф. 1. Оп. 1. Д. 6.
17. Кармов А. Х. Выход Балкарии из Горской АССР и создание Кабардино-Балкарской автономной области // Ист. вестн. Ин-та гум. исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. 2008. Вып. VII. С. 59–76.
18. УЦДНИ КБР. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 9.

References

1. *Administrative and territorial transformations in Kabardino-Balkaria. History and modernity.* (2000). Col. doc. A.Kh. Karov (Ed.). Nalchik, El-fa Publ., 729 p. (in Russian).
2. Abazov A.Kh., Dyshekov M.V. (2015). *Chrestomathy on the history of the state and law of the Kabardino-Balkarian Republic (the last third of the 18th-beginning of the 21st century).* Textbook. Nalchik, Ka-

bardino-Balkarian State University Press, 268 p. (in Russian).

3. Kazharov A. G. (2019). Formation of the national autonomy of Kabardino-Balkaria: preconditions, alternatives, origins (1917-1920s). Dissertaion Thesis. Stavropol, 593 p. (in Russian).

4. Daudov A. Kh. (2012). State structure of the Mountain ASSR. *Vestn. Sankt-Peterburgskogo gos. un-ta. Series 2*, iss. 1, pp. 31-41. (in Russian).

5. Kazharov A.G. (2014). Formation of Soviet autonomy in Kabardino-Balkaria. *Kontsept*, vol. 13, pp. 71-75. Available at: <http://e-koncept.ru/2014/64098.htm> (accessed February 3, 2019). (in Russian).

6. Krinko E. F. (2014). Gorsk ASSR and its leadership: from the experience of nation-building in the North Caucasus in the early 1920s. *Vestn. Orenburgskogo gos. ped. un-ta*, No. 2 (10), pp. 100-105. (in Russian).

7. Mamsirov Kh. B. (2004). *Modernization of the cultures of the peoples of the North Caucasus in the 20s of the twentieth century (Based on materials from Adygea, Kabardino-Balkaria, Karachay-Cherkessia)*. Nalchik, Elbrus Publ., 328 p. (in Russian).

8. *Administration of the Central State Archives of the Kabardino-Balkarian Republic (ACSA KBR)*. Fund R-201. In. 1. File 20. (in Russian).

9. *ACSA KBR*. Fund R-3. In. 1. File 11. (in Russian).

10. Karmov A.Kh. (2008). Separation of Kabarda from the Mountain ASSR and the formation of the Kabardian Autonomous Region. *Ist. vestn. In-ta gum. issledovaniy Pravitel'stva KBR i KBNTs RAN*, iss. VII, pp. 42-58. (in Russian).

11. Tetuev A. I. (2018). *Ethnopolitical processes in Kabardino-Balkaria in the period of systemic transformation of Russian society: features and main trends*. Nalchik, Print-Tsenter Publ., 239 p. (in Russian).

12. *ACSA KBR*. Fund P-15. In. 1. File 43. (in Russian).

13. *ACSA KBR*. Fund P-8. In. 1. File 43. (in Russian).

14. *ACSA KBR*. Fund R-64. In. 1. File 4. (in Russian).

15. *ACSA KBR*. Fund R-2. In. 2. File 7. (in Russian).

16. *Directorate of the Center for Documentation of the Contemporary History of the Kabardino-Balkarian Republic (DCDCH KBR)*. Fund 1. In. 1. File 6. (in Russian).

17. Karmov A. Kh. (2008). The exit of Balkaria from the Mountain ASSR and the creation of the Kabardino-Balkarian Autonomous Region. *Ist. vestn. In-ta gum. issledovaniy Pravitel'stva KBR i KBNTs RAN*, iss. VII, pp. 59-76. (in Russian).

18. *DCDCH KBR*. Fund R-1. In. 1. File 9. (in Russian).

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

OUR PERSONS

doi 10.23683/2687-0770-2020-4-122-123

К 80-летию Виктора Исидоровича Литвиненко

4 ноября исполнилось 80 лет Виктору Исидоровичу Литвиненко – одному из старейших сотрудников редакции журнала «Известия вузов. Северо-Кавказский регион».

Детство Виктора Исидоровича, родившегося в селе Высочино Ростовской области, пришлось на трудные годы Великой Отечественной войны и непростые послевоенные годы, что не могло не отразиться на дальнейшей его судьбе. После окончания средней школы он не мог сразу поступить в вуз, так как надо было иметь стаж работы. Два года молодой человек заведовал сельской библиотекой и ещё год работал учителем начальных классов в местной школе, и только после этого стал студентом Ростовского госуниверситета.

Будучи студентом 5-го курса филфака, он, по рекомендации декана А.А. Диброва, был направлен на работу в университетское издательство (в феврале 1968 г.). Первоначально трудился в должности ведущего редактора Издательства РГУ, с 1970 г. был переведён на должность зав. редотделом вновь создаваемого журнала «Известия СКНЦ ВШ». Это было время подготовки к созданию журнала научного центра – утверждены ставки редакторов и корректоров, однако формирование главной редакции, редколлегий, штатного расписания, устава журнала и т.п. затянулось почти на два года. Поэтому набранные на ставки сотрудники в этот период вынуждены были работать над рукописями Издательства РГУ. Виктор Исидорович решил воспользоваться возможностью попробовать свои силы в исследовательской работе и перевелся в лабораторию НОТ при РГУ. Однако эта сфера деятельности его не увлекла. Между тем в Издательстве РГУ произошли перемены. В связи с наладившимся наконец выпуском журнала «Известия СКНЦ ВШ» для редакционно-издательской обработки номеров были выделены дополнительные ставки, и Виктор Исидорович согласился на предложение вернуться к редакторской работе. Здесь он занимал должность редактора, старшего редактора, позже заведовал редакцией серии Технических и Естественных наук. Вёл активную общественную работу – неоднократно избирался профоргом, редактировал стенгазету.

В 1995 г., когда все сотрудники издательства были отправлены в бессрочный неоплачиваемый отпуск, Виктора Исидоровича пригласили на работу в журнал «Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион» на должность редактора отдела. Ему было поручено редактировать серию Технических наук и осуществлять контроль над двумя другими сериями («Общественные науки» и «Естественные науки»), чем он и занят в настоящее время, т.е. 25 лет, при общем стаже работы в университете – 52 года.

Имея солидный опыт редакторской работы, Виктор Исидорович снискал уважение и авторитет не только среди своих сотрудников, но и у многочисленных авторов, которым довелось с ним работать. Не раз приходилось ему слышать от них слова искренней благодарности за скрупулёзное внимание к их письменным трудам. Возможно, именно поэтому его, помимо основной работы в нашем журнале, приглашали сотрудничать в других научных журналах, выходящих в системе университетской периодики («Валеология», «Известия ЮФУ. Филологические науки», и др.).

В.И. Литвиненко известен и как историк-краевед. Многие годы своей жизни он посвятил работе с архивными материалами, собирая документальные сведения по истории населённых пунктов юго-восточного Приазовья, развитию народного просвещения и церковного строительства в этом регионе. Его работы по истории поселений южного Задонья, опирающиеся на первоисточники, публиковались в журнале «Филологический вестник РГУ», в Ростовской электронной газете (РЭЛГА). Эти публикации получили широкий отклик не только в нашей стране, но и за рубежом, поскольку в них впервые в большом объёме были отражены документы, например, о поселениях колонистов – немцев и латышей. Многие годы с Виктором Исидоровичем переписывались читатели как нашей страны, так и зарубежные, в частности из Германии и США.

Материалы В.И. Литвиненко были использованы администрацией Азовского района при издании юбилейной книги «Земля, что пахнет хлебом». Помимо упомянутых выше публикаций, он является автором книг «Сёла Приазовья», «Расставанье с крепостным правом в Приазовье», положительно отмеченных научной общественностью.

К 70-летию Победы в Великой Отечественной войне он собрал огромный материал о судьбе воинов-земляков, вошедший в Книгу Памяти (объём свыше 40 п.л.). Несколько его очерков о письмах фронтовиков опубликованы в 2020 г. в томе «Незабываемые годы», вып. 10 (изданном Азовским городским советом ветеранов).

Работы В.И. Литвиненко по историческому краеведению не остались незамеченными – его имя занесено в «Донскую энциклопедию», на родине ему присвоено звание почётного гражданина, а районная администрация наградила его знаком «За заслуги перед Азовским районом».

Вместе с тем сам Виктор Исидорович своё увлечение историческим краеведением оценивает в известной мере как дело любительское (хотя и общественно полезное), а профессиональной сферой считает свою редакторскую работу.

Отдадим должное скромности нашего коллеги, его интеллигентности, доброжелательности, мягкому юмору. Но вместе с тем ему присущи в высшей степени чувство собственного достоинства, сильный характер и упорство, – это позволило ему преодолеть многие жизненные трудности!

У Виктора Исидоровича замечательная семья, он счастливый муж, отец, а в настоящее время – и дедушка почти взрослых внуков.

*Е.А. Шинкаренко,
ответственный секретарь
журнала «Известия вузов. Северо-Кавказский регион»*

*Т.А. Ватульян,
ответственный секретарь по издательской деятельности
журнала «Известия вузов. Северо-Кавказский регион»*

Редакция журнала и члены редколлегии серий «Общественные науки», «Естественные науки» и «Технические науки» журнала «Известия вузов. Северо-Кавказский регион» сердечно поздравляют Виктора Исидоровича с юбилеем и желают ему здоровья, творческих успехов, оптимизма, долгих лет жизни, внимания и поддержки со стороны близких людей!

doi 10.23683/2687-0770-2020-4-124-126

К юбилею Людмилы Ивановны Ниворожкиной

Людмила Ивановна Ниворожкина, доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой статистики, эконометрики и оценки рисков Ростовского государственного экономического университета, 14 ноября 2020 г. отметила свое 75-летие. Окончив факультет организации механизированной обработки экономической информации Ростовского института народного хозяйства в 1969 г., Людмила Ивановна начала свою трудовую деятельность программистом, с 1974 г. перешла на работу в Северо-Кавказский НИИ экономических и социальных проблем Ростовского государственного университета (ныне Южный федеральный университет), где с 1985 г. заведовала отделом информационно-математического обеспечения и машинной обработки данных. В 1994 г. перешла на работу в Ростовскую государственную экономическую академию (РИНХ) на должность профессора кафедры статистического моделирования и прогнозирования РГЭА, а с 1996 г. стала заведовать ею (с 2003 г. – кафедра математической статистики, эконометрики и актуарных расчетов, а с 2010-го – кафедра статистики, эконометрики и оценки рисков Ростовского государственного экономического университета).

Будучи сотрудницей РГУ, Л.И. Ниворожкина участвовала в разработках планов социально-экономического развития Ростовской области и других проектах, связанных с региональными проблемами Северного Кавказа, как ведущий специалист в области внедрения математических и статистических методов в социально-экономических исследованиях, осуществляла научно-методическое руководство работой по математическому и программному обеспечению социологических исследований. Способствовала созданию отделения социологии в РГУ, разрабатывала и преподавала курсы по социальной информатике, экономико-математическим методам и методам измерения в социологии. Результаты научных исследований этого периода нашли отражение в кандидатской диссертации на тему «Статистическое изучение материальных и духовных потребностей производственного коллектива и степени их удовлетворенности (на примере ПО «Атоммаш»)», защищенной в 1985 г.

С 1987 г. Людмила Ивановна принимала участие в единственном в советский период уникальном проекте по изучению уровня жизни населения (проект Таганрог-3) Института экономических и социальных проблем народонаселения РАН. Под её руководством были выполнены разделы проекта, относящиеся к таким новым явлениям тогдашнего общества, как изменение стимулов к труду в кооперативных предприятиях. Впервые в рамках этого проекта в нашей стране началось изучение экономического и социального положения женщин в обществе, в том числе и дискриминации в оплате их труда.

Начиная с 1991 г. получала гранты от Шведской Королевской Академии Наук, Шведского Института и Шведского Совета по социальным исследованиям на научные изыскания по проблемам распределения доходов и уровня бедности, формирования рынка труда в переходных экономиках, разработку методологии международных социально-экономических сравнений, которые проводила совместно с университетом г. Гетеборга (Швеция), консультировала докторантов Гетеборгского университета. В 1991–1993 гг. принимала участие в российско-шведском проекте «Советская женщина на работе: сравнительное исследование». В 1994–1997 гг. вела совместные исследования по проблемам формирования заработной платы, неравенства и бедности в транзитивных экономиках. В 1997–2000 гг. участвовала в российско-шведском проекте «Формирование рынка труда в России», а с 2000 по 2003 г. имела грант Шведского Совета по социальным исследованиям (Swedish Council for Social Research (FAS)) «Трансформация доходов и бедности в транзитивной экономике России». В 2004 г. получила

грант Шведской Королевской Академии наук на поддержку совместных исследований по проблемам безработицы, в рамках которого совместно с профессорами Б. Густафссоном (Швеция) и Ли Ши (Китай) проводила исследования по сравнению процессов формирования рыночной экономики России и Китая. Его уникальность заключается в сопоставлении на основе гармонизации микроданных механизмов формирования доходного неравенства, оплаты труда в этих странах. Результаты межстрановых исследований представлялись на международных конференциях и опубликованы в ведущих зарубежных изданиях в США, Европе, Швеции, России и Китае.

Результаты этого этапа научной деятельности Л.И. Ниворожкиной нашли отражение в докторской диссертации на тему «Сравнительное изучение уровня дифференциации доходов и относительной бедности городского населения двух стран (по материалам проекта Таганрог-3, Россия и HUS-проекта, Швеция)», отмеченной президиумом ВАК РФ в числе наиболее оригинальных диссертационных работ 1994 г.

С начала 90-х Л.И. Ниворожкина руководила научными проектами по тематике, связанной с формированием рынка труда, разработкой моделей социальной защиты, доходов и бедности в экономике переходного периода, финансируемых как Министерством общего и профессионального образования РФ, так и региональными организациями.

С 1998 по 2019 г. выигрывала многочисленные гранты ведущих российских и международных научных фондов.

Л.И. Ниворожкиной созданы современные научные школы в области доходов, бедности и неравенства в экономике переходного периода, социально-экономических детерминант длительности безработицы на российском рынке труда, гендерной дифференциации на рынке труда, социально-экономических аспектов занятости в пенсионном возрасте, статистической методологии оценки эффективности социальных программ, поведения населения на финансовых рынках.

Людмила Ивановна активно участвует в подготовке и воспитании научных кадров высшей квалификации. Под её руководством подготовлены и защищены 26 кандидатских и 4 докторские диссертации.

Результаты научной деятельности профессора Л.И. Ниворожкиной высоко оцениваются научной общественностью страны и за её пределами. Она выступала в качестве эксперта Всемирного Банка и программы TESIS по проблемам бедности, экспертом проекта «Поколения и гендер» (Generations and Gender Programme Survey), выполняемого в рамках Панъевропейской программы.

Член редколлегии журналов «Вопросы статистики», «Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)», «Известия вузов. Северо-Кавказский регион». Серия «Общественные науки», «Актуальная статистика Сибири», «Вестник Новосибирского государственного университета экономики и управления, НГУЭУ», «Учет и статистика», «Вестник Таганрогского института управления и экономики», Электронный журнал «Наука и мир Science & World» <http://www.w-science.com/>

Людмила Ивановна является председателем правления Ростовского областного отделения Общероссийской общественной организации «Российская ассоциация статистиков». До 2020 г. она была председателем Общественного совета по статистике при Ростостате. В настоящее время – директор Автономной некоммерческой организации «Донской институт региональной экономики».

Вышли в свет более 300 научных трудов ученого, в том числе и в зарубежных изданиях, и более 30 учебников, учебных пособий и методических разработок.

Сохранение традиций, заложенных выдающимися статистиками Авдеем Ильичом Гозуловым, Владимиром Сергеевичем Князевским, которые были учителями Людмилы Ивановны Ниворожкиной, позволяет коллективу, возглавляемому ею, активно участвовать в процессе совершенствования программ высшего образования, наполнения их новым экономическим содержанием. В современной цифровой экономике статистический подход в управлении и принятии решений на всех уровнях становится ключевой компетенцией специалистов нового поколения во всех областях деятельности и коллектив кафедры развивает новейшие подходы к преподаванию комплекса статистических дисциплин.

В течение ряда лет Л.И. Ниворожкина была региональным координатором международных школ-семинаров по преподаванию эконометрики в вузах России, проводимых центром методологии преподавания экономических дисциплин, Российской экономической школой, Республиканским центром высшего экономического образования и Минвузом РФ. В ходе этих семинаров получили международные сертификаты более 50 преподавателей вузов ЮФО.

Кафедра, возглавляемая Л.И. Ниворожкиной, стала первой на Юге России выпускающей по актуальной для современной экономики специальности «Актuariи для банков, страховых компаний и фирм». Сегодня это профили: «Анализ и управление рисками» для бакалавриата и «Управление рисками организаций и финансовых институтов» для магистратуры по направлению «Экономика».

В 2020 г. кафедра одна из первых в стране набрала студентов на новое направление «Статистика», профиль: «Анализ больших данных». Сотрудники кафедры и Людмила Ивановна Ниворожкина принимали активное участие в создании новых профессиональных и образовательных стандартов по статистике, их работа отмечена благодарностями Российской ассоциации статистиков, выступавшей координатором этой деятельности.

За свой труд Людмила Ивановна удостоена многих наград, в их числе: почетный знак Общероссийской общественной организации «Российская ассоциация статистиков» – «За проведение выдающихся научных исследований и методологических работ в области статистики, организации крупных научных мероприятий», 2020; знак отличия Федеральной службы государственной статистики – медаль «За труды в проведении Всероссийской сельскохозяйственной переписи», 2017; почетный знак Общероссийской общественной организации «Российская ассоциация статистиков» за вклад в развитие статистического образования и статистической грамотности, 2017; памятная медаль главы Администрации города Ростов-на-Дону «185 лет Байкову Андрею Матвеевичу», 2016; медаль в честь 70-летия победы в Великой Отечественной войне, 2015; почетное звание «Почетный работник высшего профессионального образования», 2015; памятная медаль «85 лет РГЭУ (РИНХ)», 2015; нагрудный знак Росстата «Отличник статистики», 2014; благодарность Внешэкономбанка за активное участие в проведении конкурса студенческих и аспирантских работ «Экономический и инвестиционный потенциал Южного федерального округа», 2014; почетная грамота Министерства образования РФ, 2013; почетная грамота Законодательного собрания Ростовской области, 2013; памятный нагрудный знак «Медаль им. Авдея Ильича Гозулова», 2011; медаль и памятный знак Росстата за заслуги в проведении Всероссийской переписи населения 2010 года, 2012; почетное звание «Заслуженный деятель науки РФ», 2009; почетная грамота губернатора Ростовской области за научные достижения, 2005; медаль «Заслуженный сотрудник РГЭУ «РИНХ», 2003; медаль и памятный знак Госкомстата РФ за участие в переписи населения 2002 года, 2002.

Кроме того, Людмила Ивановна – умный и интересный собеседник, красивая женщина, у нее прекрасная семья, она замечательная жена, мама, бабушка.

Поздравляем нашу дорогую коллегу с юбилеем, желаем ей здоровья, внимания со стороны близких, благополучия и уюта в ее доме, а также продолжать плодотворно трудиться на благо российского образования!

И.А. Полякова,
доктор экономических наук, профессор,
Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)

Редакция и редколлегия журнала «Известия вузов. Северо-Кавказский регион» присоединяются ко всем поздравлениям и желают Людмиле Ивановне здоровья, процветания и дальнейших творческих успехов!

**Указатель материалов, опубликованных в журнале
«Известия высших учебных заведений.
Северо-Кавказский регион. Общественные науки» в 2020 г.**

**Index of Materials, published in the Journal
“Bulletin of Higher Educational Institutions.
North Caucasus Region. Social Science” in 2020**

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Алавердян А.Л., Мальцев К.Г. Социолого-исторический дискурс нации: метод и структура	4
Ашнокова Л.М., Намитокова М.Н. Религиозный фактор в становлении молодежного менталитета	2
Буданов В.Г. О творчестве в физике и перспективах коллективной научной работы	4
Матвейчев О.А. Гиперборейцы в Греции. Опис, Арга и другие посланники богов-близнецов	3
Матвейчев О.А. Русский Серебряный век: дионисийство против principium individuationis	4
Парунова Ю.Д. Оценочные понятия в правовой аргументации	3
Парунова Ю.Д. Языковое выражение стиля мышления	1
Семенов И.А. Каритативная практика ислама	3
Сорокин Г.В. Наука как осознанная деятельность	4
Рукин А.В. Нестабильность и неопределенность развития жизненного пути человека в точках жизненной бифуркации	2
Рукин А.В. Человек и его жизненный путь в античной философии	1
Тимошенко Т.В. Предпосылки возникновения и развития экспериментальной философии	3
Тюрина Т.А. Воспитание экологического сознания, экологических ценностей у молодежи как особой социально-демографической группы населения	1
Хоконов М.А., Соблирова З.Х. Концепт «Гу» («сердце») в традиционном социокультурном пространстве черкесов (культурологический аспект)	4
Щедрина И.О. Автобиографическая память как когнитивный феномен	4
Ярмак О.В., Панова Е.М., Маранчак А.Г., Савина З.С. Коронавирус как социальный драйвер трансформации повседневности	3
Ярмак О.В., Цепкова А.С., Калинин И.Л. Украинские информационные потоки в крымском интернет-сегменте: анализ онлайн-контента и медиаповестки в течение 2014–2020 годов	3

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Аверьянов А.В. Политика украинизации на Юге России в 1920-е – начале 1930-х годов: некоторые сравнительные аспекты	2
Антоненко П.С. Демократизация католической церкви в Испании в 1976–1978 годах	4
Апрыщенко В.Ю., Гречишкина С.А. Дебаты в Конгрессе США по вопросу законодательного ограничения иммиграции (1906–1917 гг.)	2
Баранова И.В. Благотворительность в профессиональной среде немцев Санкт-Петербурга в конце XVIII – начале XX века	4
Бачериков К.С. Возникновение роялистского подполья в Англии в 1649–1650 годах	2
Булавинцев Н.В. Молодежная политика Европейского Союза и «Май 1968»	2
Васильцов К.М. Формирование донских добровольческих кавалерийских дивизий в 1941–1942 годах по воспоминаниям С.И. Горшкова	4
Венков А.В. Гражданская война и ее последствия для российского общества	1
Габарашвили Г.Д. Панэллинская программа императора Адриана	4
Горбик К.А. Деятельность Азовско-Донского коммерческого банка в Российской империи	3
Гусейнов М.Ш. Крупнейшая на Северном Кавказе фабрика им. III Интернационала («Каспийская мануфактура»): становление и развитие (1899–1941 годы)	1
Денисов Р.А., Айриян Р.С. Частные военные компании. Ситуация в мировом океане	2
Джабаева Т.Ч. Особенности социального положения райтов в Кайтагском владении Дагестана в середине XIX века	2
Джабаева Т.Ч. Турецко-дагестанские отношения в свете российской политики сдерживания населения Дагестанской области от переселения в Турцию (2-я половина XIX – начало XX в.)	3

Егорова В.П. Политика Российской империи 70-х годов XIX – начала XX века в отношении использования дагестанских лесов и лесной продукции	4
Жевалов С.А. Продовольственный вклад Ростовской области в Великую Победу	4
Ибрагимов А.С. Вузы Дагестана в завершающий период существования СССР (1985–1989)	1
Ибрагимов А.С. Трансформация высшего образования России в 1990-е годы	3
Ищенко А.С. «Ловы» Владимира Мономаха: книжные контексты одного летописного фрагмента	2
Кабанов А.Н. Степан Тихонович Чекурда: фронтовая биография легендарного артиллериста	1
Комарова А.А., Подольников В.П. Причины эмиграции корейского населения на Дальний Восток в 60–70-е годы XIX века	2
Кравченко Н.Н. Положение женщины в хуторах Нижнего Дона в 1960 – середине 1980-х годов	1
Кротов О.С. Атаман М.И. Платов и донское старообрядчество в начале XIX века	4
Лепков А.В. Химическое оружие Саддама Хуссейна: к вопросу об осведомлённости США в 1980-е годы	2
Магомедов Р.М. Социально-политические просчеты правительства и трансформация стратегии «Сендеро Луминосо» как основные факторы эскалации напряженности в Перу в начале 2000-х годов	4
Магомедов Р.М. Феномен «Сендеро Луминосо» в исследовательском поле перуанского научного сообщества.....	3
Маркова Д.К. Фактор насилия в политической и социокультурной коммуникации на Северо-Восточном Кавказе в конце XVIII – начале XIX века	4
Медведев М.В. Сражение 33-й гвардейской стрелковой дивизии на Миус-фронте в феврале 1943 года	1
Михайлов В.Б. Элефантерия в армии Эвмена Кардийского	1
Пуховская Н.Е. Веймарская республика и Франция: проблемы взаимоотношений двух непримиримых соперников в постверсальский период	4
Ратушняк В.Н., Касьянов В.В., Ратушняк О.В. Роль культурного волонтерства в формировании исторической памяти современной российской молодежи	4
Сахранов В.Р. Первый съезд Советов Донской советской республики 1918 года в контексте общероссийской внутри- и внешнеполитической повестки	4
Узнародов Д.И. Анализ динамики миграционных потоков из России в США (1992–2018 гг.)	2
Харченко Л.Н. Кафедра философии и истории Отечества РГУПС в панораме эпох	1
Шадрина А.В. Единоверческое духовенство Донской и Новочеркасской епархии 1890–1910-х гг.: характеристика социальной группы	3
Шадрина А.В. Единоверческое население Области войска Донского в начале XX века: численность и локализация	2
Шендрикова С.П., Вишнякова Н.Е. Благотворительная деятельность представителей немецких поселенцев в социальной жизни Таврической губернии (середина XIX – начало XX века)	3
Шереужев А.Ж. Горская АССР и проблемы национального самоопределения Кабардинского и Балкарского округов (1921–1922 годы)	4
Щербаков В.Ю. Вынужденный «союз»? Россия в политике партии «Альтернатива для Германии» ...	3
Эмирханов И.А. Основные направления идеологической работы партийно-государственных структур в условиях Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (по материалам Дагестанской автономной республики)	2

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Li Lincong. Restrictions of Extensive Production to Ensure Food Security in China	1
Huang Zhidong. Factors Influencing Chinese Student Preference Bias Towards Russian Regional Universities	1
Кислая И.А., Макаренко Т.В. Учетно-аналитическое обеспечение эффективного контроля тарифов в сфере жилищно-коммунальных услуг	3
Ниворожкина Л.И. Скрытые доходы российских домашних хозяйств: у кого они?	3
Якунина Ю.С. Развитие взаимодействия международных и российских субъектов транснационального капитала	2

К 100-ЛЕТИЮ ДОНСКОЙ ОБЛАСТИ

Кислицын С.А., Кондратенко Е.Н., Нектаревская Ю.Б. От Сергея Сырцова до Владимира Чуба... Штрихи к портрету донской политической субэлиты советской эпохи	3

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

К юбилею Елены Александровны Шинкаренко	3
Кузьминов П.А., Баликов Т.М., Блейх Н.О. Исследователь исторических и политических проблем Кавказа (к 70-летию доктора исторических наук, профессора СОГУ В.Д. Дзидзоева)	2
Полякова И.А. К юбилею Людмилы Ивановны Ниворожкиной	4
Шинкаренко Е.А., Ватульян Т.А. К 80-летию Виктора Исидоровича Литвиненко	4

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

Акаев В.Х., Багаев М.Х. Памяти Ахмеда Ибрагимовича Османова	3

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ

Артюхин О.А., Крицкая А.А., Кузина С.И. Авторитаризм и президентство на постсоветском пространстве / С.А. Кислицын, С.В. Петрова, М.С. Терентьева, С.Д. Багдасарян. Сочи: РИЦ СГУ, 2019. 288 с.	1
Денисов В.В., Крючков А.Б. – Родина адмирала / авт.-сост. А. Романова. 3-е изд. Рыбинск, 2020. 132 с.	3
Кислицын С.А. – <i>Чуев С. В.</i> Перестройка 1985–1991 гг. на Дону: лица, события, исторические итоги. М. : Издательские решения, 2020. 624 с.	3
Койбаев Б.Г., Эльбуздукаева Т.У. Анализ государственности и перспективы суверенитета (Дзидзоев В.Д. Проблемы и перспективы суверенитета молодых государств (На примере Абхазии и Южной Осетии). Владикавказ: Горский государственный аграрный ун-т, 2019. 256 с.)	1
Мининков Н.А. – Войны и население Юга России в XVIII – начале XXI в.: демографические процессы и последствия. М. : Политическая энциклопедия, 2019. 767 с.	2
Мининков Н.А. – <i>Урушадзе А.Т.</i> Вольная вода. История борьбы за свободу на Дону. М. : Новое литературное обозрение, 2020. 304 с.	3
Минникова Л.В. – <i>Козляков В.Н.</i> Московское царство. СПб. : Наука, 2019. 261 с.	2
Состин Д.И. Историк и история (<i>Аникеев А.А.</i> Заслуженный профессор СКФУ: моя история. Ставрополь : ИП Светличная С.Г., 2020. 248 с.)	2
Узнародов И.М. Предвоенная дипломатическая история Европы (<i>Иванов А.Г.</i> Дипломатическая борьба в Европе в канун Второй мировой войны. Краснодар : Кубанский государственный университет, 2018. 291 с.)	2

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Денисов В.В., Крючков А.Б. II Всероссийская научно-общественная конференция «Адмирал Федор Ушаков: уроки истории и вызовы современности» (г. Ярославль, 28 февраля 2020 г.)	3
Сухов Р.И. III Международная научно-практическая конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Современные проблемы и технологии в сфере туризма, гостиничного дела, сервиса. Государственное и муниципальное управление туристско-рекреационным комплексом: российский и зарубежный опыт» (г. Ростов-на-Дону, 19–20 мая 2020 г.)	3
Чапны Е.В. Аналитический обзор Всероссийского с международным участием форума научной общественности Юга России «Потенциал региональной науки как ресурс повышения эффективности в реализации национальных проектов на Юге России» (Ростов-на-Дону, 12–13 ноября 2019 г.)....	1

Рекомендации по оформлению транслитерации (References)

Монографии, книги целиком

Neymark M.A. (1969). Linear differential operators. Moscow, Nauka Publ., 526 p. (in Russian).

Flora of the Lower Don (1984). G.M. Zozulin, V.V. Fedyayeva (Eds.). Rostov-on-Don, Rostov University Press, ch. 1. (in Russian).

Статьи в журналах

Pechentsov A.S. (1984). Boundary value problems for differential equations containing a parameter with multiple roots of the characteristic equation. *Differentsial'nye uravneniya*, vol. 20, No. 2, pp. 263-273. (in Russian).

Диссертации, авторефераты

Saakian N.S. (1985). Boundary value problems for differential equations of the fourth order in the case of multiple roots of the characteristic equation. Dissertation Thesis. Baku, 135 p. (in Russian).

Авторские свидетельства, патенты

Grezin V.S., Novosyadly V.A. The software tool automatically determine the age of the participant social network Ageception. Version 1.1. Certificate, No. 2014614425, 24.04.2013. (in Russian).

Электронные источники, интернет-сайты

Available at: www.ecoternopil.gov.ua (accessed October 10, 2014).

Ivanov S.E. Marine industry and the global crisis - monitoring of codebroker. Available at: http://www.korabel.ru/news/comments/morskaya_industriya_i_globalniy_krizis_-_nablyudeniya_sudobrokera.html (accessed December 12, 2013). (in Russian).

Нормативные документы

On approval of the water quality standards fishery water bodies, including the maximum permissible concentrations of harmful substances in the waters of fishery water bodies: Order of the Rosrybolovstvo No. 20 at 18.01.2010. Moscow, 2010. (in Russian).

GOST 10444.9-88. Food products. Method for determination of *Clostridium perfringens*. Moscow, 2010. (in Russian).

Материалы конференций, семинаров, сборников

Nazarko O.V., Pavlov I.V., Chernov A.V. (2012). Deformation and deformed stochastic basis. *Mathematical methods in modern and classic models of economics and science*. Proceedings of the Regional Scientific and Practical Conference. Rostov-on-Don, Antei Publ., pp. 37-54. (in Russian).

Научный журнал
**«ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ.
СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ РЕГИОН. ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ»**

Рецензируемый журнал «Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки», имеющий статус центрального издания, включенного в перечень ВАК, продолжает прием работ по следующим отраслям:

1. Философские науки.	Кроме того, публикуются материалы в разделах: – «Заметки о книгах»; – «Научная жизнь»; – «Штрихи к портрету».
2. Исторические науки.	
3. Экономические науки.	

Журнал издается с периодичностью 4 номера в год. С электронной версией журнала можно ознакомиться на сайте Научной электронной библиотеки: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=7571. Опубликованные статьи индексируются в российских и международных электронных библиотеках и наукометрических базах данных: РИНЦ, РУКОНТ, «Киберленинка», ЭБС «Университетская библиотека онлайн», Ulrich, EBSCO.

Авторы, сохраняя за собой авторские права на работу и передавая журналу «Известия вузов. Северо-Кавказский регион» право первой публикации, автоматически принимают на себя обязательство не печатать ее ни полностью, ни частично в каком-либо другом издании без указания ссылки на оригинальную публикацию в этом журнале.

Издательские услуги оплачиваются организацией или автором после утверждения статьи на редколлегии.

Оформление работ осуществляется согласно правилам:

1. Представляется электронный вариант статьи. В начале статьи указать индекс УДК.
2. Текст должен быть набран в редакторе MicroSoft Office 98 Word 2000, 2003, 2007 через 1,5 интервала, шрифтом Times New Roman размером 14 пт, страницы пронумерованы. Для записи формул применять только редактор формул Equation 3.0.
3. Сопроводительное или рекомендательное письмо, если статья представляется от организации.
4. Полное название организации и ее адрес **на русском и английском языках**.
5. Сведения об авторах с указанием адреса, по которому будет вестись переписка **на русском и английском языках**.
6. Название статьи и фамилии авторов **на русском и английском языках**.
7. Аннотация **на русском и английском языках** (1000–1500 знаков / 150–200 слов; четко указать предмет, цели, задачи и выводы исследования).
8. Ключевые слова **на русском и английском языках (8–10 слов)**.
9. Список литературы на английском языке.

Журнал распространяется по подписке – через ОАО «Роспечать» в подписной период. Индекс издания – 70414 (подписка на полугодие).

В неподписной период отдельные номера журнала за нынешний и прошлые годы можно приобрести в редакции.

Адрес для переписки: 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42, ЮФУ.

Редакция журнала «Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки».

Тел.: (863) 218-40-00, доб. 11-093, доб. 11-094.

E-mail: izvestiya@sfedu.ru.

Адрес в Интернете: www.izvestiya.sfedu.ru.

ISSN 2687-0770. Doi 10.18522/2687-0770-2020-4.

Известия высших учебных заведений.
Северо-Кавказский регион. Общественные науки.

2020. № 4